Терентьев.
Очаг войны
на Дальнем
Востоке.

Д 486/230

Д 486/230

2 экземпл

486
230

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Н. ТЕРЕНТЬЕВ

ОЧАГ ВОЙНЫ
НА
ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

ПАРТИЗДАТ
1934

1486
230

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

БФЧ
Т35-ов

Е. ТЕРЕНТЬЕВ

1486
230

ОЧАГ ВОЙНЫ
на Дальнем Востоке

ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Москва 1934

2020231441

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение — 5
Манчжурия — узел тихоокеанской проблемы — 11
Краткий очерк борьбы за Манчжурию — 16
Соотношение сил в Манчжурии перед захватом — 26
Захват Манчжурии и партизанская война — 42
Японская агрессия в современном Китае — 61
Жехэ и Северный Китай — 70
Японская агрессия и советы в Китае — 86
Углубление современного кризиса в Японии — 105
Непримиримая позиция САСШ — 128
Европейские империалисты в дальневосточном конфликте — 147
Лига наций в действии и упадке — 162
События на Дальнем Востоке и борьба двух систем — 177

ПРИЛОЖЕНИЯ

Меморандум о позитивной политике в Манчжурии, представленный 25 июля 1927 г. премьером Тонака императору Японии — 206
Сидао Араки. Задачи Японии в эпоху Сиова — 243

БИБЛ. * С.С.С.Р. имени В. И. ЛЕНИНА Всес.-Союз.

В-39-11748

Редактор *Д. Фихман*. Техредактор *А. Лавров*. Сдано в производство 25/XI 1933 г. Подписано к печати 3/I 1934 г. Уполномоч. Главлита № Б—35254. Партиздат № 784. Зак. 7444. Формат 82×110 см. 16 п. л. 38 000 зн. в 1 п. л. Тираж 25 000 экз.

Фабрика книги «Красный пролетарий» издательства ЦК ВКП(б) Партиздата.
Москва, Краснопролетарская, 16.

Наша политика на Дальнем Востоке и наше отношение к дальневосточным соседям неизменно исходят из интересов сохранения мирных отношений, неизменно направлены на укрепление дела мира. Подтверждением этому служит не только наше предложение Японии о заключении пакта о ненападении, но и наше предложение о продаже КВЖД. Эту нашу политику нам не приходится менять и теперь. Мы подтверждаем что наши прежние заявления остаются в полной силе.

Однако мы должны считаться с событиями в Манчжурии и прежде всего с тем фактом, что договоры заключенные с нами, и данные нам обещания со стороны Японии на деле нарушаются и ведется политика срыва этих договоров. Враждебные в отношении СССР провокации здесь все усиливаются...

Все это заставляет нас быть в полной готовности к серьезным нападениям. Мы уже это должным образом учли и должны сказать в связи с этим следующее: если сейчас мы видим главную свою задачу в разоблачении всяких авантюр, направленных к срыву мира и в заботе об укреплении Красной армии и нашей обороны при неуклонном проведении и в дальнейшем мирной политики и линии на укрепление нормальных отношений с нашими соседями, то в случае нападения на СССР мы будем видеть нашу задачу только в одном — эта задача: полный разгром противника и победа нашей Красной армии.

Мы с особым вниманием следим за событиями, которые происходят на Дальнем Востоке. Мы уверены в том, что вместе с общим укреплением СССР выросла и окрепла наша Красная армия. Мы должны усилить внимание к Красной армии и заботу о ней, и мы уверены в том, что нападающая сторона скоро поймет, что значит иметь дело с непобедимой Красной армией.

(В. М. МОЛОТОВ, Речь на торжественном пленуме Московского совета 6 ноября 1933 г.).

ВВЕДЕНИЕ

Обострение общего кризиса капитализма совершается громадными сдвигами, ведущими этот кризис на новую ступень... Успехами социалистического строительства все более обеспечивается экономическая самостоятельность Страны советов по отношению к капиталистическому миру; возросла ее международная мощь, революционизирующее воздействие на трудящихся и эксплоатируемых всех стран, ее значение как базы мировой социалистической революции. В то же время в капиталистическом мире продолжается *обострение экономического кризиса... нарастание революционного подъема* как в империалистических, так и в колониальных странах... *дальнейшее обострение противоречий между империалистическими государствами... усиление подготовки контрреволюционной войны против СССР.* Господство монополистического капитала, ныне подчинившего себе почти всю экономику капиталистического общества, в условиях общего кризиса капитализма чрезвычайно затрудняет изживание экономического кризиса обычным для капитализма времен свободной конкуренции путем... Все эти факты, вместе взятые... обнаруживают в ходе развития общего кризиса капитализма определенный перелом, своеобразную раскачку антагонистических сил, совершающуюся местами бурно, местами задерживаемую. В определенных чрезвычайно важных узловых пунктах антагонистические силы уже развязываются для столкновения»[1].

Одним из таких *узловых пунктов* антагонистического развития, одним из важнейших фокусов общего кризиса

---

[1] Тезисы, принятые XII пленумом ИККИ по докладу т. Куусинена.

капитализма, ареной события мирового значения является Дальний Восток. Крупнейшие военные операции, развертывающиеся на Дальнем Востоке со времени мировой войны и антисоветской интервенции в эпоху, когда мир вползает в новую войну, доказывают, что на Дальнем Востоке завязывается один из самых тугих клубков империалистических противоречий послевоенной эпохи.

Местонахождение этого клубка не случайно. Восточная Азия, центром которой является Китай, во многих отношениях представляет собой слабейшее звено капиталистической системы. Дальний Восток является поэтому одной из точек наиболее интенсивного приложения сил, разъедающих и разлагающих капитализм.

Именно на Дальнем Востоке надо искать один из важнейших конкретных факторов и проявлений *экономического загнивания* империализма, «ростовщическая и паразитическая сущность которого особенно ярко отражается в его колониальном хозяйстве»[1].

Всемирно исторические победы социализма в СССР, продолжающиеся развал экономики капиталистического мира, дальнейший рост межимпериалистических противоречий, дальнейший рост революционного подъема являются основными причинами, приведшими к тому, что общий кризис капитализма подошел к новой стадии своего развития, что капиталистический мир вплотную подходит к новому туру революций и войн.

В ряде факторов периода общего кризиса капитализма, расшатывающих и ослабляющих капиталистическую систему бесспорно крупное место занимают противоречия, порожденные колониальным господством империализма, поддерживающего на всем колониальном Востоке пережитки феодализма, тормозящего развитие производительных сил и порождающего тягчайший и все углубляющийся аграрный кризис в колониальных и полуколониальных странах. Этот кризис и сопутствующее ему систематическое снижение покупательной способности названных стран, а в первую очередь Китая и Индии, население которых составляет половину человечества, в свою очередь подтачивает мировое капиталистическое хозяйство. Недаром в катастрофическом состоянии капиталистической системы важное место занимает кризис серебра, столь тесно

---

[1] Тезисы и резолюции VI конгресса Коминтерна о революционном движении в колониальных и полуколониальных странах.

связанный с кризисом в Индии и Китае. Недаром также «открытие» китайского рынка или искусственное увеличение его емкости (проекты «серебряного займа и т. п.) являлись на разных этапах кризиса популярными панацеями преодоления этого кризиса и «спасения» капитализма. Восточная Азия благодаря огромному по численности населению, естественным богатствам, колоссальной массе прибавочного продукта является ареной борьбы империалистов за рынки сбыта и приложения капитала, за источники колониальных сверхприбылей. Но вместе с тем Восточная Азия еще не разделена окончательно между империалистическими хищниками. В течение всей послевоенной эпохи Китай вместе с другими колониальными и полуколониальными странами Восточной Азии является важнейшим полем не только американо-японских и англо-японских противоречий, *но и ведущего внутриимпериалистического противоречия*—между Англией и Америкой; Китай представляет собой в буквальном смысле слова «опасную зону» новых международных вооруженных конфликтов. К нему в сугубой степени применимы слова т. Сталина:

«Теперь никого из капиталистических государств уже не удовлетворяет старое распределение сфер влияния и колоний. Они видят, что изменилось соотношение сил, и нужно соответственно с этим переделить рынки сбыта, источники сырья, сферы влияния и т. д.»[1]

Эта формула отчетливо характеризует обстановку кризиса, одним из важнейших последствий которого в сфере международной политики является как раз усиление агрессии империалистов по отношению к Китаю и новое обострение проблемы раздела и передела этой страны.

«В странах капитализма разбойничий характер империалистического государства как диктатуры кучки финансовых магнатов находит в обстановке кризиса особенно яркое выражение в усилении империалистической агрессивности, в стремлении империалистов расширить свои колониальные владения и «сферы влияния», в усугублении всех форм колониального рабства, в стремлении переложить последствия кризиса главным образом на более слабые и зависимые страны и порабощенные народы...

Империалистическая политика буржуазной диктатуры,

---

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 434, изд. 9-е.

обостряя все противоречия мировой империалистической системы, создавая всюду очаги новых военных конфликтов, ведет с неизбежностью к новым чудовищным империалистским войнам»[1].

Обострение борьбы империалистов за передел колониального и полуколониального мира происходит в настоящее время на фоне и в специфическом взаимодействии с освободительной антиимпериалистической революционной борьбой, которая наиболее широко развернулась опять-таки в Восточной Азии—в Китае и Индии, где особенно силен гнет империализма и особенно грандиозна стихия революционного протеста колониальных народов против этого гнета.

«Великая китайская революция, которая привела в движение сотни миллионов китайского народа, означает громадную брешь во всей системе империализма. Непрерывное революционное брожение среди сотен миллионов индусских рабочих и крестьян грозит сломить господство мировой цитадели империализма—Великобритании... Таким образом революционный процесс в колониях, втягивающий в борьбу с империализмом гигантское большинство населения земли, подчиненное финансово-капиталистической олигархии нескольких крупнейших «великих держав» империализма, является также выражением глубокого общего кризиса капиталистической системы»[2].

Китай и вся Восточная Азия, революционное движение которой находится под глубочайшим влиянием китайской революции, являются одним *из важнейших современных театров борьбы* между силами мирового империализма и силами мировой революции.

На Дальнем Востоке обострение этой борьбы особенно заметно не только потому, что противоречия между империалистами здесь в наибольшей степени переплетаются с противоречиями между метрополиями и колониями. Обострение этой борьбы происходит здесь еще и потому, что дальневосточный фронт всегда играл крупнейшую роль в *антисоветских* планах мировой буржуазии. Империалисты *ничего так не боятся как смычки и сотрудничества между трудящимися Советского союза, освобожденными*

---

[1] Резолюция XI пленума ИККИ о задачах секций Коминтерна.
[2] Программа и устав Коминтерна, стр. 32, Партиздат, 1933 г.

от ига капиталистической эксплоатации, и рабочими и крестьянами порабощенных колониальных и полуколониальных стран, борющимися за свое освобождение. Нигде агрессивные антисоветские устремления мировой буржуазии не сказываются поэтому в более обнаженной форме и не находят себе выражения в столь открытых и циничных актах антисоветского бандитизма, как на Дальнем Востоке.

В итоге не приходится удивляться, что *в сфере международной политики одним из важнейших проявлений общего кризиса капитализма являются именно события на Дальнем Востоке.*

Обстановка на Тихом океане характеризуется борьбой между тремя руководящими тихоокеанскими державами—Америкой, Англией и Японией (известную роль играет однако и французский империализм) из-за господства над Китаем и над всем Тихоокеанским бассейном. Эта борьба разыгрывается во взаимодействии с общими усилиями империалистов удушить китайскую революцию и главное *в сочетании с агрессивными антисоветскими устремлениями империалистических держав.* За последние годы наиболее активным фактором этой тихоокеанской обстановки явилась японская агрессия в Манчжурии и Китае. Будучи непосредственным продолжением и *обострением* наступательной политики, которую японский империализм осуществлял на Азиатском континенте в течение многих десятилетий, японское вторжение в Манчжурию и Китай является вместе с тем *прямым порождением и ярким выражением мирового экономического кризиса.*

Этот кризис обострил все внутренние противоречия и специфический кризис японского капитализма, выросшего на базе и в тесной связи с феодальными пережитками и оплетенного густой сетью докапиталистических отношений. Он тем самым побудил японские правящие классы форсировать дальнейшее наступление в Китае и на Азиатском материке и перейти к открытой внешнеполитической агрессии, на путях которой японская монархия, опирающаяся на блок помещиков и буржуазии, ищет, подобно своему прототипу в лице царской России, способов поддержания и закрепления своего господства в стране и противоядия против надвигающейся все ближе буржуазно-демократической революции, долженствующей перерасти в революцию социалистическую.

Этот кризис вместе с тем обострил всю систему между-

народных противоречий капиталистического мира и в первую очередь ведущих англо-американских противоречий, воспрепятствовав этим созданию эффективного антияпонского фронта империалистических держав, наподобие хотя бы установленного в Вашингтоне в 1921—1922 гг. Далее, обострив революционную ситуацию в Китае, кризис вместе с тем активизировал агрессивные тенденции мировой буржуазии по отношению к Китаю, благодаря чему ослабил противодействие со стороны держав японской оккупации Манчжурии,—оккупации, расчищавшей пути международной интервенции и разделу Китая. Наконец, что самое главное, кризис в еще более сильной степени *обострил антисоветские тенденции мировой буржуазии и мобилизовал на стороне Японии наиболее агрессивные элементы мировой реакции, мечтающей о переключении японской интервенции в Манчжурии в интервенцию против СССР.* В результате Дальний Восток является в настоящее время театром наиболее активных антисоветских интриг и источником наиболее серьезной военной угрозы.)

МАНЧЖУРИЯ—
УЗЕЛ
тихоокеанской проблемы

Не случайно первоначальной ареной событий на Дальнем Востоке явилась именно Манчжурия. Совокупность географических, экономических и политических факторов сделала этот край важнейшим узловым объектом в борьбе, составляющей содержание «тихоокеанской проблемы». В истории вторжения империализма в Китай Манчжурия занимала и занимает исключительное место. Ни в одной области Китая империализм не осуществлял столь решительного наступления, нигде процесс империалистического внедрения не зашел так далеко, нигде так сильно не сказался ярко монополистический характер господства империалистов и нигде борьба этих монополий не привела к столь обостренным империалистическим противоречиям и конфликтам.

Эта роль Манчжурии предопределилась прежде всего ее огромными природными богатствами.

> «Страна привлекает к себе не только незначительной плотностью своего населения. Нигде в мире нет таких лесных богатств, такого изобилия минеральных богатств и сельскохозяйственных продуктов»,—заявляет японский премьер Танака в своем знаменитом меморандуме[1] от 1927 г., который придется нам еще не раз цитировать.

Действительно Манчжурия богата каменным углем (одни лишь разведанные к настоящему времени месторождения могут дать свыше 2 млрд. *т*), железом (известные месторождения—около 400 млн. *т*), золотом (добывается свыше 8 тыс. *кг* в год); в ней встречаются и уже начаты разработкой также медные, свинцовые и цинковые руды, асбест, тальк, магнезит, каолин, гипс, сера, сода, соль. В Южной Манчжурии имеются также огромные запасы нефтеносных

---

[1] См. приложения, стр. 206.

сланцев в одном лишь Фушунском месторождении свыше 5 млрд. *т* со средним содержанием нефти в 6%. Манчжурские леса покрывают примерно 290 тыс. *кв. км* и располагают запасом древесины, исчисляемым в 93 млрд. куб. футов.

Эти минеральные и лесные богатства сами по себе являлись притяжением для империалистических хищников (вспомним хотя бы историю с безобразовскими лесными концессиями на реке Ялу, явившуюся прелюдией к русско-японской войне[1]). Еще большую роль играли и играют однако огромные сельскохозяйственные ресурсы Манчжурского края с его все еще сравнительно редко населенной территорией, своими размерами превышающей Германию и Францию, вместе взятые. Климатические и почвенные условия Манчжурии чрезвычайно благоприятны для развития сельского хозяйства. Манчжурия в частности исключительно приспособлена для культуры соевых бобов, имеющих столь разнообразное питательное, техническое и кормовое применение (средний урожай этих бобов с акра[2] составляет в Манчжурии 22 бушеля против 19 бушелей в Японии, 16—в Соединенных штатах и 12—в Корее).

Быстрый процесс колонизации, происходивший в Манчжурии в течение всего последнего десятилетия[3], обеспечивал непрерывный рост той массы прибавочного продукта, который экспроприируется у манчжурского крестьянства иностранными и туземными угнетателями. Монокультурный характер сельского хозяйства в Манчжурии, которое дает 63% мирового сбора соевых бобов, его высокая товарность и экспортность облегчают эту экспроприацию на базе комбинированной феодальной и капиталистической эксплоатации манчжурского крестьянства.

---

[1] Эти лесные концессии находились в руках придворной клики, окружавшей Николая II, виднейшим представителем которой был некий Безобразов. Материальная заинтересованность этой клики и самого царя в манчжурско-корейской авантюре явилась важным фактором агрессивной политики царизма, которая привела к русско-японской войне.

[2] Акр—английская и американская земельная мера=0,4 047 *га* (4047 *кв м*) Бушель—современная английская мера сыпучих тел=36,34 литра.

[3] В отдельные годы прибывало свыше миллиона эмигрантов и сезонных рабочих из Собственно Китая, известная часть которых оставалась в этом крае и после окончания полевых работ. Число иммигрировавших в Манчжурию (вместе с сезонными рабочими) составляло в 1923 г. 434 тыс., в 1924 г.—482 тыс., в 1925 г.—533 тыс., в 1926 г.—607 тыс., в 1927 г.—1 178 тыс., в 1928 г.—938 тыс., в 1929 г.—1 043 тыс., в 1930 г.—810 тыс. (годовой обзор газеты «Japan Advertiser» за 1931—1932 гг., стр. 53).

40 лет назад Северная Манчжурия насчитывала всего 1½—2 (по другим подсчетам 3—4 млн. населения); сейчас в ней обитает около 15 млн., а во всей Манчжурии—свыше 30 млн., но процесс колонизации еще далеко не закончен и обеспечивает тому, кто господствует над этим краем, растущий гигантский поток колониальных сверхприбылей. Характерно, что в то время как ценность всей китайской внешней торговли (в китайских таможенных таэлях[1]) номинально возросла с 1907 по 1930 г. всего на 21%, ценность внешней торговли Манчжурии за тот же период выросла на 1 073%. Нет надобности говорить, что сравнительная редкость населения в Манчжурии и растущая роль железных дорог в колонизуемой стране являются факторами, которые сейчас, как и несколько десятилетий назад, дополнительно облегчает империалистам захват и порабощение этого края.

Таковы экономические черты самой Манчжурии, делающие ее столь привлекательным объектом захвата для империалистов вообще и для Японии в частности.

Настойчивая японская политика в Манчжурии является той красной нитью, которая проходит через всю новейшую историю японской внешней политики и японского империализма. Бесчисленные заявления и декларации японских деятелей и высказывания японской прессы изо дня в день и из года в год развивают и углубляют тезис о жизненной заинтересованности Японии в этом крае.

«Права Японии на Манчжурию и Монголию,—читаем мы в специальном памфлете сотрудника газеты «Кокумин» Хоссоно Шигекадзу.—базируются не только на исторических и юридических основаниях. Они проистекают из права Японии на жизнь, которое не может быть у нее отнято. Экономическая блокада, которой была подвергнута Германия во время мировой войны, убедительно научила нас, что невозможно вести войну, если нация не обеспечена предметами первой необходимости и соответствующими естественными ресурсами, нужными для вооружения. В этом смысле *Манчжурия и Монголия абсолютно необходимы для Японии с точки зрения ее национальной обороны и ее экономической потребности.*

---

[1] Таэль — китайская весовая мера и вместе с тем единица ценности (определенное количество серебра определенной пробы). Таможенный таэль — теоретическая величина, равная 583,3 г чистого серебра.

Проще говоря, они являются первой линией обороны самого существования Японии»[1].

«Никакой новый мирный или торговый договор между Японией и Китаем не может быть заключен без полного признания Китаем японских прав на Манчжурию,—заявляет платный агент японского империализма Джордж Бронсон Ри.—*Вся нация, как один человек, поднимется на войну против всего мира раньше, чем откажется от плодов двух предшествующих войн в Манчжурии.* Требовать, чтобы Япония выбралась из Манчжурии, это все равно, что требовать, чтобы она совершила самоубийство»[2].

«Нет сомнений, что Манчжурия и Монголия являются сердцем нашей империи,—заявляет меморандум Танака.—Создание новой империи в Монголии и Манчжурии имеет огромное значение для существования Японии... Приобретение прав в Манчжурии и Монголии должно повести к использованию этого района в качестве базы для проникновения под предлогом торговли в остальной Китай. Вооруженные правами, уже нам обеспеченными, мы сумеем захватить ресурсы всей этой страны. Располагая всеми китайскими ресурсами, мы перейдем к завоеванию Индии, Архипелага, Малой Азии, Центральной Азии и даже Европы. *Но овладение Манчжурией и Монголией является первым шагом на этом пути*». (Подчеркнуто нами.—*Н.Т.*)

Конечной целью устремлений японского империализма в Манчжурии является разумеется включение этого края в состав Японской империи. Формальная сторона имеет однако третьестепенное значение: суть дела в фактическом превращении Манчжурии в японскую колонию, в объект монопольного японского господства. К этой цели японский империализм идет не со вчерашнего дня.

Но Япония, как и другие империалисты, домогается Манчжурии не только ради нее самой. Манчжурский вопрос—неразрывная часть китайского вопроса, который в свою очередь занимает центральное место в тихоокеанской проблеме. Овладение Манчжурией—ключ к овладению близлежащим Северным Китаем, жизненные центры которого находятся в непосредственной близости к границам Манч-

---

[1] Брошюра «Растущая серьезность положения Манчжурии и Монголии и призыв в действию». Цитируем по английскому переводу в газете «Japan Chronicle» Кобе от 17 и 24 сентября 1931 г.

[2] «Far Eastern Review», Шанхай, август, 1931 г.

журии, и стало быть — ключ к овладению господством во всем Китае. Соприкасаясь с бывшими владениями царского империализма, с одной стороны, и с Кореей, которую японский империализм окончательно поглотил в 1910 г.,— с другой, Манчжурия являлась необходимой ступенью на пути к достижению Японией господства над Китаем. В 1904—1905 гг. она естественно оказалась полем битвы, на котором решался вопрос—быть или не быть царскоії России хозяином на Дальнем Востоке. Но и после того, как наступление царскоії России было остановлено, Манчжурия сохранила огромное значение в Тихоокеанском бассейне.

Именно в Манчжурии японский империализм усматривал тот плацдарм, опираясь на который он сможет повести дальнейшее наступление на Азиатском континенте. *Именно Манчжурия является ближайшим плацдармом подготовки новой антисоветской интервенции и войны на Дальнем Востоке.* Именно в Манчжурии американский империализм вел авангардные операции своего контрнаступления. Манчжурский вопрос продолжает оставаться узловым вопросом Дальнего Востока и Тихого океана в частности и потому, что судьба Манчжурии (ввиду того огромного значения, которое имеет господство над ее ресурсами для всей экономики, стратегии и политики японского империализма) в значительной мере предопределяет условия той решающей схватки между империалистами за господство над Тихим океаном, приближение которой возвещается нынешней японской авантюрой в Китае.

кратний очерк

БОРЬБЫ за МАНЧЖУРИЮ

Манчжурский вопрос зародился в начале 90-х годов прошлого века, когда царское правительство стало форсировать постройку Великого сибирского пути. Агрессивные устремления царской России на Дальнем Востоке побудили молодой японский капитализм ускорить свое собственное наступление и привели в середине 90-х годов к японо-китайской войне, закончившейся разгромом Китая. Последний вынужден был согласиться не только на «независимость» Кореи (ранее бывшей его вассалом) и уступку Японии Формозы и Пескадорских островов, но и на аннексию Японией почти всего южноманчжурского побережья (территории между реками Ялу и Ляо). Этот первый опыт колониального захвата в Манчжурии привел однако к первому же международному конфликту, связанному с Манчжурией. Царская Россия, поддержанная Германией и Францией, вмешалась и заставила Японию отказаться от захвата манчжурской территории, заменив его добавочной контрибуцией.

Выступление царского правительства само по себе свидетельствовало о его возросшей активности на Дальнем Востоке, но лишь ряд событий, происшедших в течение последующих лет, обнаружил, какими темпами и в каком масштабе царский империализм осуществлял это наступление. В 1895 г. царское правительство гарантировало крупный китайский внешний заем, заключенный с целью уплаты наложенной Японией контрибуции и обеспечивший России преобладающее влияние в китайских правительственных кругах. В том же году был образован Русско-китайский банк, который в дальнейшем должен был стать главным орудием экспансии царского империализма. 3 июня 1896 г. с Китаем был заключен секретный договор, по которому обе страны вступали в «союз» против Японии;

царская Россия обязывалась поддержать Китай против всякой японской агрессии, и в целях якобы этой поддержки царскому правительству было предоставлено право проведения железной дороги через Манчжурию и право перевозки войск по этой дороге. В развитие этого секретного договора в августе 1896 г. Русско-китайским банком был заключен контракт на постройку и эксплоатацию КВЖД. Через два года (в 1898 г.) Россия захватила в «аренду» часть той самой территории, которую ее вмешательство вырвало у Японии в 1895 г.,—южную оконечность Ляодунского полуострова с портами Дайреном и Порт-Артуром. В том же году было заключено дополнительное соглашение о постройке и эксплоатации южной ветки КВЖД от Харбина до названных портов. В 1899 г. позиции царского империализма были закреплены соглашением с Англией, сущность которого заключалась в отказе последней от соискательства железнодорожных концессий в Манчжурии. Наконец в 1900 г. царская Россия использовала боксерское восстание[1] в качестве предлога для оккупации всей Манчжурии.

Таким образом на самом рубеже двух веков царский империализм стал в Манчжурии твердой ногой и бесспорно готовился к полной ее аннексии. Это естественно объединило и мобилизовало против «русской угрозы» не только Японию, но и Англию и Америку. Выступление американского правительства в 1899 г. с знаменитой доктриной Хэя—принципом «открытых дверей»[2]—имело своей непо-

---

1 В канве восстания 1900 г., возглавляемое обществом «Большого кулака» было народной китайской войной против империалистов — угнетателей Китая. Будучи движением в значительной мере плебейским по своему составу и революционным по своим движущим силам, оно вместе с тем оказалось использованным и частично даже руководимым той частью придворных феодальных кругов, которая еще не была тесно связана с иностранным капиталом и находилась в оппозиции к господству последнего. Восстание привело к убийству двух иностранных дипломатов и к осаде иностранных посольств в Пекине; оно было подавлено с неслыханными зверствами международной карательной экспедицией, в результате которой Китаю был навязан архиграбительский договор 1901 г.

2 Принцип «открытых дверей» был впервые выдвинут по отношению к Китаю в 1889 г. министром иностранных дел США Хэем. Империализм США позже всех остальных империалистических держав приступил к захвату и эксплоатации колоний.

Надеясь на свою возросшую экономическую мощь и желая подчинить себе уже захваченные колонии, в частности Китай, США, в противовес политике захвата монопольных прав и привилегий остальных империалистических держав, выдвинули доктрину «открытых дверей», состоящую в требовании свободного экономического соревнования и отмене всяких привилегий.

средственной целью остановить угрожающее наступление России в Манчжурии. Заключенный в 1902 г. первый союзный договор между Англией и Японией точно так же был непосредственно направлен против царского империализма в Манчжурии и послужил прологом к вооруженному военному конфликту между царским и японским империализмом, столкнувшимися друг с другом в борьбе за Манчжурию.

После подавления боксерского восстания, в период, когда державы вели переговоры с Китаем, закончившиеся подписанием боксерского протокола 1901 г., и позднее, царский империализм пытался вести с китайским правительством сепаратные переговоры. С целью закрепления своего монопольного господства в Манчжурии он пытался в частности закрепить за собой монополию на все железные дороги и промышленные концессии в этом крае. Домогательства его характеризовались между прочим требованием сохранения под своим управлением «города Ньюкоу и других мест» и подчинения высших манчжурских властей русскому военному командованию в Манчжурии. Но в этих переговорах Россия столкнулась с чрезвычайно активным противодействием трех названных держав и Германии, и в результате ей не удалось закрепить свои достижения в Манчжурии договорным путем. Пришлось заключить соглашение 1902 г. об эвакуации Манчжурии русскими войсками. Однако это соглашение не было выполнено царским правительством, выставившим новые требования, которые вызвали протест со стороны держав. Растущая напряженность конфликта разрешилась в конце концов русско-японской войной 1904—1905 гг. В этом конфликте Япония выступила застрельщиком целой группировки держав, стремившихся остановить наступление царского империализма на Дальнем Востоке, но она вместе с тем положила начало своему собственному господству в Манчжурии.

Поражение царской России в этой войне радикально изменило обстановку в Манчжурии. По Портсмутскому договору Япония получила от царской России ЮМЖД, т. е. южную линию КВЖД от Чаньчуня до Порт-Артура, и арендованную территорию Квантуна. Наступление царской России на Дальнем Востоке было приостановлено. Тем самым Манчжурия оказалась разделенной на две сферы влияния: русскую—на севере и японскую—на юге.

Это положение вещей не удовлетворяло американский

империализм, который имел на Манчжурию свои собственные виды. Между 1905 и 1913 гг. происходит ряд событий, в которых проявлялось настойчивое проникновение в Манчжурию американского и отчасти английского капитала, угрожавших тем самым монопольным позициям Японии и России. Так еще в 1905 г. американский железнодорожный магнат Гарриман пытался приобрести контроль над ЮМЖД. В 1907 г. английская фирма «Паулинг» заключила контракт с китайским правительством о сооружении железной дороги в Южной Манчжурии. В 1909 г. был заключен другой контракт с представителями английского и, главное, американского капитала на постройку трансманчжурской магистрали Цзиньчжоу—Айгунь, которая должна была пересечь с юга на север всю Манчжурию, т. е. и русскую и японскую сферы. Вдохновителем этого проекта был американский генеральный консул в Манчжурии Вилкард Стрэт, пропагандировавший так называемую «дипломатию доллара», т. е. активное внедрение американского капитала, осуществляемое экономическими и политическими методами в тесном сотрудничестве руководящих группировок финансового капитала с государственным департаментом (министерством иностранных дел) САСШ. Наконец в конце того же 1909 г. американское правительство официально выдвинуло план интернационализации всех манчжурских дорог, включая КВЖД и ЮМЖД, путем предоставления китайскому правительству международного займа на предмет выкупа этих железных дорог.

Царская Россия и Япония решительно сопротивлялись этим покушениям на их монопольное господство в Манчжурии, и на этой почве между недавними противниками быстро установилось весьма тесное сотрудничество, выразившееся в частности в заключении между ними ряда секретных договоров 1907, 1910, 1912 и 1916 гг. Эти договоры разграничивали сферы их влияния в Манчжурии, обязывали их к взаимной поддержке специальных интересов другой стороны в пределах ее сферы, а позднейшие из них устанавливали даже состояние союза между царской Россией и Японией.

Мировая война создала новую обстановку в Манчжурии. Япония, которая использовала предшествующие годы для освоения и укрепления своего господства в Южной Манчжурии, получила на время долгожданную свободу рук на Дальнем Востоке и в частности в Китае. Она использовала это положение сначала для захвата германской

«арендованной территории» и германской железной дороги в провинции Шаньдунь, а затем для предъявления Китаю знаменитых 21 требования. Эти требования были, как известно, разбиты на пять групп, относившихся соответственно: 1) к Шаньдуню (отказ Китая от германских концессий и прав в этой провинции, неотчуждение ее территории третьим державам, новая железнодорожная концессия, открытие по соглашению с Японией ряда новых портов), 2) к Манчжурии (см. ниже), 3) к Ханьеппинскому промышленному комбинату в Центральном Китае (превращение его в смешанное предприятие и предоставление ему монополии на горные разработки в его районе). 4) отказ от предоставления третьим державам каких-либо портов, бухт или островов на китайском побережьи и 5) ко всему Китаю (привлечение «влиятельных» японских советников по политическим, финансовым и военным делам, распространение японского контроля над китайской полицией в важнейших пунктах, над военноружейным снабжением Китая, новые японские железнодорожные концессии в Центральном Китае и японская монополия на концессии в (Фуцзяне). Именно эта последняя, пятая группа требований и являлась выражением тогдашней программы-максимум японского империализма. Она была направлена на установление японского протектората над всем Китаем. Впрочем эта группа требований никогда не была принята Китаем, и хотя в 1915 г. она была оставлена «для последующей дискуссии», однако на Вашингтонской конференции 1921—1922 гг. Япония вынуждена была формально от нее отказаться. Поэтому, когда в последний год шла речь о признании 21 требования,—а это признание подразумевалось в одном из пяти пунктов, предложенных в переговорах Японии с Брианом в октябре 1931 г.,—то имеются в виду не первоначальные 21 требование, чересчур однозные с точки зрения интересов других империалистов в Китае, а лишь договор 1915 г. о Южной Манчжурии и Восточной (внутренней) Монголии с дополнениями в виде обмена нот.

Этот договор и договор о Шаньдуне, отпавший в 1922 г., и были важнейшим результатом предъявления 21 требования. Он содержит в частности продление на 99 лет срока концессии на ЮМЖД и аренды Квантуна[1], а также предоставляет японцам право повсеместного проживания и

[1] По первоначальному соглашению 1898 г. между Китаем и Россией (ст. 3) правопреемником которой была Япония, срок аренды Квантунга истек 28 марта 1923 г., по договору 1915 г. он был продлен до 1997 г. Срок

бессрочной аренды земли в Южной Манчжурии. От некоторых других его постановлений Япония вынуждена была отказаться на Вашингтонской конференции. Сюда относятся пункты о монопольном праве Японии поставлять Манчжурии политических, административных, военных и иных советников, предоставлять ей займы под обеспечение ее налогов для целей строительства железных дорог и др. Но и то, что осталось, представляло собой достаточно солидную базу для дальнейшего укрепления монопольного японского господства в Южной Манчжурии, недаром Китай многократно пытался, без успеха конечно, отвергнуть этот договор 1915 г. как заключенный под угрозой насилия.

Договор 1915 г. явился исходным пунктом нового энергичного японского наступления в Манчжурии. Главное внимание сосредоточивалось на обеспечении исключительных прав по постройке новых железных дорог, которые должны были служить звеньями южноманчжурской железнодорожной системы. 27 декабря 1915 г. было заключено соглашение о постройке дороги Сыпингай—Чженьцзядунь, впоследствии продленной до Таонаня. В 1917 г. был радикально пересмотрен контракт на эксплоатацию Гиринчаньчунской дороги. В 1917—1919 гг. у власти в Пекине находилась продажная клика китайских политиков, тесно связанных с японцами. К этому периоду относится заключение знаменитых так называемых «нишихаровских» займов (по имени японского банкира, подписавшего соответствующие договоры), которые представляли собой простые взятки этой клике, но закрепляли за Японией право эксплоатации естественных богатств и постройки ряда важнейших железнодорожных линий в Шаньдуне и Манчжурии. Так в 1918 г. были заключены соглашения о крупных авансах в счет трех займов—займа на постройку Гиринхойренской железной дороги, займа на постройку четырех других железных дорог в Манчжурии и займа под залог золотых приисков и лесных промыслов этого края. К этому времени падение царского режима, интервенция, гражданская война в Сибири и хозяйничание белогвардейцев на КВЖД позволили Японии автоматически распространить значительную долю своего влияния и на Северную Манчжурию.

концессии на Мукден-аньдунскую дорогу истекал в 1923/24 г. и был продлен до 2007 г.; срок концессии на ЮМЖД был продлен до 2002 г., и было отменено право досрочного выкупа, которое должно было принадлежать Китаю с 1930 г.

Но с окончанием мировой войны, в условиях колоссально возросшей мощи американского империализма и его растущей заинтересованности во внешних рынках не могло не произойти обострение японо-американских отношений в Манчжурии. Правда, не далее как в 1917 г. Япония по соглашению Лансинг—Ишии добилась признания Америкой наличия у нее специальных интересов в Китае, в частности в сопредельных с Японией районах, т. е. в первую очередь в Манчжурии. Однако это соглашение, заключенное в разгаре мировой войны, за несколько дней до Октябрьской революции, не могло изменить того обстоятельства, что в послевоенных условиях дальневосточная политика американского империализма должна была оказаться заостренной против Японии и направленной на то, чтобы остановить и ограничить угрожающую японскую экспансию на Азиатском материке.

С этой целью американский империализм не только поддерживает антияпонское движение, развернувшееся в Китае в связи с подписанием Версальского договора, оставившего в руках Японии бывшие германские владения в Шаньдуне, но и предпринимает ряд покушений на японские позиции в Манчжурии. Эти покушения сказались в частности при создании по инициативе тех же Соединенных штатов послевоенного международного банковского консорциума, которому должна была быть предоставлена монополия на все внешние займы Китаю, как «политические», так и «промышленные». В переговорах о создании этого консорциума, тянувшихся с 1918 по 1920 г., японское правительство всячески стремилось изъять из сферы его действия Манчжурию. Америке, поддержанной Англией, удалось все же сломить сопротивление Японии. По договору, который был подписан в 1920 г., деятельность консорциума должна была распространиться на Манчжурию, как и на все другие районы Китая, с той лишь оговоркой, что из сферы этой деятельности изымались ЮМЖД с ее ветками и 7 китайских железных дорог, с постройкой которых связывались предоставленные Китаю японские займы и авансы.

Значительный удар был нанесен японским завоеваниям в Манчжурии и на Вашингтонской конференции 1921—1922 гг. Японский империализм был вынужден, как уже отмечено, отказаться от некоторых исключительных привилегий, полученных им в Манчжурии по договору 1915 г. (займы, советники). В договоре 9 держав о Китае был

зафиксирован принцип «открытых дверей» и территориальной и административной целостности Китая, причем для Манчжурии никакого исключения установлено не было. Что самое главное—был расторгнут англо-японский союз, который в течение двух десятилетий являлся главной опорой японской империалистической политики на Дальнем Востоке. Тем не менее *основные позиции Японии в Манчжурии остались непоколебленными.* Наступление японского капитала в этом крае продолжалось безостановочно, в частности продолжалось усиленным темпом строительство железных дорог (окончание постройки дорог Сыпингай—Таонань в 1923 г., постройка дороги Таонань—Цицикар в 1925—1926 гг. и дороги Гирин—Дунхуа в 1926—1928 гг.) и всемерно укреплялись экономические позиции Японии. Одновременно японский империализм осуществил ряд актов военно-политической интервенции, направленных на укрепление своего господства в Манчжурии. В частности японцами было спровоцировано в конце 1925 г. восстание части манчжурской армии под руководством Го Сун-лина, которое было затем подавлено Чжан Цзо-лином с японской же помощью.

Развитие событий после Вашингтонской конференции привело в Манчжурии к новому обострению *японо-американского конфликта*, оставшегося стержнем всего переплета империалистических противоречий, связанных с этой китайской окраиной. Если первоначально японо-американская борьба находила себе главное выражение в открытых выступлениях американского капитала против монополистических устремлений Японии, то за годы, предшествовавшие нынешнему захвату Манчжурии Японией, внешние формы этой борьбы изменились. В эти годы мы в меньшей степени встречаемся с дипломатическими актами Америки, направленными на ограничение японской экспансии в Манчжурии. Создается такое впечатление, как будто Америка и другие державы примирились с фактическим господством Японии. Но, с другой стороны, мы видим, что американский капитал переходит в контрнаступление против Японии в самой Манчжурии и осуществляет это контрнаступление через посредство тех китайских буржуазно-помещичьих элементов, с которыми Японии приходилось иметь дело в Манчжурии. Обостряющаяся японо-американская борьба принимает внешнюю форму японо-китайского конфликта.

В 1927 г. конфликт этот приобретает открытый харак-

тер. Предпосылкой его активизации явилась победа гоминдановской контрреволюции в Китае, расчистившая путь для дальнейшего агрессивного наступления империалистов (в предшествовавшие годы подъема национально-революционного движения в Китае империалисты вынуждены были вести оборонительную маневренную политику). С другой стороны, разразившийся в Японии в 1927 г. финансовый кризис подчеркнул неустойчивость японской экономики и ее зависимость от внешних рынков, что также оживило наступательные тенденции японской буржуазии в Китае и в частности в Манчжурии. Этот финансовый кризис привел к смене японского кабинета, и пришедшее к власти правительство партии сейюкай тотчас приступило к форсированному проведению так называемой «позитивной политики» в Китае и Манчжурии. Вслед за не вполне удачной шаньдунской военной экспедицией весной 1927 г. японское правительство попыталось оказать воздействие на Бейпин и Мукден с целью разрешения в пользу Японии целого ряда «спорных» вопросов. Были завязаны так называемые манчжуро-монгольские переговоры, вокруг которых заранее была поднята сильнейшая шумиха и для подготовки к которым в Токио и Дайрене созывались специальные конференции японских ответственных чиновников и развивалась бешеная кампания в японской прессе.

После этой предварительной подготовки переговоры действительно начались сначала в Мукдене, а затем в Бейпине (Пекин), но обстановка для этого оказалась не вполне благоприятной; новое японское наступление вызвало пристальное внимание держав и привело к новому подъему антияпонского бойкота в Китае; решающей явилась конечно позиция Америки, хотя последняя и воздерживалась от открытых выступлений. Японский империализм должен был признать, что момент для наступления выбран неудачно. В результате переговоры ни к чему не привели, и все конфликтные вопросы были оставлены открытыми. Это не означало однако смягчения противоречий. Накопление конфликтных вопросов продолжалось: японский империализм отнюдь не отказывался от новых попыток их форсированного разрешения и ждал лишь подходящей обстановки. Осенью 1931 г. японский империализм нашел повидимому обстановку подходящей, тогда, как известно, и началась нынешняя японская авантюра в Манчжурии, представляющая собой прямое продолжение всех предыдущих этапов наступательной японской политики в этом

крае и приведшая к захвату его японским империализмом.

Вся острота японо-американского конфликта в Манчжурии отчетливо сказалась в знаменательной истории с проектом американского займа ЮМЖД, которая разыгралась в конце 1927 г. Потерпев поражение в своих попытках угрозами и бряцанием оружия заставить китайские власти в Манчжурии пойти на новые значительные уступки и учитывая, что это поражение является следствием той активной поддержки, которую китайские власти встречают со стороны американского капитала, японский империализм попытался «взять быка за рога» и нейтрализовать Соединенные штаты путем привлечения американских капиталистов в качестве партнеров японского предприятия в Манчжурии. Использовав соответствующие устремления со стороны некоторых группировок американского капитала, японцы договорились с домом Моргана о предоставлении ЮМЖД крупного займа в размере 30 млн. американских долларов.

Политические последствия осуществления этого проекта были бы неизмеримы. Став «молчаливым партнером» крупной японской монополии в Манчжурии—общества ЮМЖД, американский капитал естественно оказался бы заинтересованным в дальнейшем укреплении и расширении японских позиций в Манчжурии. Неудивительно, что в Китае и в самой Америке поднялась целая буря. Вопрос о судьбе этого невинного на первый взгляд проекта займа оказался вопросом о путях дальнейшей политики американского империализма в Манчжурии, Китае и на всем Тихом океане. Однако все усилия японского империализма и тех элементов американского капитала, которые считают наиболее выгодным итти рука об руку с Японией, оказались тщетными. Под соответствующим давлением со стороны решающих групп американского крупного капитала Государственный департамент Соединенных штатов должен был выразить свое неодобрение этому проекту, который так и не был осуществлен. Курс американской политики в Манчжурии и на Дальнем Востоке оказался неизменным. Этот исход не мог не привести к дальнейшему обострению и обнажению японо-американского конфликта и стало быть явился немаловажной вехой в развитии современных событий на Дальнем Востоке.

Соотношение сил

в МАНЧЖУРИИ

перед захватом

Манчжурия была той областью Китая, на которой японский империализм в максимальной степени сконцентрировал свои усилия. На Манчжурию приходилось по некоторым расчетам около трех четвертей и во всяком случае не менее двух третей всех японских инвестиций в Китае[1], которые в свою очередь представляют 81,9% всех вообще заграничных вложений японского капитала[2]. Нигде за пределами собственно японской территории японский капитал не имел таких разветвленных и значительных интересов и таких укрепленных позиций, как на территории Манчжурии. Здесь проживала почти $^1/_3$ всех японцев, находящихся за пределами своей собственной территории, и свыше 80% японцев, живущих на территории Китая.

Манчжурия с ее 30-миллионным населением поглощала почти столько же японских товаров, сколько весь Центральный Китай с его 200-миллионным населением. В общем вывозе Японии в Китай на долю Манчжурии приходится в 1927 г. 31,1%, в 1928 г.—33,6, в 1930 г.—30,4 и в 1931 г.—30,0%.

Относительное значение Манчжурии как рынка сырья и продовольствия еще более велико. Японский импорт из Манчжурии, начиная с 1928 г., превышает импорт из всего остального Китая; по отношению ко всему ввозу из Китая он составил в 1927 г. 42,4%, в 1928 г.—56,7, в 1930 г.—

---

[1] Автор новейшего специального исследования иностранных инвестиций в Китае вычисляет, что на долю Манчжурии приходилось в 1930 г. 62,9% всех прямых японских инвестиций в Китае и на долю всего остального Китая—37,1% (*Remer*, Foreign Investments in China,» 1933, p. 470). На Манчжурию приходилось 75,5% признанных Китаем японских железнодорожных займов (p. 532) и значительный процент всех вообще японских займов Китаю, включая различные необеспеченные и сомнительные сделки вроде янгихаровских.

[2] *Remer*, op. cit, p. 78.

53,3, в 1931 г.—56,0%. Характерно, что из одной лишь Квантунской области, т. е. фактически из Дайрена, Япония ввозит 75% всех импортируемых ею бобов (в 1929 г.—63,5 млн. иен из общего ввоза в 78,7 млн. иен[1], 40% жмыхов (33 млн. иен из 76 млн.—остальные поступают из Манчжурии же через Владивосток) и 60% угля (26,4 млн. из 43 млн. иен).

С другой стороны, Япония вместе с Кореей играли руководящую роль во внешней торговле Манчжурии. Это явствует из следующей таблицы (в миллионах таможенных таэлей)[2]:

СТРАНЫ	Импорт			Экспорт		
	1908 г.	1909 г.	1930 г.	1908 г.	1929 г.	1930 г.
Япония	13,6	126,5	110,0	16,8	135,3	114,5
Корея	1,1	12,2	10,4	0,4	33,6	39,9
Итого	14,7	138,7	120,4	17,2	168,9	154,4
Великобритания	0,5	9,7	10,5	0,4	21,6	10,3
Гонконг	2,0	13,7	12,8	0,8	6,4	6,7
Индия и британские колонии	0,0	2,8	1,4	0,0	0,7	0,8
Итого	2,5	26,2	24,7	1,2	28,7	17,8
США	6,8	25,9	20,7	0,0	10,3	7,0
Филиппинские острова	0,0	0,0	0,0	0,0	1,9	1,7
Итого	6,8	25,9	20,7	0,0	12,2	8,7
Прочие страны	8,0	39,3	41.0	10,5	122,8	107,8
Всего вместе с прочими	32,0	230,1	206,8	28,9	332,6	288,7
Собственно Китай	21,1	99,5	—	18,7	93,1	—
ВСЕГО	53,1	329,6	—	47,6	425,7	—

[1] Одна иена по паритету — 98 к. Теперь в связи с падением курса стоимость иены — 38 коп.

[2] Неопубликованные данные китайских морских таможен приводятся в «Chinese Economic Journal», ноябрь 1931, стр. 1281—1283. Эти данные китайской статистики не вполне характерны, так как весьма значительный по объему экспортный транзит Манчжурии через СССР (главным образом по КВЖД через Владивосток), равно как и играющий меньшую роль импортный транзит через СССР, не распределяется по странам действительного назначения или происхождения, а числится соответственно вывозом в СССР или ввозом

Но само собой разумеется, что интересы Японии в Манчжурии вовсе не определялись только размерами ее торговли с этим краем. Япония господствовала в Манчжурии благодаря своим огромным капиталовложениям, большая часть которых связана со стержнем всей японской системы в этом крае—ЮМЖД, и благодаря тем исключительным правовым, политическим и военным условиям, которые японский империализм обеспечил себе к северу от Великой китайской стены. Согласно «Second Report of the Progress of Manchuria»[1], общая цифра японских инвестиций в Манчжурии, на 31 марта 1930 г. составляла 2 147 млн. иен, из коих стоимость собственных предприятий ЮМЖД—716,2 млн. иен, а вместе с другими активами той же компании—1 034,6 млн. иен, японские правительственные займы—98,3 млн. иен, капиталы японских граждан и корпораций—554,7 млн. иен и наконец имущество, принадлежащее квантунгскому правительству и японской армии, ежегодная дотация Квантунгу за 23 года, частная собственность японских подданных, проживающих в Манчжурии, и т. д.—460,0 млн. иен.

Этот расчет без всякого сомнения преувеличен, ибо размер японских инвестиций всегда служил одним из стандартных доводов для обоснования и оправдания японской агрессии в Манчжурии. В действительности японские капиталовложения в Манчжурии к началу нынешней интервенции исчисляются примерно в 1 400—1 500 млн. иен[2].

Обращает на себя внимание ярко выраженный монополистический характер японских инвестиций в Манчжурии. Больше того, в Манчжурии получает широкое распространение столь характерное для структуры современного японского империализма сращивание *частно-капиталистических* и *государственно-капиталистических*

оттуда. Нужно внести также аналогичную поправку на ввоз и вывоз транзитом через порты Собственно Китая и Японии (часть японского вывоза в Манчжурию представляет собой реэкспорт американских и других товаров).

[1] Дайрен, апрель 1931 г., изд. ЮМЖД.

[2] Ремер в своем упомянутом выше новейшем исследовании иностранных инвестиций в Китае не делает попытки суммировать все статьи японских инвестиций в Китае, относящиеся к Манчжурии, но анализ его выкладок приводит к аналогичным выводам. Прямые инвестиции японского капитала в Манчжурии Ремер определяет в 1 100,4 млн. иен; японские железнодорожные займы в Манчжурии—в 126 млн. иен. К Манчжурии же относится около половины, если не больше, прочих японских займов китайскому правительству (за вычетом признанных железнодорожных займов они определяются Ремером в 281 млн. иен) и возможно небольшой процент японских займов китайским корпорациям, определяемым Ремером в 77,4 млн. иен.

монополий. Почти половина всех японских капиталов в Манчжурии принадлежит обществу ЮМЖД—типичной полуправительственной монополии, сочетающей государственные средства и частный капитал и несущей по существу политические функции. Такова же природа Чосенбанка, Иокогама-Спешибанка и Восточного колонизационного общества, на долю которых приходится значительная часть вложений «японских корпораций», упомянутых в приведенном выше перечне. В последней рубрике этого перечня важнейшее место также занимает государственное имущество. В остальном в Манчжурии хозяйничают крупнейшие японские финансовые концерны—Ясуда (занимающий первое место в ряду частных акционеров общества ЮМЖД), Мицуи, Мицубиси, Окура, Кухара и др. Перечисленные гиганты японского финансового капитала не только выступают в Манчжурии непосредственно, но в значительной мере направляют и политику самого японского правительства в Манчжурии и деятельность полуправительственных японских монополий в этом крае. С другой стороны, следует подчеркнуть, что характерная для Японии самостоятельная роль полуфеодальной военщины особенно рельефно проявляется именно в Манчжурии, где, как будет видно из последующего, господство японского империализма и до 1931 г. непосредственно опиралось на мощный аппарат военного насилия.

В центре японских предприятий в Манчжурии стоит, как сказано, предприятие ЮМЖД. Общество ЮМЖД представляет собой гигантский транспортно-промышленный комбинат, охватывающий не только целую систему железнодорожных путей, но и порты, портовые установки, склады, тяжелую и легкую индустрию, торговые, страховые и всякие иные подсобные предприятия. Бюджет этого комбината виден из следующих цифр (в миллионах иен)[1]:

Годы	Доходы	Расходы	Прибыль
1907/08	12,5	10,5	2,0
1922/23	170,0	134,9	35,2
1929/30	241,0	195,5	45,5

[1] «Second Report of the Progress of Manchuria», изд. ЮМЖД.

Этот комбинат целиком контролируется японским правительством. Последнее располагает не только половиной акций [1], но и правом назначать председателя, вице-председателя и директоров общества (последних из числа крупных акционеров). Предоставляя свою гарантию 6-процентному дивиденду по частным акциям, а также облигационным обязательствам дороги, японское правительство магнатов финансового капитала и помещиков является подлинным хозяином ЮМЖД.

Основой деятельности этого гигантского комбината остаются конечно железные дороги. Во всех колониях и полуколониях железные дороги являются, как известно, эффективнейшим орудием господства иностранного капитала. В Китае в частности эти дороги и их строительство играют в политике международного империализма стержневую роль. В Манчжурии в силу ряда ее экономических особенностей наступательная политика империализма была тем более тесно связана с прокладкой рельсовых путей. История Манчжурского края за последние четыре десятилетия буквально совпадает с историей его железных дорог. Они являются ключом ко всей экономике Манчжурии, одной из тех командных высот, овладение которыми определяет собой экономическое, а стало быть и политическое господство [2].

Японский капитал в Манчжурии широко использовал это мощное орудие внедрения в Манчжурию и господства над ней. Общество ЮМЖД располагало к моменту захвата Манчжурии японским империализмом собственной системой железнодорожных путей общим протяжением в 1 119 *км*. Эта система слагается из главной линии Дайрен—Чаньчунь протяжением 702 *км*, линии Мукден—Аньдун (на корейской границе) протяжением 261 *км* и четырех мелких ветвей. Огромный рост товарного и пассажирского оборота по этой железнодорожной системе виден из следующих сопоставлений. В 1907/08 г. ЮМЖД перевезла 1 491 тыс. *т* груза и 1 512 тыс. пассажиров, в 1929/30 г. она перевезла 20 462 тыс. *т* груза (в том

---

[1] Разрешенный основной капитал компании на 31 марта 1930 г. составлял 440 млн иен. (позднее он был увеличен — см. ниже), оплаченный — 390 млн. иен правительственная доля частично представляет собой стоимость полученного после русско-японской войны от царского правительства имущества.

[2] См. об этом подробнее нашу работу «Японо-китайский железнодорожный конфликт в Манчжурии», журнал «Проблемы Китая» № 6—7, стр. 197 и след.

Путь экспансии основных империалистических стран в Китае.

числе 9 851 тыс. *т* угля, 3 287 тыс. *т* бобов, 472 тыс. *т* жмыхов, 1 519 тыс. *т* зерна и муки, 754 тыс. *т* леса, 186 тыс. *т* соли, 566 тыс. *т* минералов и 3 814 тыс. *т* прочих грузов) и 10 411 тыс. пассажиров.

ЮМЖД являлась только стержнем японской железнодорожной системы, которая включала в себя также целый ряд других дорог, построенных под японским нажимом на японские средства и находящихся в той или иной степени под японским административным контролем. Направление строительства этих железных дорог было избрано с таким расчетом, чтобы они являлись питательными ветками ЮМЖД. Опираясь на эти дороги, с одной стороны, и на вспомогательное транспортное общество «Кокусай Унью»—с другой, ЮМЖД осваивала и направляла огромный поток манчжурских хлебоэкспортных грузов, создавая таким образом одну из важнейших предпосылок экономического господства Японии над этой в основном сельскохозяйственной страной. Эти вспомогательные железные дороги, построенные японским капиталом и под японским контролем, распадались на две группы:

I. Дороги, вернее ветки, выстроенные частными смешанными японо-китайскими компаниями: 1) линия Цзиньчжоу—Чженьцзянтунь (102 *км*) в пределах арендованной территории, 2) ветка ЮМЖД Бенсиху—Нюсинтай (24 *км*) и 3) узкоколейка Тяньбаошань—Тумынь (111 *км*), идущая от северокорейской границы на запад (вошли в состав магистрали Чаньчунь—Гирин—Хойрен, см. ниже).

II. Дороги, формально принадлежащие китайскому правительству и эксплоатируемые в той или иной степени под контролем ЮМЖД. К этой категории относятся: 1) Гирин-чаньчуньская дорога протяжением 127 *км* (построена в 1912 г.); 2) Сыпингай-таонаньская дорога (с веткой Чженьцзянтунь—Тунляо, 114 *км*) общим протяжением 426 *км* (построена в 1923 г.); 3) Таонань-аганцицкая дорога протяжением 224 *км* (достроена в 1926 г.); 4) Гирин-дуньхуаская дорога протяжением 211 *км* (построена в октябре 1929 г.).

Но довольствуясь этой сетью железных дорог, в той или иной мере находящихся под его контролем, японский империализм еще до открытого захвата Манчжурии добивался права на сооружение ряда новых железнодорожных путей. Этот вопрос был одним из основных элементов японо-китайского конфликта в Манчжурии, предшествовавшего нынешней оккупации края. В результате этого

захвата японский империализм, как мы увидим дальше, не только овладел и объединил под своим контролем все без исключения китайские железные дороги, в том числе и такие, которые были построены на чисто китайские средства, но и форсирует дальнейшее железнодорожное строительство.

ЮМЖД в свою очередь питает главный порт Манчжурии—Дайрен. Дайрен расположен на арендованной территории; он и до захвата Манчжурии был под абсолютным японским контролем. Через него проходит две трети всей внешней торговли Манчжурии (в 1929 г. вывоз—302,4 млн. таэлей из 425,7 млн., ввоз—206,1 млн. таэлей из 329,6 млн.). Вне японской арендованной территории, но в значительной мере под контролем той же ЮМЖД, находились два других крупных порта Манчжурии—Ньючжуан-Иньков (японская часть на левом, а китайская на правом берегу р. Ляо) и Аньдун.

Обществу ЮМЖД принадлежат крупнейшие не только в Манчжурии, но и во всем Китае угольные рудники с годовой добычей около 7 млн. *т*. Наряду с углем общество ЮМЖД занимается разработкой нефтяных сланцев, огромные запасы которых (свыше 5 млрд. *т*) сосредоточены в этом же угольном районе. Сланцы эти с их 6-процентным содержанием нефти перерабатываются в жидкое топливо. Стоимость завода ЮМЖД по перегонке сланцев составляет 9 млн. иен. Завод имеет производительную способность в 70 тыс. *т* сырой нефти, 18 тыс. *т* сульфат-аммония и 15 тыс. *т* парафина. Нефть по контракту идет на нужды японского флота. Общество ЮМЖД имеет также сравнительно крупный железоделательный завод в Аньшане с производительной способностью до 300 тыс. *т* чугуна и проектирует создание нового завода. Уже после захвата Манчжурии запроектировано сооружение крупного завода по выработке химических удобрений и ряда других предприятий.

В дополнение ко всему этому общество ЮМЖД управляет железнодорожной зоной, владеет огромным городским имуществом и выполняет самые разнообразные административные функции вплоть до взимания налогов.

Еще до нынешнего захвата Манчжурии японский капитал занимал господствующее положение в сфере как добывающей, так и обрабатывающей промышленности. Он фактически монополизировал в своих руках железную и сланцевую промышленность; он играл ведущую роль в

угольной промышленности, в которой ему однако в некоторой степени приходилось сталкиваться с китайской конкуренцией; он фактически контролировал добычу натуральной соды и соляные промыслы (на морском побережьи) и в значительной мере лесные разработки.

Японскому капиталу принадлежала также ведущая роль в сравнительно слабо развитой обрабатывающей промышленности Манчжурии; он владел крупнейшими шелкомотальнями, хлопчатобумажными фабриками, сахарными заводами, табачными фабриками и т. д.; в его же руках находилась маслобойная и мукомольная промышленность Южной Манчжурии, с которой конкурировали соответствующие китайские предприятия Северной Манчжурии. Само собой разумеется, что Япония и раньше вела в Манчжурии ту же политику, какую империализм в целом ведет в колониальных и полуколониальных странах. Япония препятствовала сколько-нибудь самостоятельному капиталистическому развитию Манчжурии, содействовала развитию ее производительных сил только в направлении, отвечающем собственным японским интересам и превращающем Манчжурию в аграрно-сырьевой придаток Японии. Действительно в промышленной активности японского капитала в Манчжурии основное место занимала добывающая промышленность; обрабатывающая поощрялась лишь в той мере, в какой она связана с первичной переработкой местного сырья, слишком громоздкого для перевозки.

Но непосредственные материальные инвестиции японского капитала в манчжурской промышленности играли лишь второстепенную роль в системе японской эксплоатации Манчжурского края. Последний остается в основном сельскохозяйственной страной, ограбление которой осуществляется главным образом в форме захвата ее земледельческих продуктов. Вплоть до начала нынешней интервенции японскому капиталу не удалось разрешить земельного вопроса путем создания японских латифундий. Однако помимо железных дорог, о которых уже говорилось, важными рычагами японской эксплоатации являлись японские банки, ломбарды и ростовщики. Банки эти не только укрепляли японскую торговлю и промышленность, но играли громадную роль в деле внедрения японского капитала в Манчжурию через посредство финансирования китайских предприятий, с одной стороны, и китайского генералитета, помещиков, монгольских кня-

зей и т. д.—с другой, а также при помощи эмиссий. Таких японских банков насчитывалось около 25 с более чем 50 отделениями. Важную роль играло уже упомянутое Восточное колонизационное общество («Тотаку»), созданное первоначально для поощрения японской эмиграции в Корею и за границу и развившееся в аппарат, занятый земельной спекуляцией и ростовщической эксплоатацией туземного крестьянского населения в Корее и Манчжурии.

В обстановке экономического кризиса капитализма все показатели активности японского капитала в Манчжурии обнаружили конечно понижательную тенденцию. Действительно обороты Дайренского порта в 1931 г. сократились по сравнению с предыдущими годами на 17% по экспорту и на 42% по импорту. ЮМЖД перевезла в 1930/31 г. всего 15 млн. *т* груза вместо 20,5 млн. *т* в предыдущем году, в том числе 3,5 млн. *т* каменного угля против почти 10 млн. Поскольку однако японский капитал располагал в Манчжурии целым рядом исключительных преимуществ и возможностей, можно считать несомненным, что его потери в результате углубления экономического кризиса в Манчжурии во всяком случае меньше, чем хотя бы потери пытавшегося конкурировать с ним в отдельных отраслях китайского капитала.

По сравнению с этим внушительным перечнем японских экономических интересов в Манчжурии наличные интересы других кроме Японии империалистических держав кажутся, относительно говоря, незначительными. Торговая их заинтересованность в Манчжурии характеризовалась таблицей, приведенной на стр. 27. Приходится однако учитывать, что в условиях жесточайшего экономического кризиса капитализма даже этот сравнительно небольшой сбыт на манчжурском рынке приобретает для торговли и промышленности соответствующих стран серьезное значение.

Инвестиции прочих империалистов в Манчжурии невелики. Ремер[1] исчисляет общую сумму иностранных инвестиций в Манчжурии в 1931 г. в 880 млн. американских долларов, а сумму прямых инвестиций четырех важнейших стран—в 812 млн. американских долларов, из коих на долю Японии приходится 550 млн., а остальное представляет стоимость КВЖД и имущество советских граждан.

---

[1] *Remer*, Foreign Investments in China, p. 73, 97.

а также и белоэмигрантов, проживающих в Манчжурии; он следовательно отказывается от учета незначительных английских и американских инвестиций в этом крае. Обзор за 1931—1932 гг., выпущенный газетой «Japan Advertiser», приводит следующие данные: Англия—39 590 тыс. иен, САСШ—26 400 тыс. иен, Франция—21 080 тыс. иен. Швеция и Дания—850 тыс. иен.

Английский капитал заинтересован был в Пекин-мукденской железной дороге. Английский же капитал был повидимому связан с той нидерландской компанией, которая по договору с китайским правительством начала было строить порт Хулудао (контракт 24 января 1930 г. на сумму 6 400 тыс. американских долларов, в счет которых Пекин-мукденская железная дорога должна была ежемесячно вносить компании 95 тыс. американских долларов)[1]. Прочно английские инвестиции в Манчжурии незначительны, а два отделения английского банка, имеющиеся в Харбине и Мукдене, и раньше не вели сколько-нибудь активной политики.

Что касается *американских* инвестиций, то они во всем Китае исчисляются всего в 250 млн. американских долларов (по Ремеру в 1930 г.—239,9 млн. американских долларов), а в Манчжурии и вовсе незаметны на фоне капиталовложений ЮМЖД. Америка, как и Англия, не имеет в Манчжурии прочных финансово-экономических связей с туземной буржуазией, и широковещательные планы Вилларда Стрэта, который в десятых годах этого столетия был глашатаем активного внедрения в Манчжурию американского капитала, на практике отнюдь не осуществились.

Французский капитал издавна имел довольно тесные связи с мукденскими милитаристами.

В Манчжурии (Харбин) наряду с английским и американским (и конечно японскими) банками фигурирует отделение недавно созданного Франко-азиатского банка, перенявшего на себя функции «реорганизованного» в Париже, но впоследствии ликвидированного Русско-азиатского банка. Французский капитал внедрялся в Манчжурию также при посредстве контролируемых им чехо-словацких заводов Шкода, обслуживавших мукденский арсенал, построивших верфь на реке Сунгари и завязавших крупные связи в мукденских правительственных кругах.

---

[1] Имеются впрочем сведения, что с этим предприятием связан и американский капитал.

Заинтересован в Манчжурии и *германский капитал*, поставлявший Мукдену оружие.

Но для понимания совершенно исключительного положения, занятого японским капиталом в Манчжурии еще до ее захвата, необходимо учесть специальные военно-политические условия его работы в этом крае. В дополнение к договорному режиму, которым Япония пользовалась в Манчжурии, как и в остальном Китае, японский капитал располагал здесь политическими преимуществами, завоеванными в течение четверти века непрерывной агрессии, мощным аппаратом и «особыми удобствами» внеэкономического принуждения.

ЮМЖД упирается в «арендованную» территорию Квантуна площадью в 1 300 квадратных миль. Эта территория практически и до последних событий являлась собственной территорией Японии, на которой последняя господствует полностью. Вдоль самой ЮМЖД имеется зона, площадь которой японские источники исчисляют почему-то всего лишь в 100 квадратных миль, но которая в действительности гораздо значительнее. Эта полоса с 1905 г. также была превращена фактически в японскую территорию: она управлялась ЮМЖД, агенты которой осуществляли функции власти, охранялись японскими войсками и находились вне пределов воздействия китайских войск и китайских властей. В эту зону входят обширные японские концессии в городах Чань-чуне, Мукдене, Аньдуне, Ньючжуане и др.

Все это, вместе взятое, служило важной территориальной базой японского господства и перманентной японской интервенции в Манчжурии. Значение этой базы и расположенных на ней крупных японских военных сил, «законно» проникающих таким образом на тысячу километров в глубь Манчжурии, ясно само собой. Иллюстрацией этого положения может служить самый процесс захвата Манчжурии в 1931 г. Только опираясь на эту территориальную базу, японский империализм мог в течение каких-нибудь двух суток и почти без потерь захватить все важнейшие стратегические пункты Средней и Южной Манчжурии и почти всю железнодорожную сеть, разоружить огромные массы китайских войск, ликвидировать манчжурский арсенал и авиацию, овладеть китайскими банками и правительственными учреждениями и тем самым сразу вывести из строя и *уничтожить* аппарат старой китайской власти в Манчжурии.

Но Квантунская область и зо́на ЮМЖД с «охранными войсками», расположенными в пределах этой последней, не исчерпывали всех средств насилия, которыми Япония располагала в Манчжурии. Здесь же, на манчжурской территории, уже за пределами железнодорожной зоны, расположены крупные части японской жандармерии и полиции, приписанные к японским консульствам во всех углах страны. Эта японская полиция терроризировала не только многочисленное корейское население, надзор за которым являлся ее официальной задачей, но и китайское население и китайские власти.

На Вашингтонской конференции китайская делегация ясно указывала на то, что пребывание этой полиции на китайской территории в Манчжурии не имеет под собой никакого договорного или правового основания. Наличие этих полицейских сил создавало базу для весьма распространительного толкования той экстерриториальности, которой японские подданные пользуются на территории Манчжурии, как и на территории остального Китая. Полнейшая безнаказанность и произвол всегда характеризовали поведение японской колонии в Манчжурии. Достаточно сказать, что в Манчжурии нередко имели место случаи, когда японские купцы и их приказчики насильно провозили свои товары через китайскую таможню и пункты по взиманию каких-либо внутренних сборов, заставляя таможенные власти силой оружия отказаться от взимания сборов.

Описанные политические и территориальные условия давно уже обеспечили Японии значительную степень политического и военного контроля над Манчжурией. Мукденские власти все последние годы были по существу заложниками и стало быть орудием в руках Японии.

Наиболее агрессивные акты вмешательства Японии в дела Манчжурии за предшествующие годы следующие. В конце 1925 г., стремясь побудить Чжан Цзо-лина к еще большим уступкам, японская военщина спровоцировала восстание части мукденской армии под командованием Го Сун-лина, а затем, вынудив соответствующие обещания со стороны мукденского правительства, сама же создала условия, позволившие ему разгромить повстанцев. В 1927 г. первая шаньдунская экспедиция Японии остановила наступление гоминдановских войск на Бейпин и Тяньцзин бывшие тогда под контролем манчжурского диктатора Чжан Цзо-лина. Весной 1928 г. Япония своим вмешатель-

ством в военные действия в Северном Китае (вторая шаньхайгуанская экспедиция, цзинаньское побоище и японский меморандум 18 сентября) дала Чжан Цзо-лину возможность вывести без боя и без серьезных потерь свою армию из района Бейпина в Тяньцзин обратно в пределы Манчжурии. Но одновременно японская военщина взорвала на воздух поезд Чжан Цзо-лина, возвращавшегося в Мукден, и убила самого маршала и его ближайшего сподвижника, цицикарского губернатора У Цзинь-шена. Во второй половине того же 1928 г. Япония активно противодействовала стремлению наследника Чжан Цзо-лина Чжан Сюэ-ляна договориться с нанкинским правительством и признать последнее; прямыми угрозами военного вмешательства Японии удалось задержать это признание на целые полгода и ограничить его фактическое значение.

От этих актов частичной интервенции не так уж далеко до выступления с целью окончательного захвата Манчжурии, имевшего место в сентябре 1931 г.

Если бы Япония имела дело только с китайскими властями в Манчжурии, то эта последняя была бы давно включена в состав Японской империи. Но, несмотря на громадные достижения в Манчжурии, японский империализм не мог считать свои монопольные позиции окончательно закрепленными, ибо он находился под постоянной угрозой внедрения в этот край иностранного, в частности американского, капитала. На эту угрозу, которая практически сказывалась не только и не столько в непосредственной форме, сколько в форме организации через китайские буржуазно-помещичьи элементы сопротивления японскому внедрению, Япония отвечала форсированием дальнейшего наступления в Манчжурии. Япония домогалась создания в Манчжурии таких политических, административных, военных и экономических условий, которые обеспечили бы полнейшее отделение этой окраины от Китая, плотное «закрытие дверей» для капитала других стран и бесповоротное закрепление монопольного господства Японии. История Манчжурии за последние два десятилетия отчетливо свидетельствует о том, что в планах японского империализма китайскому «северо-востоку» был давно уже уготован корейский путь развития, т. е. окончательное превращение в японскую колонию.

Общеизвестные к настоящему времени конкретные цели военно-политического захвата Манчжурии и японской агрессии в Китае распадаются на две основных группы.

Первая из них может быть охарактеризована следующим образом. Превращая Манчжурию в свою колонию, японский империализм ставил и ставит своей целью: а) монополию (с исключением всех конкурентов) на феодально-капиталистическую эксплоатацию 30-миллионного трудящегося населения Манчжурии, т. е. монопольного присвоения грандиозных колониальных сверхприбылей; б) обращение Манчжурии в колониальный придаток японского капитализма и приобретения в ней заповедной и защищенной даже во время войны сырьевой и продовольственной базы (бобы, рис, пшеница, просо, хлопок, соль, сода, нефть, уголь, железная руда и др.), тем более ценной, что сочетание в ней руды и коксующегося угля открывает перспективу создания мощной тяжелой индустрии, которая в Японии все еще слаба; в) приобретение плацдарма для дальнейшей японской экспансии в Китае вообще и в Северном Китае в частности, который, по расчетам японских империалистов, рано или поздно должен разделить судьбу Манчжурии.

Политика Японии по отношению к Китаю в целом по-прежнему подчинена принципу индивидуального «вгрызания», в наибольшей степени отвечающему специфическим японским «удобствам грабежа», в противоположность выдвигаемому САСШ методу международной интервенции и установления международного, сиречь американского, контроля. Как явствует в частности из меморандума Танака, японский империализм в конечном счете претендует на монопольное господство *над всем Китаем* и даже над всей Восточной Азией (именно эти стремления и скрываются за пресловутой японской доктриной Монроэ)[1]. На данном этапе Япония ведет политику расчленения и раздела Китая с расчетом на захват львиной доли добычи в свою пользу. Эта политика осуществляется и путем непосредственного вторжения в Китай с целью создания

---

[1] Так именуется один из основных принципов американской политики, формулированный в 1823 г. президентом Монроэ и с течением времени развившийся в утверждение исключительного влияния САСШ во всем западном полушарии. Сущность этой доктрины сформулированной в лозунге «Америка для Американцев» — состоит в стремлении североамериканского капитала к монопольному овладению рынками всего американского материка, в частности южноамериканскими рынками, не допуская туда конкурирующих с североамериканским капиталом европейских держав. Японские империалисты пытаются использовать этот популярный в кругах американской буржуазии термин, приспосабливая его к своей собственной захватнической политике в Азии.

новых плацдармов для дальнейшего наступления операции (в Шанхае в 1932 г. и в Жехэ в Северном Китае в 1933 г.) и путем политической подготовки расширения уже захваченных плацдармов, и путем подготовки к расширению манчжурского плацдарма (выступления в Тяньцзине, интриги аньфуистов в Бейпине и т. п.) и наконец традиционным путем разжигания генеральской войны в Китае и использования определенных милитаристских группировок.

Не меньшее значение однако имеет вторая основная цель японского захвата Манчжурии, тесно связанная с *агрессивными антисоветскими устремлениями японского империализма*, равно как и с его контрреволюционными жандармскими функциями в Китае. Захватив Манчжурию, японский империализм стремится создать барьер между Советским союзом и—страшной для империалистов вообще, а для Японии в особенности—китайской революцией, одержавшей уже значительные победы на огромной территории Китая. Больше того, захватив Манчжурию, влиятельные группировки в лагере японских правящих классов поставили своей прямой целью создание плацдарма для последующей войны против СССР и для попытки овладения Советским Дальним Востоком.

захват

МАНЧЖУРИИ

и партизанская война

Открытый захват Манчжурии японским империализмом подготовлялся в течение многих лет последовательными актами японской агрессии и провокаций. Форсированию этого захвата содействовала и постепенная переориентация китайских властей в Манчжурии на американский империализм, который при их посредстве перешел в Манчжурии в контрнаступление против Японии. Весенние и летние месяцы 1931 г. были заняты непосредственной подготовкой завоевания Манчжурии Японией: развивается соответствующая японская пропаганда, нарочито обостряются спорные вопросы, создается ряд подготовительных инцидентов и организуется провокационный погром китайцев в Корее.

Выступление японских войск состоялось, как известно, в ночь на 19 сентября 1931 г. Чжан Сюэ-лян, который в этот момент находился с частью своей армии в Бейпине (провинция Хубей была оккупирована его войсками с осени 1930 г.), отдал приказ не сопротивляться, и японцы вначале почти не встречали вооруженного противодействия. В первые же дни ими был оккупирован весь район, прилегающий к ЮМЖД, Мукден-аньдунской и Гирин-чаньчуньской железным дорогам, вместе с городами Мукденом (главный город Манчжурии), Чаньчунем, Гирином, Аньдунем и Инкоу. 8 октября произошла первая воздушная бомбардировка города Цзиньчжоу (расположенного неподалеку от границы Манчжурии с Собственно Китаем), куда в то время эвакуировалось бывшее мукденское правительство.

В течение октября—ноября 1931 г. развертывались военные операции против командующего китайскими войсками в Цицикаре генерала Ма (сначала были двинуты силы японского агента Чжан Хай-пына, а затем и японские полки). Эти операции имели целью распространить сферу японской оккупации в северо-западном направлении и за-

зершились 18 ноября занятием японскими войсками города Цицикара на западной линии КВЖД.

Со второй половины ноября главный театр военных операций переместился в Южную Манчжурию: японские войска начали продвижение вдоль Мукден-шанхайгуаньской железной дороги с целью вытеснения за пределы Манчжурии расположенных на ней военных сил Чжан Сюэ-ляна. Приостановленное в конце ноября вследствие дипломатического вмешательства Америки (формально поддержанной на этом этапе и Англией и Францией), это наступление возобновилось форсированными темпами в конце следующего месяца.

2 января 1932 г. японские войска заняли Цзиньчжоу и тем самым окончательно прекратили существование мукденского правительства на территории Манчжурии. 5 января был занят Хулудао и 7 января японские войска вышли за Великую стену у Шаньхайгуаня. Японская армия овладела главными воротами, ведущими из Манчжурии в Собственно Китай. Китайские войска, если не считать разрозненных отрядов, ставших партизанами, и частей, запертых в Северной Манчжурии и в дальнейшем либо перешедших на сторону японцев, либо также начавших партизанскую войну, были изгнаны с территории Манчжурии.

В течение января 1932 г. развернулась также подготовка к захвату японскими войсками Харбинского района Северной Манчжурии. Как и в случае с Цицикаром, японское командование использовало сначала военные силы своих ставленников (в данном случае генерала Си-ся), а после того как этих сил оказалось недостаточно, двинуло свои собственные войска. Подвигаясь постепенно вдоль южной ветки КВЖД, японские военные силы 5 февраля достигли Харбина и распространились по западной и восточной линии КВЖД. В дальнейшем Харбин превратился в одну из главных баз японских оккупационных сил, откуда в течение всего года совершались во всех направлениях экспедиции для борьбы с китайскими партизанами и остатками китайских войск.

С занятием Харбина в японских руках оказались *все крупные торговые и политические центры Манчжурии и вся система ее железных дорог*. Только на северной оконечности Хухайской и Цицикар-кешаньской железных дорог и на обоих флангах КВЖД в районе Манчжурии и Хайлара и в районе Пограничной сохранялись почти до

самого конца 1932 г. войска китайских генералов, частью лишь номинально признавших новый японский режим в Манчжурии, частью открыто враждебных этому режиму.

Военная оккупация Манчжурского края японским империализмом с первых же шагов сопровождалась соответствующим политическим закреплением японского господства. Комиссия Лиги наций под председательством Литтона, посланная в Манчжурию для изучения положения вещей, в своем докладе заявляет:

«...Меры гражданской администрации, принятые японскими военными властями... свидетельствуют, что с самого начала военных операций имелись в виду более постоянные цели, чем потребности временной военной оккупации... С сентября 1931 г. деятельность японских военных властей как в гражданских, так и в военных вопросах характеризовалась существенно политическими устремлениями».

Действительно японские военные власти повсеместно систематически ликвидировали прежнюю манчжурскую администрацию, конфисковали ее денежные средства, ее транспорт и промышленные предприятия и банки, так же как и арсеналы, склады оружия и авиацию, и создавали на ее месте органы пресловутой «независимой» Манчжурии в форме комитетов безопасности или местных «независимых» правительств. Распоряжались этими органами, само собой разумеется, японцы; состояли они из прямых японских агентов или из старых чиновников, которых либо подкупом, либо угрозами удавалось склонить к соучастию в этом политическом фарсе. С февраля 1932 г. началась усиленная подготовка к созданию соответствующего органа манчжурской «независимости» во всеманчжурском масштабе. В конце февраля в Мукдене была созвана всеманчжурская конференция новых местных правительственных органов. 1 марта было официально объявлено об образовании «независимого» Манчжурского государства, а 9 марта вступил в исполнение своих обязанностей номинальный глава этого нового образования—последний император Манчжурской династии Пу И, многие годы состоявший уже на японских хлебах. 12 марта Манчжоу Го разослало державам торжественное извещение с предложением признания.

Характеристика манчжурского государства и самого режима, установленного в Манчжурии японскими штыками,

может быть целиком заимствована из того же доклада комиссии Литтона. Комиссия констатировала, что

«...из многих факторов, которые содействовали созданию Манчжоу Го, двумя, которые в комбинации были наиболее действительны и без которых по нашему мнению Манчжоу Го не могло бы быть основано, явились: присутствие японских войск и деятельность японских гражданских и военных чиновников». «...Хотя номинальными главами департаментов являются китайские жители в Манчжурии, главная политическая и административная власть находится в руках японских чиновников и советников. Политическая и административная организация этого «правительства» такова, что она дает этим чиновникам и советникам возможность не только технически руководить, но фактически контролировать и направлять всю администрацию... В важных вопросах... эти чиновники безусловно следуют указаниям японской официальной власти, которая обладает во всех случаях возможностью осуществления давления, которому нельзя сопротивляться».

К этой характеристике можно добавить компетентные свидетельства специальных корреспондентов двух руководящих английских газет—«Times» и «Manchester Guardian», относящиеся к более позднему периоду—к сентябрю 1933 г.

«Почти все министры правительства Манчжоу Го—китайцы,—писал корреспондент «Times».—Но то обстоятельство, что им принадлежит минимум исполнительной власти, является секретом, который официальные круги почти не стараются скрывать. Не только в столице, но и во всех важных центрах все дела направляются исключительно японцами, занимающими номинально подчиненные или совещательные посты. Притом в Манчжоу Го преобладает отнюдь не влияние японских гражданских чиновников. Крупнейшей силой в стране является квантунская армия; второе место по значению занимает Южноманчжурская железная дорога».

«Невозможно долго оставаться в сомнении, что именно японцы являются действительными правителями Манчжоу Го,—подтверждал корреспондент «Manchester Gardian».—Внешне они выступают в роли советников и помощников Генри Пу И и его «кабинета теней», но в действительности именно японцы принимают важные политические решения и обеспечивают их выполнение. Если и запрашивается когда-либо мнение чиновников Манч-

жоу Го, то повидимому главным образом по вопросам, в которых их знание местных обычаев и психологии туземцев может оказаться полезным. В действительности они являются советниками, а японцы—администраторами.

Суть дела заключается таким образом в том, что под флагом номинальной «независимости» Манчжоу Го Япония фактически аннексировала манчжурский край и осуществляет политическое и экономическое господство в той же мере, в какой ей удается господствовать в военном отношении. Что касается «манчжурского правительства», то японские империалисты являются полными и абсолютными его хозяевами.

Политическое оформление японского господства в Манчжурии завершилось торжественным признанием «Манчжурского государства» со стороны его фактических японских хозяев. Признание его последовало не сразу, ибо японская дипломатия должна была сначала прощупать международную обстановку и убедиться в том, что этот демонстративный акт японской политики, символизирующий безвозвратность взятого Японией политического курса, не оттолкнет европейских империалистов в американский лагерь. Окончательное решение по этому вопросу было принято лишь в конце августа 1932 г.

В речи на открытии специальной сессии японского парламента министр иностранных дел Уцида воспроизвел в развернутом виде японскую версию манчжурских событий и объявил, что, поскольку Манчжоу Го создалось в результате «сепаратистского» движения в самом Китае, признание его со стороны Японии не составляет нарушения договора девяти держав.

«Японское правительство убеждено,—сказал он,—что признание этого нового государства является единственным средством стабилизации положения в Манчжурии и обеспечения постоянного мира на Дальнем Востоке».

В начале сентября в Манчжурию прибыл вновь назначенный полномочный представитель Японии при манчжурском правительстве генерал Муто, совмещающий этот пост с должностью главнокомандующего японской армией на территории Манчжурии[1]. Официальная церемония признания состоялась 15 сентября 1932 г. в форме подписания японо-манчжурского протокола, согласно которому

---

[1] После смерти Муго осенью 1933 г. этот двойной военно-дипломатический пост был занят генералом Хисикари.

Манчжоу Го подтверждает все права и интересы Японии на территории Манчжурии, основанные на японо-китайских договорах или соглашениях, и санкционирует пребывание на манчжурской территории японских войск в целях «сотрудничества с Японией в деле обеспечения их взаимной национальной безопасности». Одновременно с подписанием этого протокола в Токио была опубликована декларация министерства иностранных дел, в которой говорилось, что «Япония вынуждена была принять меры самообороны, так как внешняя политика Китая создавала угрозу важнейшим японским правительственным интересам в Манчжурии», и выражалась надежда, что другие державы также не замедлят установлением дипломатических отношений с Манчжурским государством.

Само собой разумеется, что это признание Манчжоу Го носило сугубо *демонстративный* характер. «Соглашение сводится просто к фиксации существующих отношений в Манчжурии»,—писала газета «Japan Advertiser» от 16 сентября. Оно было обставлено торжественно и празднично. «*Наш идеал стал действительностью на Востоке*»,—заявил военный министр Араки. «Рождение Манчжурского государства—славная страница в мировой истории»,—заявил бывший главнокомандующий японскими войсками Хондзио накануне отъезда из Манчжурии.

Акт признания изображался как нечто окончательное, не подлежащее пересмотру и раз навсегда ликвидирующее самый манчжурский вопрос. «Япония и Манчжурское государство неразрывно связаны друг с другом и никогда не будут разъединены»,—заявил Муто при подписании договора. В последующих японских отзывах на доклад Литтона, который не только вновь поставил под вопрос нынешний манчжурский режим, но и прямо против него высказался, эта нота звучала особенно безапелляционно. «Япония считает манчжурский вопрос разрешенным и не подлежащим дальнейшему обсуждению»,—заявил в печати представитель министерства иностранных дел 2 октября 1933 г. «Нет основания обсуждать положение в Манчжурии, ибо японское признание Манчжоу Го разрешило окончательно этот вопрос»,—заявил Араки 5 октября. «Признание Манчжоу Го Японией и японская политика по отношению к новому государству должны быть твердо поддерживаемые как окончательно установленные и нерушимые принципы»,—гласила резолюция японского Тайного совета от того же числа.

Создание и признание Манчжоу Го отнюдь не привели однако к «успокоению» Манчжурии. Та же комиссия Литтона в своем докладе констатировала единодушную враждебность всех классов населения к новому режиму, который «рассматривается местными китайцами как японское орудие». Борьба против японской захватнической политики развернулась не только на международной арене, но и в самой Манчжурии, где она притом носит характер вооруженной борьбы. Само собой разумеется, что различные классовые элементы манчжурского общества занимают в этой борьбе не одинаковую позицию.

Японо-китайский конфликт предыдущих лет был в основном борьбой иностранных и туземных эксплоататоров из-за большей или меньшей доли в совместном феодально-капиталистическом грабеже трудящихся масс Манчжурии. При всей своей зависимости от японского империализма, буржуазно-помещичьи группировки в Манчжурии были вместе с тем заинтересованы в том, чтобы тормозить распространение непосредственного японского господства и чтобы отстаивать в известных пределах более самостоятельное, менее зависимое от Японии, экономическое развитие края. Конфликт этот дополнительно обострился наглядным примером соседней Кореи, где японский капитализм не только занял все командные высоты экономической жизни, но создал режим, при котором ему достается львиная доля всего прибавочного продукта, создаваемого трудом корейских рабочих и крестьян, а корейские помещики и буржуазия сведены на роль плохо оплачиваемых приказчиков японского империализма.

Но суть дела в том, что японо-китайский конфликт развивался при одновременном наличии огромного переплетения интересов обоих лагерей эксплоататоров и в рамках единого фронта этих лагерей по отношению к угнетенным трудящимся массам Манчжурии. В условиях, когда китайские милитаристы, возглавлявшие туземный блок помещиков, ростовщиков и буржуазии, не могли и не смели опереться в своей борьбе против японского империализма на массы—возможности этой борьбы были конечно весьма ограниченными. Японо-китайский конфликт получил столь значительное развитие только потому, что за спиной китайских милитаристов в Манчжурии стоял американский империализм, действовавший через Нанкин. Как мы уже отмечали, японо-китайский конфликт в Манчжурии до захвата был по существу японо-американским конфликтом.

Захват Манчжурии японским империализмом разумеется не ликвидировал, а, наоборот, обострил этот конфликт между империалистами и противоречия между японским капиталом и китайскими эксплоататорскими группировками в Манчжурии. Милитаристская верхушка последней оказалась в положении, при котором она не только лишена своей прежней административной власти, но в значительной мере вытеснена со своих прежних экономических позиций. Ее капиталы и личное имущество в значительной части конфискованы; ее промышленные, торговые и транспортные предприятия перешли под японский контроль; ее важнейшие рычаги феодальной эксплоатации трудящегося населения Манчжурии (земля, налоговый аппарат и банки с эмиссионным станком) частью вырваны, частью постепенно вырываются из ее рук, ибо японские оккупанты систематически захватывают, скупают и конфискуют земли для создания своих собственных латифундий, тогда как место прежних полуправительственных китайских банков уже занял целиком контролируемый японцами Центральный банк. Это противоречие не может быть изжито и в дальнейшем, ибо в Манчжурии, как и в Корее, японский империализм ведет ультрахищническую политику, исключающую возможность серьезных подачек туземной буржуазии и помещикам и стало быть прочного примирения последних с новым режимом. Но в результате захвата Манчжурии эти туземные верхи оказались в еще гораздо более беспомощном положении, чем раньше. Они не могли поднять массы против японского империализма, не ставя одновременно под угрозу свое собственное полуфеодальное господство над трудящимися края. Сами по себе они в лучшем случае были способны только на демонстрации, рассчитанные на международное вмешательство, которое, как известно, не осуществилось. Самостоятельным фактором действенной борьбы бывшие правящие классы Манчжурии не являются, а в той мере, в которой антияпонские выступления трудящихся масс Манчжурии становятся революционными выступлениями, эти эксплоататорские верхи отбрасываются естественно в объятия японских империалистов.

Отсюда своеобразный ход событий в Манчжурии после ее захвата. Чжан Сюэ-лян, как известно, сдал Южную Манчжурию почти без боя. Тем не менее Японии сначала удалось подкупами и насилием привлечь на свою сторону лишь очень небольшую часть китайского генералитета и

чиновничества Манчжурии—по преимуществу тех из них, кто давно уже состоял на японской службе и на японском пайке. Многочисленные китайские генералы, войска которых находились в Северной Манчжурии и которые оказались отрезанными от остального Китая, заняли либо выжидательную, либо открыто враждебную позицию по отношению к новому режиму. В течение первых полутора лет, пока еще существовала надежда на непосредственное международное вмешательство, эти генералы постепенно ввязывались в открытые вооруженные столкновения с японцами и их ставленниками, но в самом процессе антияпонских выступлений этих генералов (из коих наибольшую известность получил командующий войсками в Цицикаре Ма Чжан-шань) не замедлили обнаружиться неустойчивость, половинчатость и беспомощность буржуазно-помещичьей оппозиции японскому захвату.

Североманчжурские генералы не могли и не хотели стать организующим движением того мощного массового и по своему объективному значению революционного партизанского движения, которое поднялось в Манчжурии независимо от них и в значительной мере против них и в которое были вовлечены широкие слои манчжурского крестьянства, рабочего класса и городской мелкой буржуазии. «Война» этих генералов с Японией сразу же выродилась в серию политических маневров, соответствующих обычаям милитаристских войн в Китае, но превращавшихся в гнусный фарс в обстановке борьбы с наступающим японским империализмом в Манчжурии. По существу оказалось, что каждый из этих генералов заинтересован главным образом в том, чтобы продать себя японцам с наибольшей выгодой, и в самом процессе этой «войны» ряды открытых японских ставленников стали быстро пополняться за счет недавних «национальных героев». В высшей степени характерны упомянутый уже генерал Ма и генерал Тан Ю-лин—губернатор провинции Жехэ. Первый начал с того, что пытался недолгое время оказывать вооруженное сопротивление японцам, затем перешел на сторону манчжурского режима и принял даже ответственный пост в манчжурском правительстве, затем снова изменил этому режиму, возобновил на короткое время борьбу, а впоследствии оказался вместе с генералом Су Бин-венем в группе китайских военных, бежавших на советскую территорию, и в заключение вернулся в Центральный Китай, где и позирует в роли «спасителя отечества».

Что касается Тан Ю-лина, то он в течение первых полутора лет занимал неопределенную нейтральную позицию по отношению к японскому захвату, затем объявил себя его противником, далее провалил и дезорганизовал оборону Жехэ и наконец оказался главнокомандующим полубандитскими войсками, выполняющими японские задания в Северном Китае и во Внутренней Монголии.

К настоящему времени буржуазно-помещичьи группировки в Манчжурии фактически уже сложили оружие: те же самые китайские генералы, которые подымали оружие против японцев, официально состоят сейчас на службе Маньчжоу Го, и на эту же службу перешла основная масса старого китайского чиновничества. Это не значит, что японский империализм получил уже прочную туземную опору в Манчжурии—как раз наоборот. Реальное сопротивление, с которым приходится сталкиваться японскому империализму, оказывают не эксплоататорские слои, а трудящиеся массы Манчжурии, мужественно продолжающие в стихийных партизанских формах борьбу за освобождение края от японского ига.

Крестьянство в Манчжурии, стонущее под бременем жесточайшей феодальной и капиталистической эксплоатации, никогда не прекращало активной борьбы со своими туземными и японскими угнетателями. Эта борьба частью выражалась в непрекращающемся развитии бандитизма—хунхузничества, представляющего собой отдушину для наиболее активных и озлобленных элементов китайской деревни, частью же принимала формы революционного партизанского движения (выступления тайных революционных организаций вроде «Общества больших ножей», повторные восстания корейцев в восточной части Манчжурии, крупнейшее из которых имело место в 1930 г., революционно-освободительное движение среди монголов).

Эти выступления крестьянства, хотя и недостаточно связанные с революционным движением немногочисленного городского пролетариата, значительно усилились в результате обострения под влиянием мирового кризиса, экономического кризиса в Манчжурии. Но как специфический деревенский бандитизм, так и в особенности более организованное и политически оформленное повстанческое движение получили неслыханное развитие именно в обстановке японской оккупации, когда они естественно оказались заостренными против японского господства. В борьбе против этого господства массовое движение в Манчжурии

поднялось на значительно высшую ступень и вовлекло в свои ряды широкие слои не только рабочего класса, но и мелкой буржуазии. Рабочие и крестьяне Манчжурии знают, что закрепление японского господства в этом крае означает одновременно и предельное усиление гнета феодальной и капиталистической эксплоатации и создание такого полицейского и военного режима, который значительно затруднит борьбу с этим гнетом. Притом захват Японией Манчжурии привел к дальнейшему усугублению жестокого хозяйственного кризиса этой последней. Военные действия, транспортная разруха, произвол японской военщины—все это непосредственно сказалось на и без того крайне низком уровне жизни трудящихся и даже мелкой буржуазии Манчжурии.

Судя по дальневосточной прессе, урожай 1932 г. был значительно ниже урожая 1931 г. «Огромные районы не обработаны в текущем году, и в следующем году крестьянству будет еще труднее, чем раньше, платить налоги»,—заявляет доклад комиссии Литтона. «Китайское крестьянство—подавляющая масса населения,—заключает доклад,—страдает от нового режима и ненавидит его».

В 1933 г. урожай, если верить японским данным, вырос по сравнению с прошлогодним на 20% и оказался на уровне 1931 г., но положение манчжурского крестьянства от этого не улучшилось.

«Крестьяне Северной Манчжурии очень бедствуют, несмотря на богатый урожай. Цены на хлеб значительно пали. Из-за богатого урожая манчжурская деревня охвачена голодом»,—пишет и «Дайрен Симбун» от 18 сентября 1933 г.

«В связи с падением цен на бобы положение крестьян Северной Манчжурии все ухудшается и ухудшается,—пишет газета «Харбин Ницци-Ницци» от 4 октября 1933 г.—Этот вопрос становится социальным бременем. Ведь и без того крестьяне были разорены бандитскими налетами и прошлогодним наводнением, так что фактически они уже были охвачены голодом и проедали свои последние гроши. Правда, урожай текущего 1933 г. оказался более обильным по сравнению с 1932 г. Но это не только не улучшило, но еще более ухудшило положение крестьянства. Причины ясны—благодаря хорошему урожаю цены совершенно упали, так что крестьяне вынуждены продавать свой урожай по ценам, не только не оправдывающим их расходов, но даже приво-

дящим к убыткам... Вполне понятно, что тут создается обильная почва для деятельности антияпоно-манчжурских элементов среди крестьян. Также создано вполне благоприятное положение и для активной работы коммунистов и бандитов. Это обстоятельство представляет большую угрозу для дела установления порядка и спокойствия в отдельных районах молодого государства».

Само собой разумеется, что крестьянство Манчжурии страдает не только от дальнейшего развития экономического кризиса, но и непосредственно от грабительской политики японского империализма, который массами сгоняет мелких собственников с земли, повышает арендную плату, углубляет ростовщическую кабалу, обостряет неэквивалентность обмена и всеми мерами увеличивает массу экспроприируемого прибавочного продукта. Равным образом пролетариат и мелкая городская буржуазия в Манчжурии сталкиваются с значительным усилением гнета в результате японского господства. Отсюда переплетение классовых и национально-революционных моментов в том массовом партизанском движении, которым сейчас охвачена Манчжурия в течение последних двух лет. В основном это движение представлено массой *партизан*, главные кадры которых поставляются крестьянством, в частности крестьянской беднотой и арендаторами, но в которых принимают участие также рабочие и разорившиеся мелкие буржуа. Именно на этих партизанских отрядах лежит главное бремя повседневной ожесточенной борьбы с японскими захватчиками.

Пытаясь произвести классификацию этих партизанских отрядов, японская газета «Харбин Ницци-Ницци» от 15 сентября 1933 г. делит манчжурских бандитов (всех своих противников японцы неизменно величают бандитами) на следующие группы:

1) «*Большие группы хунхузов, имеющих политическую окраску*». Эта категория, по словам газеты, состоит из бывших частей армии Чжан Сюэ-ляна под командой второстепенных вождей вроде Тан Цзюй-у, Ден Тэ-мэй, Ли Ду, Дин Чао, Лю Вень-гуя и др. К настоящему времени эти отряды, состоявшие раньше из 2—3 тыс. человек каждый, уже как таковые не существуют, ибо разбились на меньшие группы.

2) «*Хунхузы, имеющие религиозно-суеверную окраску*». Это—отряды, созданные революционными организациями, выросшими из старых тайных обществ вроде «Общества

больших ножей», родословная которого связывает его с боксерами и даже с тайпинами [1]. Эти организации действовали еще до манчжурского захвата, но работа их особенно оживилась в условиях японской оккупации.

3) «*Хунхузы, имеющие коммунистическую окраску*», действия которых особенно заметны в восточной части Мукденской провинции и пограничных с Кореей районах Гиринской провинции. Большие объединения этих отрядов известны под именем «красной армии».

4) «*Туфей*—обыкновенные хунхузы, которых в Китае всюду много и главнейшей причиной существования которых является социальное неустройство в стране».

5) «*Полухунхузы, полукрестьяне*». Это—обыкновенные крестьяне, имеющие оружие и скрывающие его от властей. Будучи хунхузами, они утаивают свое ремесло, показывая себя мирными жителями. Иногда сплошь все жители деревни занимаются тайным хунхузничеством (т. е. ведут активную борьбу против японцев и против туземных помещиков и ростовщиков.—*Н. Т.*). Одновременно они являются и крестьянами и землевладельцами. Отличить их от обыкновенного мирного населения очень трудно».

Не подлежит сомнению, что по мере того, как все яснее обнаруживаются предательство и беспомощность буржуазно-помещичьих элементов и генералитета, именно «*хунхузы с коммунистической окраской*», как их именуют японские писаки, приобретают все большее влияние в этом мощном партизанском движении в Манчжурии, столь глубоко захватившем манчжурскую деревню.

«В (коммунистических) партизанских отрядах в Восточной Манчжурии уже насчитывается 2 тыс. бойцов. В

---

[1] Тайпинское восстание происходило в 50 и 60-х годах прошлого века, охватило собой огромные территории главным образом Центрального и Южного Китая и в течение нескольких лет серьезно угрожало господству Манчжурской императорской династии и возглавляемой ею системе феодального купеческого гнета, тяготевшего над китайским крестьянством. Не встретив поддержки северного крестьянства, повстанцы отказались от похода на Пекин и, отступив к Нанкину, организовали государство Тайпинтяньго—«царство мира». Тайпины провели ряд революционных мероприятий, как то: конфискация земли у помещиков, отмена рабства, введение уравнительного землепользования, равноправие для женщин и т. д. Эта крестьянская революция была в конце концов подавлена благодаря иностранной помощи и классовому расслоению внутри движения, вызванному колебаниями буржуазных элементов вследствие революционных мероприятий повстанцев.

Бачи и Хайлуне партизанские отряды сами называют себя XXXII *красной армией*. В последнее время они одержали ряд побед и количественно усилились. Кроме того мы внедряем свое влияние в добровольческие войска в ряде других районов. В борьбе рабочих против японского империализма также наступил перелом»,—пишет т. Кон Син о положении в Манчжурии[1].

Вооруженная борьба в Манчжурии происходит по существу все время по всему фронту японской оккупации. Будучи в основном партизанской борьбой, она складывается из непрерывных нападений сравнительно малочисленных партизанских отрядов на железнодорожные станции и поезда, захвата этими отрядами городов, деревень и даже целых районов и ответных карательных экспедиций японских частей. В первый период наряду с этой партизанской борьбой происходили, как сказано, столкновения японских оккупантов с китайскими генералами, сохранившими еще регулярные, т. е. наемные, военные силы. Примером могут служить происходившие в 1932 г. повторные столкновения с генералом Ма, кампания против генерала Су Бин-веня (войска которого занимали крайний западный участок КВЖД и который при первом же наступлении японцев в начале декабря 1932 г. бросил фронт и перешел с частью войск на советскую территорию, где и был разоружен); аналогичная кампания в декабре 1932 г. и январе 1933 г. имела место против «старогиринских» войск, оперировавших на крайнем восточном участке КВЖД. За последний год китайский генералитет окончательно ушел от борьбы, в которой он и до того принимал лишь сомнительное участие. Борьба становится целиком партизанской. Масштабы отдельных операций сокращаются, но количество их растет. Неоднократно японцы проводят крупные карательные экспедиции в бесплодных попытках очищения целого района. Такая экспедиция предпринималась (по существу безрезультатно) японцами зимой 1932/33 г. в треугольнике между ЮМЖД, Мукден-аньдунской железной дорогой и морем.

Три момента заслуживают быть отмеченными в связи с этой непрекращающейся борьбой.

Во-первых, опыт двух последних лет показывает, что интенсивность борьбы обнаруживает определенные колеба-

---

[1] Кон Син, Политическое положение в Китае и задачи КПК, «Коммунистический интернационал» № 25 от 1 сентября 1933 г.

ния, связанные с климатическими условиями. Война разгорается сильнее весной и летом, слабеет в период суровой манчжурской зимы, когда плохо одетым китайским партизанам естественно труднее выдерживать походную жизнь. В 1932/33 г. деятельность партизан в зимние месяцы значительно сократилась, а с весны вновь начала развертываться в еще более крупном, чем раньше, масштабе; то же самое предстоит очевидно в 1933/34 г. Главные успехи партизан приходятся на лето и раннюю осень еще и потому, что тогда высокий и густой гаолян[1] дает им прикрытие и в частности скрывает (их от нападения японских аэропланов. В результате японские оккупанты под страхом суровой кары запрещают сейчас сеять гаолян поблизости от железных дорог, нападения на которые облегчаются этими зарослями.

Во-вторых, тяжесть борьбы с партизанами ложится целиком на японские войска; Манчжоу Го имеет, правда, свою армию под командой японцев и перешедших в разное время на японскую службу китайских генералов, но на эту армию японцы положиться не могут, ибо части ее очень легко переходят на сторону противника и то и дело поднимают восстания. Эти восстания манчжурской армии, сопровождающиеся убийством японских и верных японцам офицеров, составляют такое же повседневное явление, как и выступления антияпонских партизан. Действительные взаимоотношения между японскими оккупантами и манчжурской армией как нельзя лучше явствуют из сообщения агентства «United Press» из Токио в марте 1933 г. о том, что

> «...японские военные власти приняли решение снабжать войска Манчжоу Го патронами, пули которых покрыты медно-никелевой оболочкой и обладают дальностью полета лишь в 1 тыс. ярдов[2], тогда как японская армия применяет пули с оболочкой из никеля, бьющие на 6 тыс. ярдов. Предосторожность эта дает японцам возможность при всяком столкновении безопасно расстреливать своих манчжурских «союзников» издалека».

Все это разумеется означает, что японскому империализму и впредь придется нести на себе бремя расходов и военных жертв, связанных с поддержанием пресловутого «Манчжурского государства», которое без японских штыков не просуществовало бы конечно и одного часа.

---

[1] Манчжурский хлебный злак, сходный с просом, но имеющий высокие и крепкие стебли.

[2] 1 ярд = 0,9144 *м*.

В-третьих, можно констатировать, что, несмотря на все свои военно-технические преимущества и вопреки настойчивым усилиям японских оккупантов, им не удается нанести партизанам решающего поражения. В бою японцы почти неизменно выходят победителями, партизан рассеивают, но вместо разбитых отрядов появляются другие, снова наводняющие только что очищенные районы. В Манчжурии японский империализм попрежнему сталкивается с вооруженным сопротивлением, которое вовсе не идет на убыль. По прошествии двух с половиной лет военной оккупации Манчжурии попрежнему не видно никаких признаков ее «успокоения» или «умиротворения».

«Японцам приходится не легко,—писал еще в сентябре 1932 г. специальный корреспондент «Berliner Tageblatt» Гюнтер Штейн.—Крупные города прочно находятся в руках Манчжурского государства. Но манчжурская равнина за вычетом лишь узких полосок земли вдоль некоторых важнейших железнодорожных линий находится столь же прочно в руках повстанцев».

«Ныне, по прошествии почти целого года хозяйничания японской армии в Манчжурии,—писал еженедельник «China Weekly Review» от 13 августа 19332 г.,—мы видим там полнейший хаос. Ценность японских капиталовложений, исчисляемая в два миллиарда иен, к настоящему времени упала вероятно до 25% этой номинальной суммы».

«У японцев имеется такой же шанс в шесть месяцев успокоить Манчжурию, как у Нанкина в тот же срок упразднить коммунизм в Китае»,—

констатировал в ноябре 1932 г. английский журнал «Economist» в комментариях к оптимистическим заявлениям, исходившим от японских военных кругов.

Эти заявления были связаны с зимним затишьем в деятельности манчжурских партизан. К концу 1932 г. японцы изображали положение в Манчжурии так, как будто дело ее умиротворения близится к концу.

«Manchuria Daily News» от 16 декабря писала, что впервые за все время оккупации от «бандитов» очищены все манчжурские железные дороги. В начале 1933 г. японские военные власти в Манчжурии опубликовали сводку военных операций против «бандитов»[1], из которой явствует, что в результате семи крупных кампаний, имевших место между

---

[1] Перепечатано в журнале „China Weekly Review" от 29 апреля 1933 г.

июлем 1932 г. и февралем 1933 г., из 90 тыс. бандитов, против которых эти кампании непосредственно велись, около 4 тыс. было истреблено, а 55 тыс. сдались и перешли на сторону японцев. Эти цифры не были однако особенно утешительными, ибо уже цитированная «Manchuria Daily News» той же зимой, 1932 г., определяла общее число повстанцев в Манчжурии в 200—300 тыс. человек. Наконец, выступая на заседании японского кабинета 1 февраля, военный министр Араки заявил, что большая часть крупных «бандитских» отрядов ликвидирована и что в мелких отрядах в самой Манчжурии этих «бандитов» осталось не больше 80 тыс. [1].

Но, несмотря на всю эту похвальбу, широкое партизанское движение возобновилось с первыми же лучами весеннего солнца даже в наиболее освоенных японцами районах Южной и Центральной Манчжурии. В течение марта и апреля 1933 г. на ряде манчжурских железных дорог снова было прекращено ночное движение поездов ввиду участившихся нападений. Японо-манчжурская печать снова запестрела каждодневными сообщениями об изменах, о передвижении партизанских отрядов, о захвате этими отрядами населенных пунктов и т. д. Вот как рисовалось например по данным японофильской газеты «Шен-цзин-шибао» от 10 апреля 1933 г. положение в Гиринской провинции:

«С наступлением весны бандитизм снова развивается. В районе Гирин-хайлунской железной дороги, разгромленном в прошлом году, Дянь Чен вновь собрал остатки своих бандитов и начал оперировать, нападая на поезда и т. д. В уезде Паньши появился отряд в 1 тыс. бандитов под начальством Сань Цзян-хао; в районе Линьгоу другой отряд в 2 тыс. повстанцев угрожает уездному городу Хуадянь. Гор. Миньню угрожает 5 тыс. бандитов. Возобновились бандитские операции и в районе Дуньнина».

В 1933 г., как и в 1932 г., после кратковременного зимнего периода относительного затишья борьба началась сызнова. Правда, японская квантунская армия в своем официальном сообщении от 5 сентября 1933 г. утверждает, что в результате ее усилий «бандитское движение» в Манчжурии сократилось наполовину и что ко второй годовщине начала японской военной оккупации осталось «всего лишь 100 тыс. бандитов против 210 тыс. осенью 1932 г. В дей-

[1] „Japan Advertiser" от 2 февраля 1933 г.

ствительности. по мнению уже цитированного нами специального корреспондента английской «Manchester Guardian» (в сентябре 1933 г.), разница по сравнению с 1931 г. заключается лишь в том, что повстанцы действуют более мелкими отрядами и потому борьба с ними становится еще более затруднительной. Корреспондент этот заявляет, что японский империализм даже не подошел еще к разрешению задачи «умиротворения» края.

Характерно, что японский бюджет на 1933/34 финансовый год предусматривал увеличение расходов на военные операции в Манчжурии и что в процессе подготовки нового бюджета на 1934/35 финансовый год японское военное министерство снова потребовало на те же цели 180 млн. иен.

Партизанское движение в Манчжурии черпает свои силы внутри себя. В период, когда представители буржуазно-помещичьих элементов в Манчжурии еще пытались оказать сопротивление японскому вторжению, они несомненно пользовались известной поддержкой со стороны буржуазии Центрального Китая, за спиной которой и в этом вопросе стоял конечно американский империализм. Поддержка эта могла заключаться в посылке в Манчжурию людей, оружия и денежных средств. Последние были собраны в очень значительных размерах особенно среди китайской буржуазии, проживающей за границей: по сведениям «China Weekly Review» от 16 сентября 1933 г. (по всей вероятности эти сведения преувеличины) на финансирование вооруженной борьбы с Японией в Манчжурии было собрано от 20 до 30 млн. китайских долларов. Однако, по утверждению того же источника, до Манчжурии реально дошло всего 1 400 тыс. китайских долларов, да и эти средства,—добавим мы,—были вероятно израсходованы главным образом на репатриацию китайских генералов—Су Бин-вэня и других и на субсидии другим генеральским беженцам.

Эти цифры ярко вскрывают всю картину. Китайская буржуазия и даже реакционный гоминдан при всей его продажности и предательстве заинтересованы в том, чтобы Япония встречала в Манчжурии максимальные затруднения. Заинтересован в этом и американский империализм, непримиримая позиция которого играла и продолжает играть роль определенного фактора в манчжурской политической ситуации. Но само собой разумеется, что гоминдан, нанкинское правительство и северокитайские власти,

которые позорно предали и сорвали оборону Шанхая в 1932 г. и оборону Северного Китая в 1933 г., должны были на деле сыграть такую же предательскую роль по отношению к борьбе с Японией и на манчжурской территории. Они не являлись реальным фактором этой борьбы. Правда, не далее как 6 сентября 1933 г. одна из видных буржуазных газет «Шуаньбао» снова заявляла, что

«...единственной надеждой Китая в деле возвращения его северо-восточных провинций является деятельность партизан, постепенно подрывающих сопротивляемость и мужество японцев. Если мы хотим вернуть Манчжурию, наш народ не должен позволить прекратиться этой партизанской деятельности».

Национально-революционные моменты несомненно играют еще известную крупную роль в партизанском движении, происходящем в Манчжурии, и создают возможность связи этого движения с более широкими кругами буржуазии, мелкой буржуазии и интеллигенции Собственно Китая. Но к настоящему времени, когда партизанское движение в Манчжурии есть уже в основном движение низов, в сущности направленное одинаково против иностранных и туземных эксплоататоров и классово враждебное реакционным группировкам Собственно Китая, поддержка со стороны этих последних явно превращается в свою противоположность. *Единственным организующим центром манчжурской партизанщины вне пределов манчжурской территории является героическая китайская коммунистическая партия с ее территориальными базами в лице советских районов Китая.*

ЯПОНСКАЯ АГРЕССИЯ

в Собственно Китае

Захват Манчжурии не явился изолированным актом японской агрессии. Объектом японской агрессии остается не только весь Китай, но вся Восточная Азия.

Основной мыслью знаменитого меморандума Танака является необходимость захвата Манчжурии как *первого шага на пути к окончательному овладению господством над всем Китаем.*

Танака пишет: -

«Для того чтобы завоевать Китай, мы должны сначала завоевать Манчжурию и Монголию, для того чтобы завоевать мир, мы должны сначала завоевать Китай.

...Для того чтобы завоевать подлинные права в Манчжурии и Монголии, мы должны использовать эту область как базу и проникнуть в остальной Китай под предлогом развития нашей торговли. Вооруженные уже обеспеченными правами, мы захватим в свои руки ресурсы всей страны. Имея в своем распоряжении все ресурсы Китая, мы перейдем к завоеванию Индии, Архипелага, Малой Азии, Центральной Азии и даже Европы».

«Япония заинтересована во всем Китае в размере и степени абсолютной необходимости для ее национального существования»,—писал в журнале «Foreign Affairs» в апреле 1928 г. Каваками, один из виднейших японских специалистов по внешней пропаганде.

«Вся политика Японии в течение последних 30 лет направлена к одной цели– политическому и экономическому завоеванию Китая,—пишет бывший лейбористский министр Сноуден в газете «Manchester Guardian» в марте 1933 г. -Господство над Китаем означает господство над огромными ресурсами потенциально богатейшей страны в мире. Оно сделает Японию хозяином всего Дальнего Востока и вершителем судеб половины

Азии. Воображение отказывается обрисовать мировые последствия успеха подобной политики».

С самого начала нынешней японской авантюры на Дальнем Востоке было очевидно, что она не может быть ограничена манчжурскими рамками, что Япония будет стремиться к установлению новых и расширению старых сфер влияния в Собственно Китае. К этому толкали японский империализм не только его собственные вожделения, но и диалектика манчжурского захвата. Манчжурские события всколыхнули широчайшие слои китайского населения, вызвали огромный подъем национально-революционных настроений в Китае. Эти события содействовали дальнейшей дискредитации гоминдановской реакции, являвшейся фактическим пособником японского империализма, углубили революционный кризис в стране и вызвали неслыханное по своему масштабу массовое движение антияпонского бойкота.

В результате при общем сокращении японского вывоза в 1931 г. по сравнению с 1930 г. на 22%, вывоз в Китай сократился на 36%, а в Центральный Китай даже на 44%. К январю 1932 г. убытки японской торговли, промышленности и судоходства в Собственно Китае исчислялись, по данным японской торговой палаты в Шанхае, огромной цифрой в 188 млн. таможенных таэлей. С тех пор эти потери колоссально возросли. Правда, к настоящему времени манчжурский рынок фактически монополизован Японией, и японский вывоз в Манчжурию уже в 1932 г. номинально превысил прошлогодний почти вдвое (147 млн. иен против 77 млн. иен). Но помимо того, что за этот же период японская иена, как мы увидим дальше, обесценилась ровно в два с половиной раза, Япония заплатила за эти «успехи» на манчжурском рынке огромными потерями на рынках остального Китая. Несмотря на обесценение иены, японский вывоз в Китай и Гонконг (без Манчжурии) составил в 1932 г. всего 147 млн. иен против прошлогодних 180 млн. иен; вывоз в Центральный Китай сократился почти наполовину, а вывоз в Гонконг и Южный Китай почти до одной трети. В общем итоге вывоз Японии в Китай, Манчжурию и Гонконг составил в 1932 г. 294 млн. обесцененных иен против 258 млн. полноценных иен в 1931 г. С другой стороны, сообщения из Шанхая, относившиеся к началу ноября 1932 г., указывали, что из 59 японских фабрик в этом городе, владельцы которых входили в ассоциацию японских промышленников, нормально работали

тано 3, тогда как 7 фабрик использовали лишь 50% своей мощности, 3—30%, 11—только 10%, а остальные были попросту закрыты.

В 1933 г.—как будет показано ниже—имело место установление фактического японского господства в Северном Китае. Экономические последствия этого обстоятельства, равно как и дальнейшее усиление японского демпинга в Манчжурии, несколько замаскировали серьезность положения японской торговли в Собственно Китае и в частности в долине Янцзы, но она тем не менее совершенно неоспорима. Несмотря на обесценение иены, вывоз из Японии в Собственно Китай еще (без Манчжурии) в первой половине 1933 г. оказался меньше вывоза прошлого года (30,3 против 57.4 млн. иен, т. е. на деле значительно сократился), вывоз хлопчатобумажных тканей в Собственно Китай за январь-август 1933 г. составил всего 100,5 млн. квадратных ярдов—на 19% меньше, чем в тот же период 1932 года, и на 52% меньше, чем в тот же период 1931 года. Вывоз этих тканей в Гонконг за тот же период составил 17,4 млн. квадратных ярдов—на 24% больше 1932 г., но на 66% меньше вывоза 1931 г.

Еще ярче рисует японские потери китайская статистика: по сообщению японского коммерческого советника в Шанхае Нокотаке (журнал «Trans-Pacific» от 17 августа 1933 г.) ввоз в Китай из Японии за первую половину 1933 г. составил 72,6 млн. китайских долларов—на 48% меньше 1932 года, и Япония оказалась в китайском импорте на четвертом месте—после САСШ, Англии и Австрии. «Бойкот японских товаров потерял свою прежнюю ярость, но все еще активен»,—указывала японская газета «Иомиури» в конце сентября. Правда, одновременно колоссально вырос японский экспорт в Манчжоу Го: в первой половине 1933 г. этот экспорт, составивший 58% всего манчжурского импорта, выразился в сумме 132 млн. иен против 56 млн. иен в 1932 г., т. е. в Манчжурию было вывезено вдвое больше, чем в Китай. (Следует подчеркнуть, что часть японских товаров, вывозимых в Манчжурию, проникает ныне оттуда в Северный Китай благодаря пресловутой «нейтральной зоне», в которой японцы являются полными хозяевами.) В результате японская статистика утверждает, что весь вывоз в Китай, Манчжурию и Гонконг составил за 6 мес. 1933 г. 200 млн. иен против 120 млн. в прошлом и 141 млн. иен в позапрошлом году. Но независимо от поправки на обесценение иены не подле-

жит ведь сомнению, что Манчжоу Го не может заменить собой в системе японской торговли весь Китай с его минимум 400 млн. населения.

Японский империализм ведет наступление в Собственно Китае прежде всего потому, что он с самого начала взял курс на установление своего монопольного господства не только в Манчжурии, но и в большей части остального Китая. Речь идет о «манчжуризации» новых обширных районов китайской территории (в 1932 г. – Шанхайского района; в 1933 г.—Северного Китая). Но японский империализм с тем большей поспешностью и энергией ведет дальнейшее наступление, что на этом пути он рассчитывает попутно разрешить ряд других задач: преодолеть антияпонский бойкот и восстановить утерянные торговые позиции в Собственно Китае, вынудить официальное признание Китаем потери Манчжурии (это признание нужно Японии потому, что оно затруднит антияпонские выступления американского империализма в сфере международной политики), установить свое подавляющее влияние в гоминдановской верхушке и наконец обеспечить более эффективную борьбу китайской реакции с революционным движением вообще и героической китайской красной армией в частности.

Чем дальше, тем более очевидным становится еще и то обстоятельство, что важнейшим фактором, вынудившим японский империализм форсировать после захвата Манчжурии дальнейшие авантюры в Собственно Китае, является тот же кризис, который непосредственно толкнул Японию на манчжурскую авантюру. Это отнюдь не способствовало, как мы увидим дальше, изживанию или хотя бы смягчению японского кризиса, который подхлестывает правящие группы японского империализма на все новые акты агрессий.

Японская агрессия в Собственно Китае начала проявляться почти одновременно с началом манчжурской эпопеи. Еще в октябре 1931 г. японский империализм предъявил нанкинскому правительству ультиматум, требуя немедленного прекращения антияпонского бойкота и угрожая в противном случае суровыми карами. В ноябре японская военщина организовала в Тяньцзине «восстание» своего агента Пи Ю-сяна. Базой этого восстания служила японская концессия в этом городе. Восстание было подавлено, но японцы тем временем наводнили Тяньцзин своими войсками, а позднее добились вывода из города большей ча-

сти китайского гарнизона и фактически оказались господами положения во всем районе. Угрожающее передвижение японских войск в этом районе явилось одним из факторов, обеспечивших быстрый успех японского наступления на Цзиньчжоу и Шанхайгуань на рубеже 1931—1932 гг., также как и позднейшего наступления от Шаньхайгуана на Бейпин весной 1933 г. Но свой главный удар Япония с начале 1932 г. пыталась направить на важнейший во всех отношениях Шанхайский район.

Тотчас после завершения операций против войск Чжан Сюе-ляна в Южной Манчжурии, в середине января 1932 г., в Шанхае начали накапливаться японские военные и морские силы. Японцами был спровоцирован целый ряд уличных инцидентов, которые послужили предлогом для предъявления китайским властям требования наказания виновных в «нападениях» на японцев, уплаты контрибуции и, главное, разгона антияпонских организаций и подавления антияпонского бойкота, хотя бы военной силой. После первого десанта японских войск в Шанхае эти требования становятся ультимативными, и, хотя 28 января китайский мэр Шанхая официально согласился на их удовлетворение, японские войска тем не менее перешли границы сетлемента[1] и вторглись в соседнюю китайскую часть города—Чапей. Вторжение это было произведено с совершенно недвусмысленной целью захвата Чапея для обращения его в плацдарм дальнейшей японской агрессии в Китае, дезорганизации китайской армии и создания такого положения, при котором Япония могла бы диктовать свою волю Нанкину.

Следует подчеркнуть, что в отличие от манчжурской авантюры и последующего вторжения в Северный Китай, в которых руководящую и инициативную роль играли армейские круги, тесно связанные с прослойками японского финансового капитала и поэтому заинтересованными именно в этих районах, шанхайская авантюра была в значительной мере делом рук военно-морского командования и финансовых концернов, наиболее заинтересован-

---

[1] Сетлемент — английское слово, означающее поселение или поселок. В Шанхае это представляет собой обширную и самую богатую часть города, являющуюся международной концессией. Она управляется муниципальным советом (почти целиком из иностранцев) под контролем консульского корпуса и охраняется иностранными войсками, полицией и иностранными волонтерами. Здесь иностранцы являются полными хозяевами. Кроме международной в Шанхае есть еще французская концессия.

ных в судоходстве и в промышленном вывозе. Непосредственная инициатива вооруженного столкновения также принадлежала морскому командованию. Армейская верхушка, считавшая в общем прямое наступление на Шанхай преждевременным и расходящимся с ее планами постепенного продвижения на юг от границ Манчжурии (эти планы были реализованы в следующем году), тем не менее не возражала. Дело в том, что, не встретив серьезного противодействия в Манчжурии (партизанское движение еще не успело развернуться), японский империализм рассчитывал захватить шанхайский район в порядке чуть ли не военной прогулки.

Общеизвестно, что его постигло в этом отношении жестокое разочарование. Мы не будем здесь останавливаться на хорошо освещенной в нашей литературе героической эпопее защиты Шанхая шанхайскими рабочими и городской беднотой вместе с солдатами китайской XIX армии[1]. Защитники Чапея оспаривали каждую пядь земли. Фронт борьбы растянулся до Усуна. Потребовались подкрепления, постепенно доведшие военные силы японцев до 70—80 тыс. человек; потребовалось свыше месяца ожесточенных и кровопролитных боев, во многом напоминавших бои мировой войны, прежде чем японцам удалось наконец ценой огромных жертв добиться хоть какого-нибудь успеха. И этот успех мог быть одержан только в результате глубокого обхода и десантной операции во фланг и в тыл китайских защитников Шанхая, т. е. фактически благодаря открытому предательству со стороны правящей гоминдановской группировки.

Нанкинское правительство на деле от начала до конца *саботировало* оборону Шанхая (даже денежные средства на эту оборону были получены не от правительства, а от добровольных пожертвований главным образом китайцев, проживающих за границей); на последнем ее этапе оно, имея полную возможность двинуть достаточные силы навстречу обходной колонне японских войск, не сделало этого, вынудив тем самым XIX армию к отступлению.

Японские войска заняли обширный район вокруг Шанхая. Тем не менее шанхайская операция явилась по существу поражением японского империализма. «Японцы усугубили свои трудности интервенцией в Шанхае,—пи-

---

[1] См. Ян Чжу-лай — японские империалисты в Шанхае, Партиздат, 1932.

сала английская «North China Daily News» в передовой от 17 мая 1932 г.—Они не достигли своих непосредственных целей. Они вместе с тем усилили сопротивление японской политике в Манчжурии». Шанхайские события действительно вскрыли огромную сопротивляемость китайских масс в борьбе против империалистических насильников. Они подорвали японский военный престиж: легенда о непобедимости японской армии в войне с китайскими войсками была разбита повторными неудачами в боях под Шанхаем и тем фактом, что японским войскам так и не удалось сломить противника лобовой атакой.

Вторжение в Шанхай колоссально озлобило широкие слои населения Китая. (Между прочим убытки, понесенные Шанхаем от военных операций японцев, исчисляются—правда по всей вероятности преувеличенно—в 1,5 млрд. китайских долларов.) Развалины Чапея и сейчас служат живым напоминанием о пережитых Шанхаем ужасах войны. Вторжение это всколыхнуло китайские массы еще более, чем события в Манчжурии, оно вызвало еще более мощный подъем национально-освободительных и революционных настроений и разумеется не ослабило, а усилило антияпонский бойкот по всему Центральному и Южному Китаю. Огромный антиимпериалистический подъем в стране не позволил гоминдановской правительственной верхушке, каким бы откровенным предателем национальных интересов страны оно ни являлось, открыто пойти навстречу Японии в деле признания японского господства в Манчжурии. Вторжение в Шанхай в огромной степени содействовало дальнейшему пробуждению классового революционного сознания китайских рабочих и крестьян важнейших центральных районов; в совокупности с саморазоблачением гоминдановской реакции, наглядно сказавшимся в этом деле, оно явилось важным фактором в дальнейшем развертывании советской революции в Китае, столь непосредственно угрожающей господству империализма в этой стране.

Вторжение Японцев в Шанхай не могло не обострить также противоречия между Японией и другими империалистами. В Шанхае Япония заведомо вторгалась в чужие сферы влияния и подбиралась к господству над обеими китайскими столицами—коммерческой (Шанхай) и политической (Нанкин). К тому же в разгаре шанхайских боев Япония выступила с предложением о создании нейтральной зоны вокруг пяти крупнейших китайских портов. По-

сколько Япония вела войну в Шанхае, угрожала Ханькоу, господствовала в Тяньцзине и издавна считала Циньдао своей сферой влияния, это предложение не только знаменовало практический переход к разделу Китая, но и обеспечивало Японии максимальную долю добычи. Оно однако провалилось вследствие сопротивления Америки и Англии. Эта неудача, огромные расходы на шанхайскую операцию и бесперспективность последней—ввиду столь очевидного противодействия держав—вынудили в конце концов японский империализм отказаться пока что от дальнейшего развития военной агрессии в этом районе. 5 мая 1932 г. было заключено при посредстве Англии соглашение, предусматривавшее эвакуацию японских войск в пределах сетлемента, однако открывавшее всевозможные пути для саботажа этой эвакуации (не был в частности установлен окончательный срок для вывода японских войск из Чапея, Усуна и Цзяньвана). Хотя это соглашение представляло собой по существу плохо прикрытую позорную капитуляцию Нанкина перед японским империализмом, этому последнему все же пришлось в течение мая 1932 г. очистить занятую им территорию. Шанхайская авантюра была таким образом бесславно ликвидирована. Ее нельзя, правда, считать, совершенно бесплодной, ибо ценой, которую Япония видимо выговорила себе за увод своих войск из Шанхая, было некоторое укрепление англо-японского сговора относительно Манчжурии. Возможно, что этот фактически существовавший с самого начала манчжурской авантюры сговор именно в результате шанхайской операции и ее благополучного для Англии исхода (эвакуация японских военных сил) оформился в какое-либо специальное секретное соглашение. Но этот относительный дипломатический успех Японии был не единственным последствием шанхайской операции. Остались разрушенные дома и разоренные семьи. Остались огромные сдвиги в сознании китайских масс. Осталось наконец огромное революционизирующее влияние шанхайской эпопеи на общее положение в Китае.

Уход из Шанхая не означал, само собой разумеется, отказа японского империализма от дальнейших актов агрессии в долине Янцзы. Не далее как осенью 1933 г. вопрос об угрозе нового японского вторжения в Шанхай вновь усиленно обсуждался в китайской печати в связи с окончанием сооружения огромных японских казарм в Шанхае. Казармы эти устроены за пределами междуна-

родного сеттлемента, на китайской территории, и стало быть без каких бы то ни было договорных оснований. Они представляют собой форменную крепость, которая доминирует над всем городом, и вместе с окружающей территорией превращены в японский укрепленный район, охраняемый воинскими частями. В них расположено до 2 тыс. человек японской морской пехоты с артиллерией, танками и пулеметами. Внушительные маневры этих военных сил в Шанхае, проведенные в начале октября 1933 г., явно имеют в виду подготовку к новым военным операциям в этом районе.

ЖЕХЭ
и Северный
КИТАЙ

После поражения, фактически понесенного японским империализмом в Центральном Китае, ближайшим объектом японской агрессии становится Северный Китай, непосредственно прилегающий к Манчжурии, ближайшей целью японской политики—«манчжуризация» этих северных провинций. В течение летних и осенних месяцев 1932 г. наблюдается заметное усиление подпольной работы японцев в Северном Китае. Уже выбор последнего представителя династии манчжурских императоров Пу-И в качестве главы Манчжурского государства диктовался несомненно планами возрождения монархического режима во всем Северном Китае—режима, который служил бы прикрытием японской оккупации. Столица Манчжоу Го Чаньчунь вместе с Дайреном и японской концессией в Тяньцзине становится центром японских интриг, направленных к образованию в Северном Китае «буферного государства», которое могло бы быть затем объединено с Манчжоу Го.

Главным орудием этих интриг, судя по сообщениям, просачивавшим в прессе, являлась клика аньфуистов во главе с Дуань Ци-жуем, через посредство которых японцы пытаются связаться с противниками и соперниками Чжан Сюэ-ляна (Фын Юй-сян, Ен Си-шань, Хан Фу-цзю) и некоторыми подчиненными ему генералами. Осенью 1932 г., в Северном Китае создается положение, предвещающее скорый «внутренний» переворот. Чрезвычайно показательным в этом отношении фактом явилась война в Шаньдуне между Хан Фу-цзю и генералом Лю Чже-нянном, сторонником Чжан Сюэ-ляна. Война эта однако не получила дальнейшего распространения, и результатом ее явилась только ликвидация Лю Чже-няна. Видимая неудача закулисных происков японского империализма

толкнула его тогда на переход к прямой военной агрессии.

Подготовка к этому переходу сигнализировалась повышенным вниманием с японской стороны к провинции Жехэ—буферной территории, отделяющей Манчжурию от остального Китая. Площадь Жехэ—65 тыс. квадратных миль; население ее исчисляется от 3½ до 7 млн. человек. Провинция эта не имеет ни железных дорог (кроме одной небольшой ветки Пекин-мукденской дороги), ни крупных городских центров, ни промышленности; она представляет собою гористый земледельческо-скотоводческий район, прославленный преимущественно крупным производством опиума, обложение которого и торговля которым дают громадные доходы местным генералам и чиновникам. Географически Жехэ относится к так называемой Внутренней Монголии (вместе с провинциями Чахар и Суйюань), но с 1928 г. она была включена в административном отношении в состав Манчжурии (это была подачка Чжан Сюэ-ляну за то, что он признал власть нанкинского правительства). Жехэ до начала 1933 г. оставалась в стороне от японской оккупации, ибо, несмотря на давнишнее внимание, которое японский капитал уделял этой провинции, в ней не было никаких или почти никаких непосредственных японских интересов. Однако еще в середине 1932 г. японский военный министр Араки заявил, что

«...провинция Жехэ является частью нового Манчжурского государства. Включение провинции Жехэ в состав этого государства—вопрос только времени. Жехэ имеет для Японии особое, огромное значение. Вопрос о Жехэ—это вопрос существования нашей империи».

Дело конечно не в «сказочных богатствах» самого Жехэ, хотя несомненно, что Япония рассчитывает на прибыльную эксплоатацию минеральных и скотоводческих ресурсов этой провинции. Дело в том, что Жехэ представляет собою стратегические ворота, ведущие из Манчжурии в Собственно Китай.

«Тот, кто господствует в Жехэ,—писал лондонский «Times» в январе 1933 г.,—будь то японцы или китайцы, может использовать его гористые долины как исходный пункт либо для вторжения в северный район Собственно Китая, в котором расположен Бейпин, либо для того, чтобы наводнять Манчжурию войсками, агитаторами и пропагандистами».

Японская пропаганда подчеркивала, что Жехэ является

базой антияпонского фронта в Манчжурии и что эта провинция, пока она остается в китайских руках, может явиться плацдармом контрнаступления против японцев, плацдармом для антияпонских выступлений, китайской агентуры американского империализма. Но действительная подоплека японского вторжения в Жехэ—другое: овладение Жехэ являлось для Японии ступенью к господству над всем районом Бейшина и Тяньцзина. Операции в Жехэ по самому существу своему были неотделимы от дальнейшего осуществления японских планов «манчжуризации» Северного Китая.

К подготовке этих операций японский империализм приступил, как только сезонное затишье партизанской войны в Манчжурии создало благоприятную для этого обстановку. С осени 1932 г. японские газеты в Манчжурии подняли кампанию, доказывая, что «Жехэ всегда считалась частью манчжурской территории, что японский народ даже не представляет себе Манчжурию без Жехэ» («Манчжоубао», Дайрен) и что «если бандитские вожди Китая будут чинить препятствия объединению Жехэ с Манчжоу Го, то им от этого будет хуже, чем они думают» («Шен-цзинши-бао», Мукден). Вслед за тем во всей японской прессе развернулась широкая кампания по поводу угрожающего характера деятельности китайских партизан в Жехэ и необходимости занятия этой провинции японскими войсками. В декабре 1932 г. начинается усиленная военная подготовка: подвозятся войска и амуниция, на границах Жехэ предпринимается повторная воздушная разведка; пограничные районы подвергаются бомбардировке с японских аэропланов.

Первый удар был однако нанесен японскими военными силами в другом направлении, а именно на Шанхайгуань, расположенный непосредственно к югу от китайской стены на Пекин-мукденской железной дороге, проходящей здесь по узкой низменной полосе вдоль морского берега. Стратегическое значение Шанхайгуаня огромно, ибо он закрывает проход из Манчжурии в Собственно Китай вдоль единственного железнодорожного пути. Шанхайгуаньские ворота в Великой стене были захвачены японцами еще в январе 1932 г., но самый город, расположенный южнее, оставался в китайских руках, хотя тут же находился японский гарнизон, «охраняющий» железную дорогу на основании боксерского протокола 1901 г.

Еще 9 декабря 1932 г. в Шанхайгуане произошло

столкновение между японскими и китайскими войсками. 1 января 1933 г. «инцидент» был повторен в еще более крупном масштабе; под обычным предлогом нападения со стороны китайских войск японские военные силы, подвергнув Шанхайгуань одновременному обстрелу с суши, моря и воздуха, после трехдневных боев заняли город, оттеснив китайские войска к югу.

Захват Шанхайгуаня, расположенного заведомо за пределами Манчжурии, сам по себе означал перенесение войны на территорию Собственно Китая. Он открывал путь им для дальнейшего наступления вдоль железной дороги, ведущей в Тяньцзин и Бейпин, и стало быть представлял собой угрозу всему Бейпин-тяньцзинскому району. Японцы поспешили использовать этот захват, чтобы предъявить требование эвакуации китайских войск из порта Цинь-вандао, расположенного южнее по той же железной дороге, и добиться осуществления не соблюдающихся постановлений боксерского протокола 1901 г., которые воспрещали китайским войскам доступ в полосу этой дороги и в город Тяньцзин. В первую очередь однако захват Шанхайгуаня имел целью обеспечение японского фланга для дальнейших более крупных операций, подготовлявшихся против провинции Жехэ.

Эти операции начались лишь 21 февраля 1933 г. после чрезвычайно тщательной подготовки. В дело были двинуты кавалерия и специальные моторизированные части. В Китае эта подготовка к захвату Жехэ вызвала сильнейшее возбуждение. Под давлением масс нанкинское правительство, Чжан Сюэ-лян и губернатор Жехэ Тан Ю-лин должны были изображать героическую решимость, защищать Жехэ до последней капли крови. Но в этом деле китайская реакция еще раз с предельной наглядностью обнажила свое предательство, продемонстрировав, что она не может и не хочет вести действительную борьбу против японского империализма. Несмотря на весь шум, поднятый вокруг обороны Жехэ, эта оборона была возложена фактически на слабые местные силы. Больше того, она оказалась фарсом, так как местные генералы частью уклонялись от боя, частью попросту изменили после первых же столкновений. В результате китайское сопротивление, поскольку оно вообще оказывалось, было с легкостью сломлено японцами; поход в Жехэ превратился для последних в военную прогулку, и в какие-нибудь две-три недели наступавшие японские части достигли проходов в Великой

стене, которая служит границей между Жехэ и остальным Китаем. Столько же времени потребовалось им на овладение этими проходами, хотя здесь им и было оказано несколько более действенное сопротивление главным образом частями бывшей «народной армии» Фын Юй-сяна (войска Сун Чже-юаня и Сун Тянь-иня).

Министр финансов нанкинского правительства Сун Цзе-вень, который во время этой кампании находился в Бейпине (Пекине) якобы для руководства всей обороной Жехэ, объяснял провал этой обороны недостатком китайской военной системы, которая «позволяет существование огромных армий плохо накормленных, плохо вооруженных и плохо обученных солдат, превращающихся в момент кризиса в беспомощную толпу». В своей обличительной декларации, опубликованной 5 марта в китайской прессе (судьба Жехэ к этому времени была уже решена), Сун Цзе-вень заявлял:

«Я видел армии без штабной работы, с генералами, которые прячутся далеко позади фронта, без транспорта или с таким транспортом, при котором нужны месяцы для доставки припасов на фронт, без связи между различными командованиями, без противовоздушных орудий, почти без артиллерии и с солдатами, которые обучены только примитивным основам пешего строя... Когда начинается битва и вражеские аэропланы, пулеметы и орудия сеют смерть, горные проходы, которые при правильной защите могли бы стать непроходимыми, превращаются в западню для их защитников».

Сун Цзе-вень нисколько не преувеличил технические и оперативные дефекты китайской армии по сравнению с японской. Он с полным основанием клеймил предательство северных генералов, занятых междоусобной борьбой за власть и озабоченных главным образом тем, чтобы не подставить под удар свои собственные войска, а, наоборот, дать японцам расправиться с войсками соперников. Но в том то и дело, что ответственность за сдачу Жехэ и Великой стены, так же как и за последовавшую сдачу огромной территории в Северном Китае и в Чахаре, полностью разделяют с этими генералами само нанкинское правительство и нанкинское главное командование в лице Чан Кай-ши, которые еще более цинично, чем в 1932 г. в Шанхае, всячески саботировали оборону. Нанкинское «руководство» и нанкинская помощь обороне Жехэ и Великой стены были таким же злостным фарсом, как и самая оборона.

«Кто ответственен за это предательство?»—ставит вопрос вдова Сун Ят-сена—Сун Цзи-лин в статье, появившейся в радикальном американском журнале «Nation» весной 1933 г.: «Прежде всего Чжан Сюэ-лян, командующий войсками на Севере и представитель нанкинского правительства в Бейпине, который является главой всех ошумных генералов и который со своей теорией «непротивления» первый подвел базу под это предательство; а в дальнейшем это предательство заключалось уже в том, что просто не делали никаких приготовлений к военным действиям.

Вторым, кто является ответственным за это предательство,—само нанкинское правительство. Это правительство направляло всю силу своей власти против китайского народа, оно назначало во главе командования генералов-предателей и тем самым заранее делало невозможным успешное продвижение их армий; оно мешало вооружению народа и организации добровольческой военной армии, которая одна является способной вести национально-революционную войну против японских империалистов».

Позорный исход кампании в Жехэ вызвал сильнейшее возмущение не только в массах, но и в буржуазном общественном мнении страны. Нанкин был вынужден принести в жертву Чжан Сюэ-ляна, которому пришлось 8-го марта выйти в отставку и уехать за границу; командование его войсками номинально перешло к нанкинскому штабу. Но и после этого в боях, завязавшихся на территории самого Северного Китая, Нанкин не давал ни подкреплений, ни оружия, ни денег. О степени цинизма этого саботажа можно судить хотя бы по следующему факту, разоблачению шанхайским корреспондентом «Times» (от 26 мая 1933 г.). На суммы, собранные путем пожертвований и предназначенные на вооружение китайских защитников Жехэ и Великой стены, Нанкин поспешил приобрести 10 тыс. мечей большого размера, которые и были посланы войскам Чжан Сюэ-ляна и Сун Чже-юаня *в качестве противовеса японским пулеметам, авиации и артиллерии!* Равным образом не было сделано ровно ничего для использования огромных возможностей партизанской войны в тылу и фланге наступающих японских войск. Ключ к этому предательству Нанкина тот же конечно что и к маневрам северных генералов: оно предопределилось страхом перед массами, жаждой скорейшего

сговора с японским империализмом и наконец расчетами и потребностями феодальной междоусобной борьбы за власть.

Захват Жехэ и Великой стены обеспечил Японии новый плацдарм для дальнейшего наступления. Разумеется с чисто военной точки зрения победа, одержанная японскими войсками в этой провинции, отнюдь не была завершена. В Жехэ получилось то же самое, что в свое время в Манчжурии: большая часть местных китайских войск не уничтожена и не вытеснена из провинции, а осталась во флангах и в тылу у японских частей. Правда, китайские генералы в Жехэ с еще большей легкостью поддавались «манчжуризации», чем их коллеги в трех восточных провинциях, и для них к тому же японцы вскоре нашли надлежащее применение, превратив их в авангард своего наступления в Чахаре и использовав их для выступлений в так называемой «нейтральной зоне», но лойяльность всех этих генералов по отношению к их японским хозяевам осталась более чем сомнительной, а оставшиеся в японском тылу раздробленные массы китайских солдат в Жехэ в значительной части возобновили борьбу, которая здесь также принимает партизанский характер. При этих условиях не может быть и речи о том, чтобы Японии в ближайшее время удалось освоить свою новую добычу в экономическом и политическом отношениях. Факт тот однако, что колониальный по своему существу манчжурский режим распространился на новую территорию и что захват Жехэ открыл японскому империализму путь для немедленного вторжения в Северный Китай, с одной стороны, и в глубь Монголии—с другой.

Японское наступление действительно сразу же форсировалось одновременно в обоих этих направлениях под теми же предлогами «нападений» со стороны китайских войск и «обеспечения безопасности» Манчжоу Го. По поводу этой мотивировки орган английских империалистов в Шанхае «North China Daily News» писал в середине марта 1933 г.: «Эта наивная доктрина протухла уже от слишком частых к ней обращений со времени японского выступления 18 сентября 1931 г.».

В этой новой кампании, как и в походе в Жехэ японские войска иногда выпускали вперед (и подгоняли сзади) небольшие манчжурские части, состоящие под командой японских же офицеров и унтер-офицеров, именуя их «манчжурскими партизанами», иначе говоря делалась попытка

произвести впечатление, что война эта есть конфликт между Манчжурией и Китаем, в котором Япония принимает только косвенное и вынужденное участие. Но эта уловка никого разумеется обмануть не могла, к тому же «партизаны» были только разведчиками, а войну продолжали вести регулярные японские войска.

С самого начала было очевидно, что японский империализм ставит своей конкретной и ближайшей целью «манчжуризацию» как Монголии, в каких пределах—это покажет будущее, так и всего Северного Китая, т. е. бассейна Желтой реки и в первую очередь района Бейпина и Тяньцзина. Характерно, что еще в разгаре операций в Жехэ Япония настойчиво продолжала выдвигать свое требование об уводе китайских войск из Тяньцзина, тем самым сознательно обостряя положение в этом городе. Характерно также заявление японского военного министра от 15 марта 1933 г., в котором указывалось, что

«...если китайская сторона не откажется от распространения измышлений и не перестанет злоупотреблять решением японских войск не переходить за Великую стену, то японские войска окажутся вынужденными «временно» отказаться от политических соображений и двинуться в наступление, возложив на Китай ответственность за последствия».

Планы японского империализма разбалтывались газетой «Хоци», центральным органом партии минсейто, в номере от 11 марта 1932 г.

«Япония и Манчжурское государство,—заявляет эта газета,—не могут относиться безразлично к положению в Северном Китае. Поскольку Северный Китай граничит с Манчжурским государством, последнее вместе с Японией в праве требовать, чтобы Северный Китай управлялся хорошо, ибо беспорядки в Китае представляют угрозу безопасности Манчжурского государства. Отсюда естественно желание Манчжурского государства, чтобы в Северном Китае было японофильское правительство».

Чем дальше, тем все более откровеннее становились подобные высказывания, особенно со стороны японской печати в Манчжурии. Со второй половины апреля орган ЮМЖД «Manchuria Daily News» чуть не ежедневно выступал с предсказаниями скорого наступления «независимости» Северного Китая по образу манчжурской. Что касается Монголии, то японский военный министр Араки

еще в октябре 1932 г. заявлял (цитируем по английской «Manchester Guardian» от 18 марта 1933 г.):

«Япония естественно сожалеет о том, что к району, в котором она имеет столь жизненные интересы, примыкает дикая земля, какой является Монголия. Япония хотела бы, чтобы мир и порядок в Монголии были обеспечены навсегда. Она не позволит другой державе вторгнуться в Монголию. Есть все основания полагать, что Монголия окажется еще большим препятствием на пути к осуществлению Японией ее исторической задачи обеспечения мира и порядка, чем была раньше Манчжурия. Мы не хвастаем попусту, когда заявляем, что мы вполне готовы устранить все, что стоит на нашем пути».

Операции в Северном Китае—провинция Хубей—начали развертываться еще до того, как японцы окончательно овладели проходами в Великой стене. Наступая от Шанхайгуаня, японские войска в середине апреля захватили всю крайнюю северо-восточную оконечность Хубейской провинции между Великой стеной, морем и рекой Луаньхэ. В этом районе было тотчас же учреждено «независимое правительство» во главе с одним из героев организованного японцами тяньцзинского «восстания» 1931 г. Японская авиация тем временем усиленно бомбардировала тыл китайской армии, включая пункты, расположенные у самого Бейпина. В конце апреля обстановка как будто переменилась, так как японцы внезапно начали эвакуацию района реки Луаньхэ, но это был только тактический и политический маневр: под предлогом новых китайских «нападений» наступление было возобновлено в начале мая по всему фронту, и через 10—15 дней японские войска овладели уже всей северной частью провинции Хубей между Великой стеной и Шанхайгуань-Тяньцзин-Пекин-калганской железной дорогой, которая частью была уже оккупирована ими, частью находилась под их ударом. Авангард японской армии стоял под самыми стенами Бейпина. Самый темп этого наступления свидетельствует конечно о том, что оборона Северного Китая была не на много лучше обороны Жехэ и что в отличие от прошлогодних шанхайских событий Японии не пришлось столкнуться здесь с серьезным сопротивлением.

«Отдельные отряды может быть и пытались сопротивляться,—писал английский твердолобый журналист Вудхэд в «Shanghai Evening Post»,—но сообщения китайской прессы о мужественной обороне представляют собой

чистейший вымысел. Во всяком случае в районе реки Луань вовсе не было никаких боев, и китайские потери были следствием исключительно воздушной бомбардировки китайских войск с японских «аэропланов».

Потери китайцев были тем не менее весьма значительны. Параллельно с этой кровавой «военной прогулкой» в Северном Китае японские и японо-манчжурские войска повели наступление и в глубь Внутренней Монголии. Тотчас после захвата Жехэ японские военные власти не замедлили обнаружить и во всеуслышание провозгласить, что, во-первых, безопасность Манчжурии и Жехэ требует «умиротворения» соседней провинции Чахар и что, во-вторых, население этой провинции жаждет «независимости» по образцу манчжурской. Уже 29 апреля японцами и их ставленниками был занят важный чахарский центр—город Долонор.

Чем объяснить столь разительный контраст между героической обороной Шанхая и позорной кампанией в Жехэ и в Северном Китае? Дело не в позиции гоминдановской верхушки и генералитета, ибо эта позиция в обоих случаях была капитулянтской. Контраст объясняется в первую очередь фактором, который был налицо в Шанхае, но отсутствовал в кампании 1933 г.,—непосредственным участием в обороне Шанхая широких пролетарских масс этого крупнейшего промышленного центра Китая. Шанхайские пролетарии своим примером воспламенили солдат XIX армии, и только благодаря этому теснейшему сотрудничеству с рабочими массами оборона Шанхая могла быть поднята на такую высоту. В отсталом Жехэ, как и в Северном Китае, это пролетарское ядро обороны отсутствовало, и печальный исход кампании лишний раз подчеркнул ведущую роль китайского пролетариата не только в революционном движении Китая вообще, но и в непосредственной борьбе с империалистическими угнетателями страны.

Гоминдановская реакция выжидала лишь подходящего момента для капитуляции. Эта капитуляция произошла в форме заключения «перемирия», переговоры о котором завязались—сначала в глубокой тайне—еще около 15 мая, но которое было окончательно подписано 31 мая. Согласно этому перемирию китайские войска были отведены на линию Яньцин—Чанпин—Гаолин—Шуньин—Тунчжоу—Сянхэ—Линьтин—Нинхэ—Лутай, обязавшись не выходить за эти пределы и «воздерживаться от провокационных дей-

ствий». Японские войска получили право контроля над выполнением этого обязательства, в случае соблюдения которого они обещали—не указывая однако срока—отойти к Великой стене. Вся территория провинции Хубей к северу и северо-востоку от названной линии была объявлена «нейтральной зоной», в которую китайские войска не имеют права доступа. В результате следовательно японский империализм добился: 1) фактического отказа нанкинского правительства от Манчжурии, ибо вести против японцев военные действия в Манчжурии нельзя иначе, как пройдя названную «нейтральную зону»; 2) господства над огромной территорией в 13 тыс. *кв. км*, в которую имеют доступ японские, но не китайские войска, и 3) контроля над стратегически важной железной дорогой от Шанхайгуня через Тяньцзин и Бейпин на Калган, которая частью оказалась в сфере японской оккупации, частью оставалась под ударом японских войск. В Бейпин японские войска не вошли, но таково уже своеобразие условий борьбы в Китае, что город, который был видимой целью японского наступления, в действительности уже находился под фактическим контролем японского гарнизона. Как раз в дни интенсивного японского продвижения *с севера*, сопровождаемого воздушной бомбардировкой китайских войск, понесших тяжелые потери, этот японский гарнизон в Бейпине, базирующийся на экстерриториальном «дипломатическом квартале», беспрепятственно получил с *востока*—по железной дороге из Тяньцзина—крупные подкрепления и мог бы таким образом в случае надобности ударить в тыл китайским войскам. В Тяньцзине, до которого также не докатилась волна японского наступления от Великой стены, равным образом сосредоточены крупные японские силы.

Капитуляционная сделка 31 мая 1933 г., вызвавшая огромное возмущение в самых широких слоях китайской буржуазной общественности, не говоря уже о трудящихся массах Китая, была дополнена новым соглашением, заключенным в Дайрене 4 июля 1933 г. и касавшимся обеспечения японского господства в нейтральной зоне. Это соглашение нанкинское правительство не решилось даже опубликовать. Вскоре вслед за этим японское военное командование объявило об эвакуации японскими войсками нейтральной зоны ввиду выполнения китайской стороной взятых ею на себя обязательств. В действительности однако в этой зоне остались, во-первых, немалые японские гарнизоны, впоследствии еще усиленные, а во-вторых, мно-

численные отряды «манчжурских партизан, т. е. милитаристических и просто бандитских отрядов, действующих по японской указке и нередко под непосредственным командованием японских офицеров. Следует подчеркнуть при этом, что в сфере непосредственной и официальной оккупации японских войск остались все проходы в Великой стене, г. Шанхайгуань и фактически весь район между Великой стеной, морем и рекой Луаньчжоу. В итоге не приходится удивляться, что не только этот район, но и вся нейтральная зона фактически превратилась в японскую колонию.

Положение в этой зоне как нельзя лучше рисуется в сообщении корреспондента американского агенства «United Press» в Бейпине Экинса от 11 августа 1933 г.:

«Накануне второй годовщины японской оккупации Мукдена, 18 сентября 1931 г., китайцы отдают себе отчет, что японцам практически удалось создать между Манчжурией и Собственно Китаем буферное государство, которое находится под японским господством,—пишет Экинс.—Настроенные реалистически, китайские журналисты откровенно называют район между Бейпином и Тяньцзипом, с одной стороны, и Манчжоу Го, с другой, буферной территорией. Этим богатым сельскохозяйственным районом управляют чиновники, назначенные хубейским провинциальным правительством с согласия Нанкина, но власть свою они осуществляют под контролем японской квангунской армии. Китайские регулярные войска не допускаются в этот район, хотя со времени последних военных действий там значительно развился бандитизм и процветает незаконная торговля опиумом и коканом.

Полиция в этом буферном районе состоит из бывших солдат генерала Ли Цзи-чжуна, китайского ренегата, который помогал японцам и манчжурским войскам в их наступлении к воротам Бейпина. В апреле этого года генерал Ли восстал против гоминдановского правительства. Сейчас он призван в качестве китайского чиновника, который получает деньги от Китая, а распоряжения от Манчжоу Го».

Свое господство в нейтральной зоне японский империализм использовал для дальнейшего политического и экономического наступления с целью подчинения своему контролю всего Северного Китая. Это наступление развертывается одновременно несколькими параллельными мето-

дами. Нейтральная зона превращена в своеобразный питомник бандитских и «партизанских» отрядов, финансируемых, вооружаемых и снабжаемых из Манчжоу Го и выступающих в роли японской агентуры. В районе реки Луань из этих банд создана уже довольно крупная сила под названием «*Объединенная армия Восточной Азии*». Деятельность этих банд заметно усиливается каждый раз, когда Японии нужно оказать новое давление на нанкинское правительство и северо-китайские власти в противовес давлению Америки или Англии. Банды представляют собой цепное орудие японского политического шантажа. В будущем этим нерегулярным силам, созданным себе на потребу японским империализмом, будет принадлежать вероятно еще более активная роль.

С деятельностью бандитов внутри нейтральной зоны и на ее границах смыкаются провокационные японские интриги среди бесчисленных «серых» генералов Северного Китая—интриги, имеющие целью расширение генеральской свалки и создание новых предлогов для непосредственной японской интервенции. Эти интриги привели уже к двум вооруженным выступлениям, имевшим место в Северном Китае летом и осенью 1933 г. Тотчас же вслед за подписанием перемирия в Тангу и Калгане произошло выступление Фын Юй-сяна, который объявил себя «главнокомандующим антияпонскими силами» в Чахаре. Хотя войска его действительно заняли и недели 3 держали в своих руках город Долонор (вновь оккупированный японо-манчжурскими войсками 13 августа), но по существу его выступление было попыткой возобновления генеральской войны в Северном Китае и стало быть целиком соответствовало японским планам. Не получив однако поддержки со стороны других милитаристов, на которую он рассчитывал, Фын Юй-сян вынужден был вновь сойти со сцены. Выступление двух бывших его подчиненных, генералов Фан Чен-у и Цзин Хун-чана, в сентябре и октябре 1933 г. было еще более очевидным проявлением японской провокации.

Проникнув из Чахара в нейтральную зону, эти генералы объединились там с частью руководимых японцами бандитских отрядов и в течение некоторого времени создавали непосредственную угрозу Бейпину.

Для роли японской военщины наиболее характерно то, что японское военное командование заявило бейпинским властям формальный протест против выступления назван-

ных генералов, но отказалось допустить в нейтральную зону верные Нанкину войска для военных действий против бунтовщиков. Следует подчеркнуть еще, что это выступление было приурочено к тому моменту, когда в нанкинском лагере обострилась борьба между проводниками взаимно враждебных империалистических влияний САСШ, Англии, и Японии, и явилось таким образом шахматным ходом Японии в этой общекитайской игре. Выступление Фан Чен-у и Цзин Хуи-чана кончилось ничем, но оно оказало свое влияние на политическую ситуацию в Нанкине и в Северном Китае, а японцы кроме того использовали это выступление для усиления своих гарнизонов в якобы «эвакуированной» нейтральной зоне.

К этим разнообразным методам японской политики нажима (сюда же нужно отнести имевшую место еще в мае новую демонстративную попытку японских ставленников совершить переворот в Тяньцзине) присоединяется постоянная и реальная угроза нового японского вторжения в район Бейпина и Тяньцзина.

В том же Тяньцзине строится огромный аэродром, усиливаются японские укрепления и создана база для возобновления японских операций.

«Со своих укрепленных позиций в проходах через Великую стену японская военщина контролирует все сообщение между Манчжурией и Китаем и отсюда же она может в любой момент захватить важнейшие города Северного Китая, от которых японцы отделены только территорией, где китайцам не разрешается содержать даже оборонительные силы»,—

указывал Экипс в своей уже цитированной выше корреспонденции от 11 августа 1933 г. Около этого же времени китайская буржуазная газета «Чэнбао», выходящая в Бейпине, заявляла:

«Районы Бейпина и Тяньцзина в настоящее время находятся в том же положении, что Мукден накануне событий 18 сентября 1931 г. Нужно откровенно признать, что Бейпин и Тяньцзин стали передовой линией национальной обороны в Северном Китае. Если мы будем игнорировать этот факт, то нас может захватить врасплох второй мукденский инцидент,—на сей раз на другой территории».

Ко всему этому нужно добавить немаловажный экономический момент: господствуя в нейтральной зоне, японский империализм обеспечил себе возможность беспрепят-

ственного и беспошлинного проталкивания в Северный Китай японских товаров из Манчжоу Го. С помощью этой контрабанды Япония вновь начинает вытеснять своих конкурентов с северокитайского рынка.

В результате Северный Китай уже превратился в японскую сферу влияния. Отнюдь не отказываясь от планов формального отрыва его от остального Китая и объединения с Манчжоу Го под «властью» манчжурской династии в лице Пу И, японский империализм тем временем завязал тесные связи с северокитайской администрацией, ставшей оплотом японского влияния. Во главе этой администрации с начала мая 1933 г. стоит Хуан Фу, обнаруживший себя за последние месяцы откровенным японским ставленником. С помощью Хуан Фу и его ближайших соратников постепенно происходит основательная чистка всего правительственного аппарата, причем все сколько-нибудь сомнительные с японской точки зрения элементы заменяются прямыми японскими агентами. Японская пресса заявляет, что политика Японии заключается в всемерной поддержке нынешнего северокитайского правительства (газета «Чугай Сюпо» в начале августа 1933 г.). В свою очередь группировка Хуан Фу и связанные с нею остатки старых догоминдановских группировок в Китае (Дуань Ци-жуй и др.) являются японским орудием в борьбе за влияние в общекитайском масштабе.

Тем временем японская интрига все глубже проникает во Внутреннюю Монголию. Японский военный атташе в Бейпине заявил в конце августа, что Япония настаивает на распространении существующей нейтральной зоны на запад, в пределы Чахара и Сюйюаня. Японские эмиссары через подкупленных ими монгольских князьков развертывают в обеих этих провинциях движение за «независимость» и подготовляют отложение их от Китая и присоединение к Манчжурии.

Северный Китай является таким образом ареной все углубляющихся японских военно-политических интриг. Положение в этом районе было неплохо подытожено американо-китайским журналом «China Weekly Review» 26 августа 1933 г. как слагающееся из следующих элементов:

«1) Япония, установившая свою неоспоримую военную власть в манчжурских провинциях и в Жехэ, ныне занята распространением своего военного контроля на Чахарскую провинцию;

2) опираясь на свои позиции в Манчжурии, Жехэ

и Чахаре, Япония активно осуществляет свой план создания нового марионеточного государства, которое захватит обширные районы Монголии;

3) северокитайские провинции, бассейн Желтой реки—Хубей, Шандунь, Шанси и Суйюань образуют собой сферу японского военного влияния и будут использованы как база для дальнейшего распространения японского военного контроля над всем Китаем;

4) всякая администрация, которую Китай может создать в северной части своей страны, окажется в подчинении японской военщины, и главные китайские порты к северу от устья р. Янцзы—Циньдао и Тяньцзин—станут главными центрами торгового проникновения Японии».

Нет надобности доказывать, что ход событий в Северном Китае показывает стремление Японии создать себе на случай войны с СССР спокойный тыл и плацдарм для нападения на Советский Дальний Восток и означает новое резкое нарушение существующего в Китае соотношения сил между империалистами. Этот ход событий означает следовательно не только территориальное расширение, но и значительное углубление и обострение междуимпериалистического конфликта на Дальнем Востоке.

ЯПОНСКАЯ

АГРЕССИЯ

и сепоты в Китае

События на Дальнем Востоке нельзя рассматривать вне связи с дальнейшим развертыванием революционного кризиса в Китае. Они являются важным фактором этого кризиса.

«Общий кризис мировой капиталистической системы находит в настоящее время свое яркое выражение в колониальных и полуколониальных восстаниях и революциях»,—заявил VI конгресс Коминтерна в «Тезисах о международном положении».

Перечисляя события и факты, которые «указывают на гигантскую роль колоний и полуколоний в революционной борьбе против империализма», VI конгресс указывает:

«Важнейшим из этих фактов, событием всемирно-исторического значения является великая китайская революция. Она вовлекает в свою орбиту непосредственно десятки миллионов, а косвенно—сотни миллионов людей, исполинскую человеческую массу, впервые с такой силой выходящую на борьбу с империализмом. Ближайшая связь Китая с Индо-Китаем и Индией в свою очередь, в огромной степени повышает значение китайской революции. Наконец самый ход этой революции, ее демократический характер, ее неизбежное перерастание в пролетарскую революцию должны выявить перед всем международным пролетариатом во весь рост международную роль китайской революции».

Эта революция началась и на первых этапах развивалась (шанхайские события 1925 г., последующий национально-революционный подъем, северная экспедиция) как революция единого национального фронта, объединившего пролетариат, крестьянство, городскую мелкую буржуазию и национальную буржуазию.

Партией, представлявшей блок этих классов, явился революционный гоминдан, в состав которого входила и китайская компартия. Распад этого блока вследствие отхода от революции национальной буржуазии, блокировавшейся отныне с махровой помещичье-ростовщической реакцией привел в 1927 г. к измене гоминдана, который перешел в лагерь контрреволюции и стал политическим представителем реакционного буржуазно-помещичьего блока и главным орудием империализма в Китае. Революция потерпела временное поражение. Начался свирепый белый террор—физическое истребление лучших представителей революционного рабочего класса и крестьянства, разгром массовых организаций и ликвидация всех завоеваний революции.

Но торжество реакции оказалось кратковременным. Кантонское восстание в декабре 1927 г., явившееся «героическим арьергардным боем китайского пролетариата», было залито в крови, но стало знаменем новой советской фазы китайской революции.

Просуществовавшая всего несколько дней советская власть в Кантоне явилась подлинным выражением революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства и ярким свидетельством гегемонии рабочего класса на новом этапе китайской революции. Уже через полтора-два года после подавления этого восстания по всему Центральному и Южному Китаю развернулось широчайшее повстанческое движение крестьянских масс, руководителями которого были и являются китайский пролетариат и героическая китайская компартия. Бесчисленные партизанские отряды крестьян и рабочих сливались в мощные и организованные единицы китайской красной армии, руководимой коммунистами. Сначала в десятках, а потом в сотнях уездов Южного Китая создавалась советская власть; эти уезды объединялись в обширные советские районы, и к настоящему времени советский Китай располагает уже огромной территорией с десятками миллионов населения.

XII пленум Исполкома Коминтерна констатировал наличие в Китае революционной ситуации и *победу советской революции на значительной части территории этой страны*. На советских территориях осуществлена на практике та самая программа, которая была выдвинута восставшими кантонскими рабочими в геройских декабрьских боях 1927 г.; здесь до конца уничтожено господство империали-

стов, милитаристов, помещиков, ростовщиков и крупной буржуазии; здесь земля передана трудовому крестьянству, аннулированы все кабальные долги, установлен 8-часовой рабочий день и—на наиболее крупных предприятиях—рабочий контроль над производством, созданы революционные профсоюзы, и впервые в истории Китая рабочий и крестьянин являются хозяевами своей жизни. Китайская революция, непрерывно развиваясь, одерживает огромные победы.

Этот новый мощный подъем советской революции в Китае, направленный против господства империализма и его туземной агентуры, против феодальных пережитков и против власти помещиков и буржуазии, является прямым отражением полнейшей неразрешимости под властью гоминдана элементарных задач буржуазно-демократической революции в Китае. Основные его факторы:

1. Непрерывное *углубление экономического кризиса*, в основе которого лежит застарелый аграрный кризис, порожденный господством империализма и феодализма. Это обострение кризиса объясняется прежде всего именно усилением империалистического гнета, орудием которого является гоминдановская реакция; оно связано далее с тяжкими для Китая последствиями мирового кризиса капитализма, с непрекращающимися генеральскими войнами, наконец с результатами сильнейших наводнений 1931 и (в меньшей степени) 1932 и 1933 гг., вызванных не столько стихией, сколько преступным саботажем корыстной гоминдановской власти дела поддержания дамб и оросительных сооружений [1]. Ежегодно в Китае голодают де-

---

[1] После чудовищного наводнения в долине р. Янцзы в 1931 г., стоившего жизни сотням тысяч людей и принесшего убытки, исчисляемые сотнями миллионов долларов, нанкинское правительство, выпустившее специальный заем на оказание помощи пострадавшим и на финансирование работ по укреплению дамб, громко хвасталось своими достижениями по этой части. В действительности по свидетельству беспристрастных наблюдателей (см. например письмо в редакцию журнала «China Weekly Review» от 12 августа 1933 г.) никакой серьезной борьбы с опасностью наводнений не велось, и средства, ассигнованные на эту борьбу, раскрадывались гоминдановскими чиновниками. Наводнение повторилось в 1932 г., а в 1933 г. произошло новое страшное наводнение в долине Желтой реки, от которого по официальным, заведомо преуменьшенным данным, непосредственно погибло 50 тыс. человек и оказалось под угрозой голодной смерти свыше 1 млн. Как на деле ведется борьба с наводнениями, видно из скандальной истории, преданной гласности шанхайским корреспондентом газеты «New York Times» (29 августа 1933 г.). По сообщению этого корреспондента в Нанкин поступило прошение от магистратов 18 уездов Западного Шаньдуня, обвиняющих губер-

сятки миллионов и миллионы умирают с голоду; положение китайского сельского хозяйства по свидетельству самих гоминдановских чиновников отчаянное; гибнет китайское шелководство[1], сокращается хлопководство, усиливается дефицитность продовольственного баланса, в городах свирепствует чудовищная безработица. Промышленное развитие страны фактически приостановилось.

2. *Усиление* под властью гоминдана, представляющего собою блок помещиков, джентри, ростовщиков и буржуазии, чудовищной, полуфеодальной в основном, *эксплоатации рабочих и крестьян*. Увеличивается гнет помещиков и джентри, повышается арендная плата, прогрессирует обезземеливание крестьян—мелких собственников, повышаются налоги, забираемые за много лет и даже десятилетия вперед[2], растет кабальная задолженность, усиливается гнет торгового посредника, предельно снижающего цены на сельскохозяйственные продукты, растет неэквивалентность обмена. В промышленности снижается заработная плата при одновременном гигантском росте безработицы, увеличивается рабочий день. В итоге создаются условия, при которых массы каждодневно на собственном опыте убеждаются в том, что у них нет другого выхода кроме революционной борьбы.

3. *Растущий развал и разруха в лагере гоминдановской реакции*. В этом лагере происходят непрерывные милитаристские войны, являющиеся прямым отражением борьбы между империалистами за китайский рынок. Гоминданов-

---

натора Хэнаньской провинции Лю-Ши (ближайшего сотрудника Чан Кай-Ши) в том, что он распорядился взорвать дамбы в месте, где Желтая река выходит из Хэнани на территорию Шандуня, дабы дать ход избытку воды за счет затопления соседней провинции.

1 «Хотя продукция коконов и шелка резко сократилась за последние годы... однако местные склады все еще переполнены не находящими себе сбыта коконами и шелком,— пишет Поль Хуан в журнале «China Weekly Review» от 29 апреля 1933 г.—Прошлое китайского шелководства было печальным, будущее не дает никакой надежды».

2 Так например, по сообщению китайской газеты «Шен-бао» (цитируем по пересказу Вудхэда в «Trans-Pacific» от 18 мая 1933 г.), в провинции Сычуань земельный налог забран за 40 лет вперед и тем не менее каждый месяц взимается наново полная годовая ставка. Что касается внутренних пошлин и прочих налогов на торговлю, то товары, следующие из Чунцина в Ченду на расстоянии по прямой линии 170 миль, облагаются тремястами различных сборов и пошлин. Специальный налог, установленный в своей вотчине генералом Люсяном в дополнение к этим сборам равняется двум третям продажной цены риса (78,6 китайских долларов с каждых 20 пикулей при нормальной продажной цене 6 долларов за пикуль).

кое правительство на каждом шагу обнаруживает свое полное банкротство в деле разрешения самых первичных, самых элементарных задач буржуазной революции, в деле создания предпосылок для какой-либо «буржуазной стабилизации», т. е. объединения страны, ликвидации милитаризма и предохранения Китая хотя бы от дальнейшей империалистической агрессии. Страна попрежнему разделена между полуфеодальными генеральскими кликами. Кантон все последние годы вел фактически самостоятельное существование; Фуцзян вскоре после шанхайских событий 1932 г. стал вотчиной XIX армии и в конце 1933 г. провозгласил свою независимость; на севере грызутся бесчисленные генералы, принадлежащие к разным политическим кликам, или просто «серые», т. е. лишенные определенной ориентации; в Сычуани происходит 478-я по счету междоусобная война; дальше к западу царит точно так же беспримерный хаос. Само нанкинское правительство, вечно раздираемое внутренней борьбой политических клик, представляющих различные империалистические интересы и влияния, все более наглядно демонстрирует свою истинную сущность — орудия империалистического господства в Китае.

Маньжурские и в особенности шанхайские события 1931—1932 гг., так же как и война в Жехэ и в Северном Китае в 1933 г., в огромной степени усугубили действие всех этих факторов. Они привели к дальнейшему обострению экономического кризиса (убытки от разрушений в Шанхае, потеря маньжурского рынка, отгороженного ныне от остального Китая, разрушения в Северном Китае) и к обострению борьбы милитаристских клик на базе еще более жестокой эксплоатации крестьянских и рабочих масс. Что самое главное, они довершили саморазоблачение китайской гоминдановской реакции и создали положение, при котором действительная расстановка сил в борьбе против империалистической агрессии стала очевидной даже самым отсталым слоям китайских трудящихся масс.

На первых стадиях японского вторжения, да и впоследствии, гоминдановские пропагандисты не жалели усилий, чтобы уверить массы в непримиримости и боевой готовности нанкинского правительства в деле борьбы с японской агрессией. «Наша политика—это политика активного длительного сопротивления Японии, хотя мы и не отказываемся от дипломатических переговоров»,—писал еще в мае 1933 г. председатель Исполнительного совета нан-

янского правительства Ван Цзин-вей. Мы видели однако, что на деле политика Гоминдана и гоминдановского правительства по отношению к японской агрессии последних двух лет была сплошной капитуляцией, начиная с приказа Чжан Сюэ-ляна в первый же день японского выступления в Манчжурии—не оказывать вооруженного сопротивления японцам и кончая капитуляционными сделками о Северном Китае 31 мая и 4 июля 1933 г., равно как и последующими тайными переговорами. Только то обстоятельство, что гоминдан является орудием мирового империализма в целом, что сам нанкинский лагерь представляет собой арену борьбы враждебных империалистических влияний,—только это обстоятельство в сочетании со страхом перед неизбежными внутриполитическими последствиями открытой и циничной капитуляции перед японскими насильниками помешало гоминдановской реакции увенчать эту цепь предательств именно такой капитуляцией.

В уже цитированной статье вдова Сун Ят-сена писала:

«Китайский народ стремился оказать сопротивление Японии и империалистическим поползновениям других стран. Но гоминдановское правительство душило все попытки сопротивления, которое оказывали трудящиеся, оно пресекало в корне кампанию бойкота и саботажа. Оно ликвидировало и те жалкие права, которые имел народ. А вся сила власти была использована этим правительством не для того, чтобы отбросить японцев, а лишь для того, чтобы застращать китайских рабочих и крестьян. Командующие армиями Китая—это ставленники реакции, генералы-предатели».

Разумеется, повторяем, гоминдановский лагерь не представляет собой единого целого, и в этом лагере имеются влиятельные элементы, являющиеся проводниками враждебных Японии империалистических влияний—в частности влияния американского империализма,—готовые по указке своих империалистических хозяев по мере сил и возможностей тормозить японское наступление. Виднейшим представителем этих элементов и прямым агентом американского капитала является долголетний министр финансов нанкинского правительства Сун Цзе-вень, вынужденная отставка которого в конце октября 1933 г. ознаменовала новый сдвиг в нанкинском лагере в сторону дальнейшей, еще более открытой капитуляции перед Японией. Но и для антияпонских элементов, как и для

всего реакционного гоминдана в целом, как и для всего китайского буржуазно-помещичьего блока, политическим представителем которого гоминдан является, решающим моментом остается *революционная ситуация в стране*, и главным фронтом—фронт борьбы с революционными массами, с китайской красной армией, с Советским Китаем. Эта установка сквозит во всех высказываниях гоминдановских деятелей и гоминдановских органов печати, неизменно заостренных в сторону борьбы против советского Китая. В разгаре наступления японского империализма на Северный Китай в апреле 1933 г. местная гоминдановская печать упорно твердила, что «в первую очередь надо покончить дело с коммунистами».

«Искоренение коммунистических банд есть необходимое условие действительного оказания сопротивления японцам»,—заявил Ван Цзин-вей в уже цитированной статье, клеветнически утверждая, будто китайские коммунисты якобы «используют к своей собственной выгоде положение, созданное японским вторжением, устанавливают режим террора и беззакония, отвлекая правительственные войска от борьбы с японцами, препятствуя их передвижению на север и тем самым косвенно сотрудничая с Японией».

В совместной телеграмме, разосланной Чан Кай-ши и Ван Цзин-веем 28 июля, ничего уже не говорится о сопротивлении японцам, но коммунисты снова объявляются главным врагом, который должен быть уничтожен во что бы то ни стало и как можно скорее. В новой телеграмме, разосланной в августе 1933 г., те же гоминдановские вожди заявляют:

«Нашей ближайшей задачей должно быть подавление коммунистических банд, ибо нельзя добиться усиления жизнеспособности страны без развития ее сил» (в газете «China Press» от 16 августа).

Практически декларация гоминдановской верхушки о готовности обороняться против Японии в течение последних двух лет неизменно оказывалась только прикрытием для усиления военных мероприятий против советского Китая. Саботируя и срывая оборону против японских захватчиков, нанкинское правительство за эти 2 года успело провести 2 крупных похода против красной армии—4 и 5-й,—а осенью 1933 г. пыталось провести 6-й, еще более грандиозный поход. Первые итоги этого шестого похода показывают что несмотря на прекрасную подготовку Чан

Кай-ши, несмотря на активную помощь империалистов гоминдан и в этом походе потерпел поражение.

Интересно, что с японской стороны отдают себе полный отчет в действительной позиции гоминдановской реакции, поставленной между японской агрессией, с одной стороны, и революционным подъемом китайских масс, возглавляемых китайской компартией и советским правительством Китая—с другой.

«Хотя нанкинское правительство занимает по внешности неизменно враждебную позицию по отношению к Японии, однако давно уже существует больше чем подозрение, что все это—только вывеска, предназначенная для внутреннего эффекта, и что Чан Кай-ши и другие могущественные вожди нанкинского правительства ищут сближения с Японией»,

заявляет в своей передовице газета «Japan Advertiser» от 30 сентября 1933 г. Развертывая план сотрудничества и сближения Японии, Манчжоу Го и нанкинского правительства, японская газета «Hokkai Times» подчеркивала, что «коммунистические бандиты, распространившиеся по всему Центральному Китаю, являются нашим общим врагом и должны быть уничтожены совместными усилиями».

«Распространение коммунизма тревожит нанкинское правительство более, чем что бы то ни было»,—сообщает в японской прессе один из японских политических эмиссаров по возвращении из Нанкина («Japan Chronicle» от 5 октября 1933 г.). «По сравнению с вопросом о том, как разбить коммунизм, манчжурский вопрос имеет в глазах нанкинского правительства второстепенное значение. Помешать большевизации Китая—это главная задача, и в рамках этой задачи китайские вожди считают возможным сотрудничать с Японией. Японо-китайское сближение разовьется постепенно именно на этой базе».

В той междоусобной борьбе, которая не прекращается в лагере китайской реакции, враждебные Нанкину группировки непрочь демагогически противопоставлять предательской политике Нанкина свой собственный «патриотизм». Этим особенно отличается кантонская группировка, которая в силу своего географического расположения может безопасно играть на патриотической струнке. Нет надобности доказывать, что эти взаимно грызущиеся группировки, имеющие одну и ту же классовую базу и одинаково представляющие блок феодально-буржуазных

эксплоататоров китайских трудящихся масс, в совершенно одинаковой степени являются орудием империалистического гнета и одинаково не способны вести действительной борьбы с империализмом, от которого они находятся в полной зависимости. В событиях последних лет огромное значение имеет тот именно общеизвестный и общепонятный факт, что единственной силой, способной вести действительную борьбу против империалистических насилий и гнета, является Советский Китай, что единственным путем к восстановлению независимости Китая является путь революции, указываемый китайской компартией, и что путь этот пролегает через беспощадную ликвидацию всей системы феодально-капиталистической эксплоатации, возглавляемой гоминданом и милитаристами и являющейся базой господства империализма в Китае.

Предательству гоминдановской реакции, ее фактическому пособничеству по отношению к японскому империализму противостоит действенная, четкая, последовательная и революционно непримиримая линия советского правительства Китая и китайской компартии—линия активной и неустанной борьбы с империалистической агрессией и гоминдановским режимом как важнейшим орудием и пособником этой агрессии.

25 сентября 1931 г., в самом начале японской авантюры в Манчжурии, правительства тогда еще не объединенных семи советских районов Китая обратились с воззванием к китайскому народу по поводу насильственного захвата японским империализмом трех восточных провинций.

«Японские империалистические хищники вооруженной рукой захватили важнейшие города и стратегические пункты Манчжурии,—говорилось в этом воззвании.—При помощи винтовок, пушек и гранат они убивают рабочих, крестьян и солдат, стремясь к тому, чтобы полностью превратить Манчжурию в свою колонию и трудящиеся массы этих провинций—в своих рабов. В то же время они используют занятое ими положение для того, чтобы повести наступление против страны, строящей социализм—против СССР, делая шаг вперед по подготовке второй мировой войны... Какую же позицию заняли гоминдановские бюрократы и милитаристы в отношении этого наступления японского империализма? Они ответили на него непротивлением и призывом к «спокойствию».

Несомненно, что уже давно капитулировавший гомин-

дан—гоминдан, вошедший с империализмом в полный контакт для подавления и казни китайских народных масс, не мог занять иной позиции.

«Только советское правительство,—указывалось далее в этом воззвании,—может бороться до конца против империализма и за свержение его. Китайское советское правительство уже выявило свою решимость в борьбе за действительную национальную самостоятельность и свободу. Оно не признает никаких империалистических займов, аннулировало все неравноправные договоры, оно борется за изгнание всех вооруженных сил империализма из Китая, за конфискацию всего империалистического имущества в Китае. В наших советских районах уже больше не могут существовать империалистическая эксплоатация и гнет».

Воззвание призывало крестьян, солдат и все трудящиеся массы Китая

«...сплотиться, свергнуть господство империализма и гоминдана, создать собственную советскую власть. Это единственный выход для угнетенных эксплоататорами трудящихся китайских масс. Этот выход уже указали нам рабочие и крестьяне СССР».

В манифесте временного правительства Китайской советской республики, образованного 7 ноября 1931 г. в провинции Цзянси, это правительство

«...торжественно заявляет, что оно ведет решительную борьбу против разбойничьей войны японцев в Маньчжурии, против новой империалистической мировой войны, против военного нападения на СССР и против опустошительных генеральских войн в Китае. Временное советское правительство считает, что без ниспровержения империализма и гоминдана нельзя установить подлинного мира. А потому оно, обращаясь к трудящимся массам всего мира, призывает их: готовьтесь к революционной гражданской войне против мировой реакции! Это—единственный путь борьбы».

Китайская коммунистическая партия сыграла решающую крупную роль в обороне Шанхая рабочими и солдатами XIX армии весной 1932 г. В самом начале шанхайских событий, 31 января 1931 г., ЦК компартии Китая распространил воззвание к шанхайским рабочим, революционным солдатам, городской бедноте, студентам, приказчикам и всем трудящимся. В этом воззвании подчеркивалось, что

«..в результате разбойничьих действий империализма

и предательства со стороны гоминдановских милитаристов и буржуазии миллионные трудящиеся массы Шанхая находятся в невиданно тяжелых условиях». «Все группировки гоминдана, вся китайская буржуазия—приспешники японского империализма. Они топят в крови антияпонское движение, чтобы угодить японскому империализму. При помощи метода «непротивления» и уступок гоминдан отдает массы на растерзание и поругание японских войск, он дезорганизует солдатские массы, мужественно сражающиеся против японского милитаризма».

«Гоминдановские милитаристы и политические деятели (Сунь Фо, Чжан Фа-куй, Чэнь Мин-шу и другие) бюрократы и предатели из желтых профсоюзов, шанхайские капиталисты пытаются при помощи различных маневров обмануть рабочие массы, обмануть китайский народ».

Как известно, ход событий в Шанхае полностью подтвердил эти положения.

«Для того чтобы спасти Шанхай, спасти Китай,—предупреждало воззвание ЦК,—нет иного способа, кроме свержения власти гоминдана и создания собственной политической власти масс, нет иного пути, кроме ведения решительной революционной борьбы против японского империализма, против мирового империализма в целом. Все другие методы—только обман трудящихся масс, только новые маневры, фактически означающие торговлю Китаем».

Коммунистическая партия призывала рабочих и трудящихся Шанхая подняться на всеобщую стачку, на борьбу с империализмом:

«Создавайте добровольческие пикеты. Захватывайте оружие. Вооружайтесь. Боритесь против наступления японского империализма, свергайте гоминдановское господство, создавайте власть рабочих, крестьян и солдат».

В последующем воззвании рабоче-крестьянской красной армии Китая к солдатам XIX армии от 14 февраля и в воззвании ЦК вновь беспощадно разоблачается предательство гоминдана и милитаристов, вновь подчеркивается, что «...для полной победы народно-революционной войны необходимо свергнуть руководство гоминдановских милитаристов и взять это руководство в свои руки самому народу», и выдвигается конкретный оперативный план борьбы.

«Солдаты XIX армии,—говорится в воззвании ЦК,—

«Солдаты XIX армии,—говорится в воззвании ЦК,—должны немедленно перестать повиноваться приказам своих офицеров, должны выгнать японские войска с территории сетльмента и концессий, ликвидировать базу японских войск и решительно протестовать против всякого «отступления» и «передышек», против передачи Шанхая каким-либо милитаристам... Народные массы должны оказать единодушный отпор попыткам гоминдановского правительства расправиться с массовым движением, должны срывать все печати со всех закрытых революционных организаций, вооружать рабочих и всех трудящихся, организовать массовые добровольческие и партизанские отряды для защиты своих революционных организаций и участия в военных действиях на фронте... Вооруженные рабочие, крестьяне и солдаты! Немедленно создавайте военно-революционный комитет, который будет руководить народно-революционной войной».

«Солдаты, тесно объединяйтесь с рабоче-крестьянскими массами»,—заявлялось в воззвании, подписанном главкомом рабоче-крестьянской армии Китая Чжу Де и начальником ПУР Ван Цзя-сяном,—«боритесь против организаций гоминдана и империалистов, угнетающих революцию и истребляющих революционные массы. Протестуйте против приказа гоминдановских милитаристов о прекращении военных действий, об отступлении и разоружении, требуйте немедленной выдачи вам всего пожертвованного для вас народом. Требуйте выдачи одежды и пищи солдатам. Поддерживайте всеобщую стачку, захватывайте оружие, вооружайте своих братьев—рабоче-крестьянские трудящиеся массы—для вооруженной защиты Шанхая, города рабочих, крестьян и солдат!»

В марте 1932 г. китайское советское правительство объявило войну Японии. В новом воззвании временного центрального правительства Китайской советской республики от 20 апреля 1932 г. заявлялось:

«Временное центральное правительство Китайской советской республики объявило уже непримиримую борьбу японскому империализму и направляет все свои усилия к тому, чтобы вести рабоче-крестьянскую красную армию и народные массы всего Китая на борьбу с японским империализмом в Китае, на борьбу против раздробленности Китая и к утверждению полной свободы и независимости китайского народа...

Временное центральное правительство Китайской со-

ветской республики объявляет следующее: как только китайская рабоче-крестьянская армия опрокинет наседающие войска гоминдана, она выступит с предпутевой к антияпонской добровольческой армии в белых районах с целью общей борьбы против японского наступления... Советское правительство призывает рабочих, крестьян, солдат, студентов и все эксплоатируемые массы белых районов к захвату оружия у гоминдана, к образованию своих собственных антияпонских добровольческих отрядов, к организации военных комитетов для подготовки борьбы с японским империализмом. Мы призываем солдатские массы гоминдановских войск к восстанию против реакционного офицерства, к организации рабоче-крестьянской красной армии и к борьбе против японского империализма. Все признают что китайское советское правительство является единственной властью, которая способна возглавить национально-революционную войну против японского империализма, что единственной вооруженной силой масс является китайская рабоче-крестьянская красная армия, которая сумеет повести эту национально-революционную войну, и что международный пролетариат и угнетенные народы, а также Советский союз являются единственными союзниками в этой войне против империализма».

Следует подчеркнуть, что советское правительство Китая в декабре 1932 г. выразило готовность к совместной борьбе против японского империализма со всеми другими китайскими вооруженными силами, которые на деле готовы повести эту борьбу. Однако гоминдановские милитаристы остались глухи к этому предложению, взорвавшему провокационную клевету о том, что красная армия будто бы мешает им оказывать сопротивление японским захватчикам.

Предложение китайского советского правительства и позиция, занятая гоминданом, сразу разоблачают предательство последнего. Трудящиеся массы Китая получили новое и убедительное доказательство, что Советский Китай является единственной силой, которая имеет и волю и способность к сопротивлению империалистическим захватчикам.

Японское вторжение—это наиболее наглядное и наиболее обнаженное проявление агрессии империалистов по отношению к Китаю—явилось конечно новым фактором, содействующим дальнейшему революционному подъему в стране, дальнейшим успехам Советского Китая и героиче-

...ийской Красной армии. Не случайно именно после ...ицзуровских и шанхайских событий международный империалистический лагерь требует по поводу побед коммунистического движения в Китае. Не будет преувеличением утверждать, что мощь коммунизма в Центральном и Южном Китае представляет в настоящее время серьезную угрозу миру и благополучию цивилизованного мира»,—писал видный английский твердолобый журналист Грин (в прошлом редактор крупнейшей английской газеты в Шанхае) в журнале «Fortnighly Review» в октябре 1932 г. «Не мое желание быть пророком, но нужно подчеркнуть, что условия в Южном Китае делают последний созревшим для нового политического взрыва»,—заявляет американский журналист из белогвардейцев Сокольский в книге «The Powder-box of Asia», вышедшей в том же 1932 г.

«Коммунистическое движение в Китае,—заявляет японский пропагандистский сборник «Present Conditions in China», выпущенный в противовес докладу Литтона,—одержало поразительные успехи за последние десять лет. В настоящее время красные армии господствуют над наиболее цивилизованными и плодородными районами Китая, охватывающими 7 провинций, и создали множество советских правительств по образцу русских советов. Эти правительства представляют собою прочную коммунистическую администрацию... Лозунг борьбы против империализма, против богачей и земледельцев находит легкий доступ к умам крестьян и рабочих... В местности, однажды захваченной красной армией, население, попробовав коммунистическую власть, не забывает даже после ее падения видимых преимуществ, которые были им получены благодаря распределению земли или участию народа в правительстве, и оно сохраняет постоянный интерес и привязанность к коммунизму».

Ярким свидетельством революционной ситуации в Китае явился доклад комиссии Литтона. По признанию этого доклада Советский Китай уже добился огромных успехов. Обширные части провинций Фудзян и Цзянси и часть Гуандуна полностью советизированы. Коммунистические зоны влияния еще более обширны. Они охватывают значительную часть Китая к югу от Янцзы и части провинций Хубей, Анхуэй и Цзянсу к северу от реки Янцзы. Шанхай является центром коммунистической пропаганды.

Советский Китай ведет политику, привлекающую к нему массы и обеспечивающую все большее расширение его влияния.

«Программа действия —по свидетельству комиссии Литтона—заключается в аннулировании долгов, в распределении между безземельными пролетариями и крестьянской беднотой земли, насильственно захваченной либо у крупных частных землевладельцев, либо у религиозных учреждений... Налоговое обложение упрощено. Крестьяне должны уплачивать известную часть продукции своей земли... Беднейшие крестьяне извлекают значительные преимущества из коммунизма. Применяя свою аграрную программу, коммунистическая партия рассчитывает получить поддержку со стороны масс. В этом отношении пропаганда и деятельность пользуются значительным успехом.

Советский Китай непосредственно угрожает по мнению комиссии господству империализма в Китае. Коммунизм в Китае стал в действительности соперником национального правительства. Он имеет свои собственные законы, армию и правительство и свою собственную территориальную сферу действия. Подобного положения вещей не существует ни в какой другой стране. Больше того, беспорядки, вызванные коммунистической войной в Китае, приобретают тем более серьезный характер, что страна находится в критическом периоде внутренней реконструкции».

Японский империализм также оправдывает свое вторжение в Манчжурию и Китай наличием хаоса в этой стране и исходящей от нее революционной угрозой.

«Что касается условий в Собственно Китае,—заявлял японский министр Уцида в речи от 27 августа 1932 г.,—то я с сожалением вынужден констатировать, что растущий беспорядок в его внутренней администрации в совокупности с деятельностью коммунистических бандитов (!!) в обширных районах долины Янцзы и Южного Китая бросает мрачную тень на путь китайского национального правительства... Беспрепятственное сохранение этих условий по моему глубокому убеждению не только было бы печальным для самого Китая, но представляло бы постоянную опасность и серьезную угрозу правам и интересам иностранных держав».

Страх перед советской революцией в Китае бесспорно является одним из моментов, побуждающих японский им-

перализм форсировать свое наступление. Страх перед этой революцией является также одним из важных факторов пособничества японской агрессии со стороны европейских империалистов и в частности со стороны Англии, непосредственно связывающей революционную угрозу в Китае с опасностью для ее собственного господства на обширной колониальной периферии Британской империи. С своей собственной точки зрения и с точки зрения своих фактических союзников Япония играет на Дальнем Востоке роль международного жандарма.

Но объективным результатом японского вторжения в Китай и захвата Манчжурии являются как раз *углубление революционного движения в Китае, расширенное воспроизводство условий, обеспечивающих конечную победу* великой *китайской революции.*

Ход событий в Китае полностью подтверждает это положение. «Японцы всегда изображают себя главным барьером против большевизации Дальнего Востока,—писал в январе 1933 г. Вудхэд. Существует однако реальная опасность, что, распространяя свои военные действия за Великую стену, Япония поощряет, а не препятствует действиям советизации Китая».

Именно за последние месяцы героическая красная армия Советского Китая одержала ряд новых побед. Вопреки контрреволюционной похвальбе пятый поход Чан Кай-ши против китайских советов закончился по существу таким же скандальным провалом, как и предшествующие. Частичные успехи гоминдановских войск в борьбе со 2-й красной армией (западный Хубей) и с 4-й красной армией (на стыке провинций Хенань, Хубей и Аньхуэй) более чем перекрываются результатами героического похода красных войск через Шеньси в Сычуань, где к настоящему времени создана уже новая мощная советская база, территория которой значительно превышает по размерам территории, частично завоеванные обратно белыми. Новые советские очаги появились и в Северном Китае, где оперируют вновь сформированные части красной армии.

В основном советском районе, в провинции Цзянси, красные войска в весенние месяцы 1933 г. одержали ряд новых крупнейших побед. По сообщению «China Forum» (от 8 мая) за три предшествующих месяца они разгромили 9 белых дивизий и взяли десятки тысяч пленных и огромное количество оружия. Возобновилась активность красной армии и в провинции Хубей, где по утверждению белого

штаба коммунизм был якобы навеки искоренен. Летом и осенью 1933 г. Красной армией одержаны новые значительные победы в провинции Фуцзян, где красные части оказались в непосредственной близости от главного города и порта провинции — Фучжоу, что вызвало серьезную тревогу империалистов, поспешивших послать туда военные корабли для защиты этого порта. В общем итоге

«...за время 5-го гоминдановского похода в Сычуань, в советском районе Хубэй, Хенань, Аньхуэй, в центральном советском районе Цзянси и в советском районе на северо-востоке этой провинции были образованы новые красные армии. Вооруженные революционные силы и регулярная красная армия во всем Китае в огромной степени увеличились. Общее число бойцов регулярной красной армии к концу ликвидации 5-го похода превысило 300 тыс.»[1].

С осени 1933 г. Чан Кай-ши при активнейшей помощи деньгами, оружием, авиацией и руководством со стороны всех империалистов готовится к проведению нового, еще более грандиозного, 6-го похода. Оценивая перспективы этого похода, один из руководящих органов американского империализма — «New York Herald Tribun» в передовой от 11 сентября писал:

«Через несколько дней мы услышим о том, что китайские войска одержали огромные победы в разных районах, что миссионеры возвращаются на свои посты и что красная опасность окончательно ликвидирована. Затем, через короткий промежуток времени опять начнется тревога, снова миссионеры окажутся в опасности, и правительственным войскам придется одерживать еще более решающие победы... Коммунистическое движение в Китае отнюдь не идет на убыль: оно непрерывно развивается и растет».

Шестой поход действительно с первых же шагов оказался обреченным на полнейший провал. Грандиозные военные приготовления Чан Кай-ши не помогли и, как указывала газета «Осака Асахи», в начале ноября

«...за месяц с лишним военных операций стало ясно, что кампания против красных не имеет успеха, ибо они оказывают решительное сопротивление в Цзянси, а в Фуцзяне продолжают наступать».

---

[1] *Кон-Син*, Политическое положение в Китае и задачи КПК, «Коммунистический интернационал» № 25 от 1 сентября 1933 г.

Последние сведения говорят о том, что и шестой поход [illegible] уже сбит победоносной героической китайской Красной армией. Планы Чан-Кай-ши и империалистов потерпели поражения. Красная армия заняла пятнадцать [illegible] уездов и ряд окружных городов—г. Еньпин в провинции Фуцзян и г. Ваньсян в провинции Сычуань.

Огромные победы одержала китайская красная армия на Фуцзянском фронте. Разбиты ряд гоминдановских дивизий, захвачены 12 пароходов, нагруженных военным снаряжением и т. п. На Сычуанском, Южно-цзянсинском и др. фронтах красная армия одержала не менее блестящие победы.

Для оценки дальнейших перспектив шестого похода такое значение имеют ноябрьские события в провинции Фуцзян. Провозгласив в союзе с оппозиционной гоминдановской группировкой Ху Хан-мина, вытесненной в последнее время из Кантона, «независимость» Фуцзянской провинции и тем самым развязав непосредственную подготовку новой генеральской драки, командование расположенной в Фуцзяне XIX армии по существу сорвало нанкинский план кампании против красных. Больше того, новое «независимое правительство» Фуцзяна вынуждено было фактически прекратить активные военные операции на фронте борьбы с красными войсками (эти операции и без того развивались крайне неудачно ввиду значительного революционного недовольства в рядах XIX армии) и этим снять блокаду советских районов, тогда как Чан Кай-ши в значительной мере рассчитывал именно на эту блокаду. В итоге положение на красном фронте и его перспективы более чем когда-либо неблагоприятны для китайской реакции и ее империалистических хозяев.

На фоне столь очевидного и наглядного гниения гоминдановского режима, на фоне открытого предательства Нанкина и возобновляющихся с новым ожесточением феодальных генеральских драк тем более грозной силой становится несокрушимый Советский Китай.

«Быть может нынешние события помогут Нанкину и державам, заинтересованным на Дальнем Востоке, осознать, что в Китае происходит движение, предназначенное сыграть в деле национального объединения более важную роль, чем все, что имело место в этой стране со времен революции 1911 г.»,—писала выходящая в Японии английская газета «Japan Chronicle» от 11 марта 1933 г.

«Даже доклад Литтона недооценил значение коммунизма в Китае. Доклад признал, что проблема коммунизма в Китае связана с проблемой национальной реконструкции, но Литтон и его коллеги не поняли что объединение Китая может произойти не вокруг этой «национальной реконструкции», а *вокруг коммунистов*.

Особого внимания заслуживает наметившаяся за последнее время тенденция к выравниванию отставших ранее участков революционного фронта. Об этом говорит распространение советского движения на Северный Китай, на котором сказались без сомнения с особенной силой позорный провал обороны Жехэ и провинции Хубей и затем капитуляция 31 мая 1933 г. Об этом говорят также значительные успехи компартии в деле расширения своего влияния и частично даже овладения руководством революционной борьбы в Манчжурии. Об этом говорит наконец заметный подъем революционного рабочего движения крупных центров Китая, выражающийся в частности в росте стачечного движения китайского пролетариата. Не подлежит сомнению, что весьма важным фактором всей дальневосточной ситуации является именно советская революция в Китае, что задача подавления этой революции играет огромную роль в дальневосточной политике как Японии, так и других империалистов, но что всякий новый шаг в этом направлении, и в частности неизбежное дальнейшее усиление и территориальное расширение японской агрессии в Китае, ставящей себе в числе прочих цели разгрома китайской революции, ведет к еще более мощному революционному подъему в этой стране, как и на всем колониальном Востоке.

УГЛУБЛЕНИЕ
современного
КРИЗИСА В ЯПОНИИ

Современный кризис в Японии, будучи частью мирового экономического кризиса, вместе с тем представляет собой дальнейшее обострение того длительного кризиса, который порожден специфическими особенностями японского капитализма. Основная структурная черта последнего - сочетание полуфеодального сельского хозяйства (застарелый аграрный кризис,—следствие в первую очередь именно господства феодальных пережитков) с высокоразвитым и высококонцентрированным финансовым капиталом, который тесно связан с помещичьим землевладением и ростовщичеством и возглавляет всю систему комбинированной капиталистической и полуфеодальной эксплоатации трудящегося населения Японии. Частичное представление о характере этой эксплоатации дают следующие данные, касающиеся аграрных отношений и помещичьего гнета в Японии. Из 5 576 тыс. крестьянских дворов 1 478 тыс. совершенно не имеют своей земли, полностью арендуя ее у помещиков, 2 500 тыс. имеют собственной земли меньше полугектара и 1 240 тыс. хозяйств имеют своей земли от полугектара до гектара. К категории полуарендаторов принадлежит 2 360 тыс. дворов. Это однако не дает еще полной картины, ибо японский крестьянин жестоко эксплоатируется монополистическим капиталом, поддерживающим высокие монопольные цены на удобрения и предметы крестьянского обихода, беспощадно обирается торговыми посредниками и ростовщиками, за которыми стоят крупные банки, и сверх всего этого несет на себе непропорциональное и совершенно непосильное для него бремя налогов. Рабочий класс Японии в свою очередь подвергается жесточайшей эксплоатации, нередко сохраняющей полуфеодальные формы (так например работницы текстильных фабрик на срок своего многолетнего контракта фактиче-

ки превращаются в крепостных), и находится на колониально-низком уровне жизни.

Структурные особенности японского капитализма с его неразрушенной до сих пор феодальной базой в огромной степени обостряют (частично видоизменяя их) различные кризисные явления, свойственные развитому капитализму.

«Мировой кризис поразил Японию пожалуй сильнее, чем большинство других стран»,—писал «Annalist» в конце 1931 г. Японский экспорт уже в 1930 г. дал чуть ли не рекордное для всего капиталистического мира сокращение по сравнению с 1929 г. на 31,5%, а в следующем году снова упал на 22%. В первые же годы кризиса японская промышленность, объединенная в мощные картели, оставляла неиспользованной очень значительную часть своего оборудования, достигающую по отдельным отраслям 50—60%. Японское сельское хозяйство пережило форменную катастрофу, ибо цены на сельскохозяйственные продукты с июня 1929 г. по октябрь 1931 г. упали на 47%, цены на рис к концу 1931 г. достигли в своем падении 17 иен за коку (одно коку = 125 *кг*) при минимальной стоимости производства около 30 иен, цена на шелковые коконы с 9,72 иены в 1925 г. и 6,42 иены в 1929 г. упала в 1931 г. до 2,84 иены, так что весь сбор коконов этого последнего года оценивался по совокупности в 276 млн. иен против 824 млн. иен в 1924 г.

Кризис этот бесспорно был одним из важнейших факторов, толкнувших Японию на рискованную маньчжурскую авантюру. Но эта последняя не облегчила, а, наоборот, усугубила критическое положение японского капитализма. За последние два года наблюдается дальнейшее обострение японского кризиса, и в частности кризиса японских государственных финансов, столкнувшего Японию еще в декабре 1931 г. с золотого стандарта и поставившего Японию к концу 1933 г. под угрозу финансовой катастрофы.

Ухудшение положения сказалось прежде всего в сфере сельского хозяйства. Выше мы уже привели данные о падении цен на сельскохозяйственные продукты в первые годы кризиса. Между тем японский крестьянин, бедняк и середняк, задавленный непосильными налогами, кабальными долгами и арендной платой помещику, не мог и в докризисные годы свести концы с концами. Достаточно сказать, что общая задолженность японского сельского хозяйства исчисляется суммой в 7 млрд. иен (депутат партии сейюкай Одзуми, выступая в парламенте 24 января

...33 г., средним — даже в 10 млрд. с платежами от ... до 40% в год). Средняя задолженность в хозяйстве крестьянина, возделывающего рис, исчисляется в 2 058 иен; средняя цифра платежей по займам составляет на такое хозяйство 226 иен в год, а средняя цифра этих же платежей из расчета на каждое коку произведенного риса 12,2 иены, т. е. больше половины продажной цены. Производство шелковых коконов даже в «нормальные» предкризисные годы было ярким выражением неэквивалентного обмена, так как крестьяне получали вознаграждение совершенно непропорционально затрате их труда; в условиях кризиса оно оказалось в еще худшем положении.

Не приходится удивляться поэтому, что сельскохозяйственное население Японии терпит неслыханные бедствия. В северной части Японии, где в 1932 г. был неурожай, царит форменный голод. Крестьяне давно распродали все свое имущество и питаются корнями и травой. Массовые масштабы приняла продажа дочерей в публичные дома. В других частях Японии положение немногим лучше.

Уже в первой половине 1932 г. аграрный кризис стал острейшей политической проблемой Японии. Оказания помощи сельскому хозяйству требовали в своих собственных своекорыстных интересах эксплоататорские слои деревни. Это требование поддерживалось всевозможными фашиствующими группировками, которые стремились возглавить и обезвредить поднимающееся в деревне революционное брожение. Правительством была проведена через парламент программа, предусматривавшая израсходование в 1932/33 финансовом году 176 млн. иен, а в течение ближайших 3 лет—600—800 млн. иен и предоставление на такую же сумму дешевых займов. Это конечно капля в море: по данным газеты «Ницци-Ницци» от 2 августа 1933 г. в среднем на деревню придется дешевых займов на сумму в 6,6 тыс. иен при средней задолженности деревни в 370 тыс. иен. Но что самое главное—помощь эта оказывается не крестьянину, а его эксплоататорам—помещикам, ростовщикам, капиталистам, банкирам.

«Львиная доля достанется капиталистам,—указывал автор статьи в журнале «Contemporary Lapan» (декабрь 1932 г.). Под видом общественных работ и общеполезных мероприятий происходит выдача субсидий капиталистам».

Что касается «дешевых займов», то, по заявлению автора той же статьи,

«...полтора миллиона арендаторов, составляющих 26,3% всего деревенского населения, ничего не получат, между тем средний долг арендаторского двора еще в 1927 г. составлял 602 иены. То же самое можно сказать о крестьянах,—мелких собственниках, числом 2 300 тыс., составляющих 42,3% деревенского населения, задолженность которых в среднем на двор исчислена в 873 иены. Достаточно обладать здравым смыслом, чтобы видеть, что новые займы, предоставляемые по низким процентам как «мера» помощи, в действительности попадают через посредство банков в руки помещиков. Все это сводится таким образом к концентрации в руках банков крупных средств, и в результате большинство крестьян оказется стонущим под бременем еще больших долгов и еще более высоких процентов».

Факт тот, что ни эта «помощь», ни инфляция, под знаком которой находится японская конъюнктура последнего года, не принесли ни малейшего облегчения сельскохозяйственному производителю. Аграрные отношения продолжают обостряться (в первом полугодии 1933 г. было 2 200 конфликтов между помещиками и арендаторами против 1 614 конфликтов в том же полугодии 1932 г.). Бремя долгов и ростовщических процентов, под тяжестью которых стонет крестьянство, продолжает расти. Повышение цен на сельскохозяйственную продукцию далеко отстает от огромного повышения монопольных промышленных цен на товары крестьянского потребления. «Так называемый бум в городах лишь подчеркнул печальное положение крестьянства»,—писала газета «Japan Times» от 27 сентября 1933 г.

Катастрофу сельского хозяйства довершил в 1933 г. хороший урожай риса. В условиях, когда голодающее крестьянство и рабочие массы в городах вынуждены предельно сокращать свое потребление, перспектива нескольких «лишних» миллионов коку рису, полученных от нового урожая, привела к резкому падению цен, которые осенью того же 1933 г. лишь с большим трудом удержались искусственными мероприятиями на уровне 23 иены за коку (при минимальной стоимости производства в 30 иен). Прогрессирующее обнищание деревни вызывает конечно дальнейший рост революционного недовольства в рядах крестьянства. С другой стороны, неплатежеспособность последнего в корне подрывает, как уже отмечено, благосостояние огромного слоя мелких, средних и крупных эксплоататоров, существующих за его счет, и тем самым под-

стивает специфическое японское фашистское движение. Вопрос о дальнейшей «помощи деревне» приобретает вновь громную политическую остроту. Характерно, что наряду с проектами новых займов помещикам и кулакам и новых форм интервенции на рисовом рынке, японское правительство осенью 1933 г. разрабатывало план принудительного сокращения культуры риса на 4,4% в Японии, на 10% в Корее и на 30% на Формозе (этот план пришлось оставить из-за сопротивления военщины). Недурная иллюстрация к знаменитой теории перенаселения и недостатка собственных продовольственных ресурсов, которые якобы и вынуждают японский империализм обеспечивать военной силой свою «жизненную линию» в Манчжурии!

Катастрофическое положение сельского хозяйства, одного из слабейших звеньев народнохозяйственной цепи в Японии, является узким местом японской экономики, ибо оно приводит к дальнейшему сужению внутреннего рынка и обострению внутренних противоречий японского капитализма. Состояние сельского хозяйства является также ахиллесовой пятой общественного строя Японии, ибо в деревне происходит дальнейшее значительное обострение классовой борьбы. Наконец это бедственное положение японской деревни, будучи несомненно одним из факторов, толкающих правящие классы Японии на путь внешних авантюр, вместо с тем столь же несомненно подрывает военную мощь Японии, ослабляет боеспособность ее армии, рекрутируемой главным образом из крестьян. Оно ускоряет также приближение финансовой катастрофы, ибо, как правильно отметил автор статьи, посвященной экономическому положению Японии (китайско-американский журнал «China Weekly Review» от 10 сентября 1932 г.), именно японскому крестьянству приходится платить по счетам за губительную авантюру, которую предприняли его эксплоататоры.

Пресловутые «меры помощи деревне» уже сыграли свою роль и ускорили наступление и обострение финансового кризиса. Но разумеется этот кризис в основном непосредственно вызван огромными военными расходами, связанными с операциями в Манчжурии и в Китае и с подготовкой к дальнейшим военным конфликтам.

Расходы на операции в Манчжурии составили по смете 1931/32 г. 88,3 млн. иен, по смете 1932/33 г.—252 млн. иен и по новому бюджету на 1933/34 г.—190,8 млн. иен; итого за $2^1/_2$ года—532,6 млн. иен. И это еще не все, так как в течение 1933 г. уже потребовалось добавочное ассиг-

нование на сумму 40,4 млн. иен. В процессе подготовки бюджета на 1934 35 г. военное министерство уже сделало заявку в размере 180 млн. иен.

Но маньчжурская авантюра не является изолированным актом японского империализма, вступившего на путь открытой агрессии и стремящегося осуществлять военную подготовку в еще более широком масштабе, чем это диктуется задачами текущего момента. Составленный еще при правительстве минсейто план военной реформы, предусматривавший если не сокращение, то известную стабилизацию военных расходов, ныне отброшен.

«Поворот событий делает необходимым отказ от какого бы то ни было сокращения, хотя бы даже временного, боевой мощи нашей армии.—заявило военное министерство 27 декабря 1932 г.- Напротив, создается необходимость принятия всех нужных мер для подъема национального престижа и для улучшения национальной обороны и приведения ее в соответствие с новым положением. Японская армия не может быть оставлена в таком положении, когда она уступает другим армиям».

В результате в конце 1932 г. армией был выдвинут новый план, требующий огромных средств и предусматривающий в частности увеличение гарнизонов Маньчжурии, расширение военного обучения, организационные реформы и крупное перевооружение армии на основе ее моторизации и механизации. Заявки на 1933/34 финансовый год после длительного торга были приняты кабинетом в сумме 821 млн. иен (448 млн.—на армию и 373 млн. иен—на флот), что составляет 36% всех государственных расходов. Это больше, чем военные расходы 1921 г., когда Япония осуществляла свою программу гигантского морского строительства; эти расходы на 100 млн. иен превышают весь доход от налогов. Если же учесть скрытые военные статьи, распределенные по сметам гражданских ведомств и составляющие в совокупности не менее 300 млн. иен, то можно без преувеличения утверждать, что нынешняя война и подготовка к новым войнам поглощают в 1933/34 финансовом году больше половины всего японского бюджета. Но это только цветочки. С осени 1933 г. параллельно с перевооружением армии осуществляется и подготовляется к осуществлению гигантская программа военно-морского строительства, включающая в себя постройку 33 новых военных судов и огромное увеличение морской авиации. Общая стоимость этой морской программы по

предварительным подсчетам составляет свыше 720 млн. иен. На 1934/35 г. армия потребовала в совокупности свыше 480 млн. иен и флот—целых 710 млн. иен,—итого свыше 1 300 млн. иен. Вместе со скрытыми военными статьями эти заявки, даже если они будут значительно урезаны, представляют совершенно неслыханную сумму.

Бешеный темп вооружений в совокупности с расходами на войну в Маньчжурии и в Собственно Китае и с подачками японским помещикам, кулакам и ростовщикам («помощь деревне») возлагает на японское хозяйство совершенно непосильное бремя и ставит государственные финансы в неслыханно трудное положение. В 1932/33 г. расходы исчислялись в 1 943 млн. иен, а дефицит фактически превысил 500 млн. иен. Бюджет на 1933/34 г. сведен в следующих суммах: доходы 1 342 млн. иен, расходы — 2 309 млн. иен; дефицит официально составляет 43% расходного бюджета, фактически—еще больше, так как бюджет не предусматривает некоторых необходимых платежей по прежним займам. Реальный дефицит превышает 1 100 млн. иен. В 1934/35 г. дефицит будет очевидно еще более значительным. В середине ноября 1933 г. японский министр финансов опубликовал проект бюджета, сведенный к сумме 2 017 млн. иен. Доходы составят по этому бюджету 1 246 млн. иен (плюс 69 млн. иен из особых источников), дефицит номинально 701 млн. иен, фактически—между 800 млн. и 1 млрд. иен. По этому проекту на армию ассигнуется 447 млн. иен и на флот—428 млн. Но военное и морское министерство продолжают кампанию за увеличение этих ассигнований, и если даже для начала будет принят вариант бюджета, близкий к проекту министерства финансов, то все равно в течение года военщина добьется дополнительных кредитов или же покрытия этих дефицитов.

Международно-политическая изоляция японского империализма исключает возможность серьезного кредитования извне. Основной налогоплательщик—крестьянство—и без того не в состоянии нести дальше непосильное бремя податей. Военные круги требуют повышения налогов на промышленную буржуазию, но речь идет о мероприятиях, которые могут дать максимум несколько десятков миллионов иен и против которых к тому же решительно выступает монополистический капитал. Единственным реальным источником остаются таким образом внутренние займы. Эти займы размещаются посредством покупки государственных

бумаг банками за счет скопляющихся у них крупных вкладов, не находящих себе применения именно в силу продолжающегося депрессивного состояния японской экономики.

Все это означает не что иное, как инфляцию, которая и является определяющим фактором всей японской экономической конъюнктуры. Перспектива этой инфляции и углубления кризиса была несомненно важнейшим фактором, приведшим к отказу Японии от золотого стандарта в декабре 1931 г. С тех пор иена успела обесцениться почти в 2½ раза: при паритете 100 иен=49⅜ американских долларa, курс иены еще в январе 1932 г. упал до 35,97 американских доллара, в июле—до 27,46, а с конца 1932 г. курс установился на уровне 20—21 золотых долларов (по отношению к бумажному доллару курс иены с весны 1933 г. повысился, но лишь в меру обесценения американской валюты).

Показателем этой инфляции является также проведенный летом 1932 г. новый закон, увеличивающий предельную сумму выпуска необеспеченных золотом банкнот японского банка со 120 млн. до 1 млрд. иен. Этот предел был достигнут накануне 1933 г. (1 425 млн. иен при золотом займе в 427 млн.), хотя в последующем размеры эмиссии снова сократились, и в сентябре 1933 г. составляли почти ту же сумму, что и осенью предшествующего года (на 14 сентября 1933 г.—171 млн. иен). Отсрочка откровенной бумажноденежной инфляции обусловлена наличием той же инфляции в других формах—в формах инфляции кредитной. Повторное снижение учетного процента японским банком в течение 1932 г. и резкое снижение процентов по вкладам в сберегательные кассы в совокупности с инфляционными по существу своему «мероприятиями помощи» и предоставлением займов на низких процентах создали необычайную дешевизну и обилие свободных денег, а это в условиях дальнейшего развития общеэкономического кризиса создало огромное накопление свободных средств банков.

В этой обстановке правительство и японский банк могут еще маневрировать, избегая увеличения количества банкнот путем передачи крупных пакетов государственных облигаций из портфеля японского банка в портфель частных банков, свободные средства которых привлекаются таким образом к финансированию государственной казны. Но эти свободные средства принадлежат не банкам, а вкладчикам,

и большая часть их может быть в любой момент изъята. Вся эта политика создает таким образом исключительно рискованное положение, когда при первых же признаках паники и массового истребования вкладчиками своих денег может произойти гигантский крах, способный взорвать всю японскую кредитную систему. Японский империализм находится перед финансовой катастрофой.

Падение иены, инфляционные мероприятия вроде «помощи деревне» и поток военных заказов вызвали на известное время оживление на японском внутреннем рынке. Падение иены в сочетании с колониально-низким уровнем жизни рабочих масс и крестьянства открыло перед японским капиталом широкие возможности демпинга на внешних рынках. В результате японская конъюнктура, начиная с середины 1932 г., представляет парадоксальную картину частичного экономического подъема, который в действительности является новой фазой все обостряющегося кризиса.

Внешняя картина этого конъюнктурного парадокса такова. Во второй половине 1932 г. происходил довольно значительный рост цен (индекс оптовых цен Японского банка с 110 в июне поднялся до 139,5 в декабре), и одновременно стал подниматься общий индекс физического объема промышленной продукции (со 103,6 в июне до 124,5 в декабре). Месячная добыча угля поднялась с 1,9 млн. *т* до 2,4 млн., выплавка чугуна увеличилась с 118 тыс. *т* в августе до 150 тыс. в декабре 1932 г., а выплавка стали соответственно—со 178 тыс. *т* до 267 тыс., продукция хлопчатобумажной ткани равным образом поднялась со 124 млн. ярдов до 138 млн. Еще более значительно выросли (в бумажных, все более обесценивающихся ценах, но не в золоте) обороты внешней торговли, особенно экспорт (со 101,8 млн. бумажных иен в июне, когда иена стоила 30,35 американских центов, до 172,7 млн. иен в декабре, когда иена стоила 20,65 американских центов), причем экспорт хлопчатобумажных тканей с 18 млн. иен в апреле подскочил в декабре до 35,3 млн. В итоге японский вывоз за весь 1932 г. номинально вырос по сравнению с 1931 г. на 21,7%, тогда как английский экспорт в том же году сократился на 9,7%, американский—на 33,9% и германский на 35,3%.

В связи со всем этим в конце 1932 г. в Японии развернулся значительный биржевой ажиотаж, сорванный отчасти в течение первых месяцев 1933 г. В начале 1933 г. конъюнктурные показатели снова пошли вниз, но военно-

инфляционная обстановка, усиленная работа на войну и бешеное торговое наступление на внешних рынках продлили и подкрепили нездоровое оживление в отдельных отраслях японского хозяйства. В итоге первое полугодие, особенно если игнорировать разницу в курсе иены, снова дало картину повышающейся конъюнктуры. Внешняя торговля продолжала расти, притом не только из расчета на бумажные иены, но и количественно. Судя по сравнительным данным, опубликованным японским министерством торговли и промышленности, английский экспорт в первом полугодии сократился по сравнению с 1932 г. на 7,2%, а импорт—на 10,5%; американский экспорт сократился на 20,7%, а импорт—на 20,4%; германский экспорт упал на 18,7%, а импорт—на 22,7%; напротив, японский экспорт вырос (в бумажных иенах) на целых 51%, а импорт—на 24,4%. Благодаря военным заказам и валютному демпингу продолжалось и частичное промышленное оживление. Военная индустрия работала еще более лихорадочными темпами. Из экспортных отраслей промышленности в первом полугодии 1933 г. японская хлопчатобумажная промышленность потребляла хлопка больше, чем английская (1 512 тыс. кип против 1 163 тыс. кип), дала среднюю прибыль в 10,6% против 9,6% в том же полугодии прошлого года. В производстве искусственного шелка Япония вышла на второе место в мире (18,3 тыс. *т* против 12,9 тыс. в первом полугодии прошлого года). Военные заказы и демпинг оживили также работу машиностроительных заводов, черной металлургии и угольной промышленности (за 7 месяцев 1933 г. выплавка чугуна в Японии и Корее возросла на 23%, стальной прокат—на 29%, добыча угля—на 9,1%). Это оживление частично отражалось и такими общеэкономическими показателями, как эмиссия капиталов, работа железных дорог, размеры векселього оборота и т. д.

Все эти внешние признаки экономического подъема лишь румянец на лице тяжело больного. Порожденное войной, инфляцией и демпингом это видимое частичное промышленное оживление имеет, как мы уже убедились, своей оборотной стороной дальнейшее резкое обострение аграрного кризиса и приближение финансовой катастрофы.

Параллельно прогрессирующему разорению крестьянства происходит дальнейшее резкое снижение уровня жизни рабочих масс. При значительном повышении дороговизны жизни (в сентябре 1933 г. индекс розничных цен в 13 круп-

ных городах составлял 87,1 против 80,0 в сентябре 1932 г.) номинальная заработная плата продолжает снижаться, а реальная резко падает. Что касается общей суммы выплачиваемой заработной платы, то она также имеет тенденцию скорее к понижению, чем к повышению (усиленная работа военной промышленности и других отраслей происходит главным образом за счет увеличения рабочего дня и сверхурочной работы).

Монополистическому капиталу удается таким образом полностью переложить бремя кризиса на плечи рабочего класса и крестьянства и сохранять высокий уровень прибылей за счет дальнейшего усиления эксплоатации трудящихся. Прибыли японских концернов непрерывно растут: в среднем для 1 250 акционерных компаний чистая прибыль составляла 8,5% в первом полугодии 1933 г. против 7,1% во втором и 6,3% в первом полугодии 1932 г. Но окончательное обнищание основных масс потребителя как в городе, так и в деревне означает конечно дальнейшее и резкое сужение рыночной базы японской промышленности.

Далеко не благополучно обстоит дело и на внешних рынках Японии. Правда, в течение первых трех кварталов 1933 г. японский демпинг, судя по данным японской статистики, продолжал одерживать колоссальные победы. В бумажных тканях японский вывоз увеличился за 9 месяцев 1933 г. на 44,5% (1 354 млн. иен против 937 млн. за тот же период предшествующего года). За то же 9 месяцев Япония вывезла 1 569 млн. ярдов хлопчатобумажных тканей против 2 033 млн. за весь 1932 г. и 1 413 млн. ярдов за весь 1931 г.

Особенно разительны эти успехи хлопчатобумажного экспорта, если сравнить данные о вывозе хлопчатобумажных тканей из Японии и из Англии, которой еще недавно принадлежала гегемония по мануфактуре на мировом рынке. Вот эти данные[1]:

Годы	Вывоз из Японии	Вывоз из Англии
	(В миллионах ярдов)	
1929	1 413	5 066
1930	1 790	3 671
1931	1 413	2 406
1932	2 033	2 198
1933 (9 месяцев)	1 569	1 549

1 «Manchester Guardian» от 2 декабря 1932 г.

В 1933 г. японский экспорт количественно уже опередил английский, хотя по ценности значительно ему уступает.

Наводняя мировые рынки своими промышленными изделиями, продаваемыми по внеконкурентным бросовым ценам, японский империализм получает тем самым средства, необходимые для все растущего импорта вооружений и главное для ввоза сырья и материалов для работы военной промышленности. Таким образом бешеное японское наступление на внешних рынках тесным образом связано с его военно-политическим наступлением на Азиатском континенте.

За последнее время особенно важное значение приобрели для Японии рынки Британской империи, поглотившие в 1932 г. 28,4% всего японского экспорта (в том числе Индия, занимая второе место в японском экспорте после США—13,6%. На этих рынках Японии частично уже объявлена формальная экономическая война. В апреле 1933 г. расторгнут был индо-японский торговый договор, и тогда же были введены пошлины в размере 100 –125% с цены ввозимого в Индию японского искусственного шелка. В мае 1933 г. было объявлено, что англо-японский торговый договор не будет применяться к Британской западной Африке. В июне обложение импорта в Индию японских хлопчатобумажных тканей повышено до 75% цены против 25% обложения английских тканей (между тем в 1932 г. Индия поглотила 53,3% всего японского вывоза тканей[1]. Японские хлопчатобумажные фабриканты ответили на это бойкотом индийского хлопка, а в Симле завязались англо-индо-японские переговоры по вопросам торговли. Каковы бы ни были результаты этих переговоров, японскому вывозу в Индию неизбежно предстоит значительно сократиться. Но контрнаступление против Японии развертывается не в одной Индии. За летние и осенние месяцы 1933 г. введены специальные антияпонские пошлины в Южноафриканском союзе, в федерации малайских государств, в Египте, который входит в сферу английского

---

1 Стоит привести сравнительные данные о ввозе в Индию английских и японских бумажных тканей. По данным английского Board of Trade (министерство торговли) в 1929/30 г. в Индию было ввезено английских хлопчатобумажных тканей 722 млн. ярдов, японских 192 млн.: разница в пользу Англии составила 530 млн. ярдов. В 1930/31 г. эта разница сократилась до 259 млн. ярдов, в 1931/32 г.—до 90 млн. и в 1932/33 г.—до 50 млн. ярдов. По данным «Manchester Guardian» в первой половине 1933 г. в Индию было ввезено японской мануфактуры на 9,2 млн. ярдов больше, чем английских.

господства, и ожидается введение таких же пошлин в ряде других британских колоний, тогда как и в самой Англии и на ее колониальной периферии растет антияпонское движение и все громче становятся голоса, требующие более решительной борьбы с японским демпингом.

Правда, как будет видно ниже, английский империализм в лице руководящих консервативных кругов не хочет политического разрыва с Японией и для того, чтобы сохранить фактический англо-японский договор, направленный в первую очередь против СССР, готов итти на компромисс и на серьезные экономические жертвы за счет Ланкашира. На требование представителей Ланкашира в парламенте оградить английскую текстильную промышленность и другие отрасли, страдающие от японской конкуренции, английское правительство в лице министра торговли Рексмэна дает неизменно уклончивые ответы, пытаясь преуменьшить потери английской текстильной промышленности от угрожающей ей японской опасности, ссылаясь на происходящие переговоры. Хотя английский империализм ищет выхода не в разрыве с Японией, а в попытках договориться с ней, все же совершенно очевидно, что, чем дальше, тем будет более затруднен доступ японским товарам на британские рынки. К тому же фронт антияпонских торгово-политических мероприятий ширится: соответствующие мероприятия проведены в Голландской Ост-Индии (повышение тарифа и установление специальных квот), в Турции (квоты) и наконец и в Соединенных штатах (только что проведенные антидемпинговые пошлины на японские электрические лампочки и некоторые виды обуви), причем под угрозой таких же мероприятий в этой последней стране находится также важнейшая статья японского вывоза—шелк-сырец, почти монопольно потребляемый Соединенными штатами. Кстати экспорт шелка-сырца в Соединенные штаты снова снижается, и в III квартале 1933 г. вывоз составил 149 тыс. кип против 160 тыс. за тот же период 1932 г. и 195 тыс. кип за III квартал 1931 г.

Все это создает в совокупности весьма мрачные перспективы для японского экспорта вообще и для японского вывоза хлопчатобумажных тканей в частности. Учитывая это, японский капитал лихорадочно пытается переориентировать свой экспорт на новые рынки и в частности подготовляет грандиозное торговое наступление в Южной Амс-

рике, где японскую мануфактуру и другие промышленные изделия предполагается обменивать на сырье, в частности шерсть, для прекращения зависимости Японии от Австралии. Но, не говоря уже о технических трудностях этого предприятия (пока что весь вывоз Японии в Центральную и Южную Америку составил в первом полугодии этого года всего 20 млн. иен), форсированный вывоз японского текстиля и других промышленных изделий в Южную Америку не только обострит англо-японское торговое соперничество, но явится вторжением в сферу непосредственного американского влияния, и стало быть эти широковещательные южноамериканские проекты предвещают лишь дальнейшее распространение и обострение той самой экономической войны, в процессе которой японский демпинг испытал свое величие и начинает испытывать свое падение. Нет ничего удивительного, что уже в III квартале 1933 г. дальнейшее развитие японского демпинга замедляется и, несмотря на продолжающуюся развиваться инфляцию, японская промышленная конъюнктура заметно ухудшается. Японская буржуазия сама вынуждена отдать себе отчет в исключительной серьезности экономического и финансового положения страны.

«К сожалению нынешний бум будет иметь самые бедственные последствия», —предсказывала газета «Чугай Сногио» еще в ноябре 1932 г. Япония стоит перед угрозой регресса как в результате возможного дальнейшего роста цен на внутреннем рынке, так и в результате повышения тарифов на японские товары», —заявил тогда же глава японского банка «Хидзиката».

Газета «Осака Майницци» в номере от 1 февраля 1933 г., подытоживая положение, писала:

> «Правительство бросило дешевые миллиарды на рынок. На некоторое время эта мера может наполнить карманы дельцов, финансистов, предпринимателей и т. д., но это не может продолжаться долго. Процесс напоминает впрыскивание яда в собственное тело: некоторое время организм может производить впечатление оздоровленного, но затем последует ужасное изнурение».

И в последующие месяцы буржуазные деятели и буржуазная пресса Японии не проявляли никакого оптимизма. Господствующий тон конъюнктурных обзоров Японии в течение всего 1933 г.—это тон сдержанного предупреждения. «Мрачная картина», «экономический горизонт покрыт тучами», «нельзя себе представить, как возможно сохра-

нить оптимизм в этих обстоятельствах»,—так квалифицирует положение вещей известный японский экономист и банковский деятель Шидаци в статье, появившейся в американской «Christian Century» в июне 1933 г.

«Все указывает, что японское хозяйство идет навстречу серьезным событиям»,—заявил в своей речи 9 сентября 1933 г. президент Иокогама Спеши банка Кодама, сославшись на «преобладающую в мире тенденцию к экономическому национализму и изоляции».

Быть может наиболее характерным для атмосферы, создавшейся в Японии, является призыв, сделанный 26 сентября 1933 г. на заседании кабинета министров министром финансов Такахаси: «принять меры, чтобы рассеять атмосферу беспокойства среди населения». Это беспокойство широких слоев японской буржуазии более чем обосновано.

Ко всему этому нужно добавить, возвращаясь к японской военной авантюре на Азиатском континенте, что экономический баланс этой авантюры по сие время остается резко отрицательным. Военные операции в Манчжурии фактически обходятся японскому империализму не менее 200—250 млн. иен в год и главное влекут за собой еще более непосильные расходы на подготовку к новым войнам.

«Хотя спекуляция сыграла свою роль, но конечной причиной тяжелого финансового положения является военная авантюра в Манчжурии. Без сомнений японские интересы нуждаются в защите, но потери одной трети заработка каждого, получающего зарплату, и дохода каждого держателя облигаций—это чересчур дорогая цена».

замечала газета «Japan Chronicle» от 8 декабря 1932 г. Эти колоссальные расходы не компенсированы пока сколько-нибудь серьезными экономическими преимуществами.

Правда, в самом процессе военной оккупации в Манчжурии японская армия захватила крупную добычу: в руки японцев перешли все китайские банки в Манчжурии, крупнейшие промышленные и торговые предприятия, огромные поместья и капиталы китайских генералов, мукденский арсенал и авиация и главное все китайские железные дороги в крае (1 марта 1933 г. подписано соглашение, формально передающее эксплоатацию этих железных дорог Обществу ЮМЖД, протяжение рельсовой сети которого возросло таким образом до 2 816 миль)[1]. Правда, японский

---

[1] «China Weekly Review» от 18 марта 1933.

вывоз в Манчжурию значительно вырос, хотя, как мы видели, этот рост едва перекрывает японские торговые потери в Собственно Китае. (Импорт в Манчжоу Го из Японии в 1932 г., по данным манчжурской статистики, вырос по сравнению с 1931 г. на 164,2%, при одновременном падении импорта из САСШ на 28,4[1], японский вывоз в Манчжурию за первое полугодие 1933 г. составил 132 млн. иен против 56 млн. в 1932 г.—рост на 136,1%.) Правда, доходность Общества ЮМЖД, в 1931 г. значительно снизившаяся, в 1932 и в 1933 гг. вновь несколько повысилась. Наконец японский империализм усиленно нажимает на все имеющиеся в его распоряжении рычаги полуфеодальной в основном эксплоатации трудящихся Манчжурии—экспроприирует землю, монополизирует в своих руках контроль над сельскохозяйственным экспортом Манчжурии и т. д. За всем тем грандиозные планы «экономического блока с Манчжурией», превращения ее в придаток японской капиталистической экономики, широкого использования манчжурских естественных ресурсов и создания множества новых предприятий по добыче и переработке манчжурского сырья почти не сдвинулись с места.

Японская эмиграция в Манчжурии, как и следовало ожидать, оказалась мифом, и, по признанию самих же японцев (заявление японского священника Отани, опубликованное в «Japan Chronikle Weekly» от 24 ноября 1932 г.), «за исключением вооруженных эмигрантов другие сельскохозяйственные эмигранты в Манчжурии не имеют никаких шансов на успех». Но и с вооруженными резервистами, поселяемыми в Манчжурии, дело обстоит исключительно неблагополучно: из военных поселений происходит массовое бегство. Так из 500 человек второй партии военных поселенцев, отправленной весной 1933 г., 33 бежали или отстали еще в пути, а 83 человека бежали в течение лета. «У поселенцев,—пишет по этому поводу газета «Осака Майнищи» от 1 октября 1933 г.,—абсолютно отсутствует вера в возможность каких бы то ни было улучшений в их жизни в будущем». «Задача оказалась чрезвычайно трудной»,—констатирует в конце сентября японская газета «Manchuria Daily News», заявляя, что так как китайские крестьяне вполне приспособлены к условиям, то пусть они и обраба-

---

[2] «Japan Cronicle Weekly» от 23 февраля 1933. Цифры эти разумеется неточны, поскольку они отражают только прямую торговлю, не являя транзитной.

тывают землю, а японцы должны ограничиться «заданиями организационного характера».

Что касается внедрения японского капитала в Манчжурию в сколько-нибудь крупном масштабе, то оно тормозится и даже совсем парализуется прежде всего военно-политической обстановкой и непрекращающейся вооруженной борьбой.

> Не мало японских финансистов,—заявил в апреле 1933 г. зам. начальника штаба квантунской армии генерал-майор Окамура[1],—хотели бы содействовать финансовому развитию нашего нового соседа, но ввиду огромного риска осторожность побуждает их воздерживаться.

Но дело не только в риске. При перенасыщении японского рынка всякая попытка усиленной разработки манчжурских ресурсов, будь то уголь, чугун, химические удобрения или сельскохозяйственные продукты, вызывает бешеное противодействие со стороны мощных капиталистических фирм, производящих те же товары или их суррогаты в самой Японии, и если осуществляется, то главным образом в целях военных или военной подготовки. Характерно, что манчжурские продукты все еще облагаются в Японии высокими пошлинами, и, по свидетельству японского журналиста Вашио («Trans-Pacific» от 12 января 1933 г.), «идея уничтожения таможенных барьеров или создания таможенного союза между Японией и Манчжурией не может рассматриваться всерьез». В действительности пресловутая «эксплоатация манчжурских ресурсов» до сих пор не вышла из стадии бумажной разработки.

> «Экономически Япония оказалась недостаточно сильной,—замечает лондонская газета «Sunday Times» от 18 октября 1932 г.,—она откусила больше, чем сможет разжевать».

> «Говорят об экономическом блоке Японии с Манчжурией,—писала японская газета «Хоцци» (орган минсейто) в августе того же года.—Мы сомневаемся в его пользе. Главная наша беда—перепроизводство. Положение не улучшится, если Манчжурия начнет посылать нам множество своих продуктов».

Характерны все более заметные нотки пессимизма в писаниях японских публицистов о Манчжурии. 6 апреля 1933 г. буржуазная пресса признает уже, что в случае затягивания вооруженной борьбы в Манчжурии и анти-

---

[1] «Нагоя Шинайчи» — цитируется в «Trans-Pacific» от 6 апреля 1933.

японского бойкота в остальном Китае «японская авантюра может оказаться экономически нерентабельной», и утешается бреднями о предстоящей перестройке японского хозяйства на государственно-капиталистических началах.

«Временно Япония должна принести в жертву свои финансовые и экономические интересы»,—вздыхала 20 апреля 1933 г. провинциальная газета «Нагоя Шинайчи».

«Даже наиболее восторженными военными лидерами признано, что сохранение порядка в Манчжурии в течение долгого времени невозможно без содержания там крупных военных сил,—писал японский экономист Шидачи в уже цитированной нами статье, появившейся в американский «Chri tian Cestury» в июне 1933 г.,—откуда взять деньги для содержания этих вооруженных сил? Будем ли мы из года в год выпускать разрушительные займы для покрытия расходов этого дорогостоящего военного предприятия?»

В сентябре 1933 г. газета «Осака Майнити» поместила интервью с несколькими крупными японскими промышленниками, побывавшими только что в Манчжурии. Некоторые из них заговорили откровенно. Директор Осакской торговой палаты Такаянаги заявил, что, по его мнению, крупные инвестиции в Манчжурии все еще связаны с чрезмерным риском, ввиду неурегулированности положения. Мэр г. Осака Секи заявил, что хотя «Манчжурия и Монголия жаждут японских капиталов, но экономическая эксплоатация их все еще преждевременна, и пока стоит заниматься только торговлей». «Я многому научился за время моей поездки по Манчжурии»,—знаменательно добавил он.

Фактически, несмотря на громадное увеличение капитала ЮМЖД (до 800 млн. иен) и на то, что японская пресса пестрит бесчисленными проектами нового строительства в Манчжурии и сообщениями об учреждении новых компаний (большинство которых, по свидетельству того же Окамура, «к сожалению сомнительного характера»),—в течение 1933 г. дело ограничивалось строительством нерентабельных стратегических железных дорог и постройкой средствами той же ЮМЖД немногих предприятий в основном военного значения.

Из новых железнодорожных линий наибольшее значение имеет построенная с лихорадочной поспешностью дорога Дуньхуа—Хойрен, недостающий отрезок пути которой должен соединять Чаньчунь и Гирин с Северокорейской

границей. Эта дорога становится второй центральной японской магистралью в Манчжурии, облегчающей в частности подвоз японских войск. Эта дорога была вчерне закончена еще в апреле 1933 г., но японцы продолжают укреплять и расширять ее провозную способность. Далее, заслуживают быть отмеченными: построенное ныне ответвление ст. Лафа на этой магистрали к Харбину и другое ответвление в направлении ст. Хайлин на восточной линии КВЖД, дороги, прокладываемые ныне в Жехэ, и наконец линии, соединившие две железных дороги к северу от КВЖД: Цицикар-Кишаньскую и Харбин-Хайлунскую (последняя закончена постройкой в начале 1933 г.).

Нет надобности доказывать, что эти дороги имеют огромное стратегическое значение и что самый факт их форсированного сооружения является красноречивым свидетельством интенсивнейшей подготовки японского империализма к войне гораздо более крупного масштаба, чем нынешняя вооруженная борьба с манчжурскими партизанами, *и притом к войне, театр которой будет находиться на севере Манчжурии, т. е. к войне против СССР.* Но подобного рода военное строительство не дает прибылей, как не дает и долгое время не будет давать их вся манчжурская авантюра японского империализма, ничуть не облегчающая кризиса в Японии. Правда, заказы на рельсы, железнодорожные материалы для стратегических железных дорог и оборудование для новых предприятий военного значения, сооружаемых ЮМЖД (в том числе нового железоделательного завода «Сиова»), значительно оживляют вместе с другими военными заказами работу отдельных отраслей японской промышленности, но ведь все эти заказы приходится оплачивать в основном за счет японской казны и ценой дальнейшего обострения финансового кризиса в Японии.

«Точных цифр нельзя добыть хотя бы потому, что военные операции еще не закончены,—писал Дорфман, советник комиссии Литтона, в английской газете «Pekin and Tuantsin Times» в конце августа 1933 г.,—но я все же могу утверждать, что манчжурская авантюра высосала кровью и золотом из Японии последнюю иену, добытую ею пока в Манчжурии. По моему мнению, Манчжурия не даст Японии разрешения столь неотложных ее экономических проблем».

Разумеется захват Манчжурии с ее богатыми ресурсами должен привести к значительному укреплению и усиле-

нию японского империализма, получающего в частности ту базу для тяжелой индустрии, которой ему до сих пор не хватало. В том-то и дело однако, что вопрос об окончательном закреплении японского господства в Манчжурии исторически еще не решен—в первую очередь в силу того, что Манчжурия остается и поныне объектом ожесточенной борьбы между империалистами. Пока что создается своеобразный порочный круг: кризис толкает Японию на авантюры, эти последние в свою очередь приводят к обострению кризиса, который опять-таки является фактором дальнейшего форсирования «политики железа и крови».

Нет надобности доказывать, что авантюра японского империализма в Манчжурии и в Китае представляет собой игру ва-банк. Экономически эта авантюра привела уже, как мы видели, японский капитализм к фактической инфляции, которая не облегчает, а ухудшает его положение. Инфляция означает дальнейшее снижение и без того крайне низкого уровня жизни рабоче-крестьянских масс и стало быть дальнейшее сужение емкости внутреннего рынка. «Повышение цен в результате дальнейшего падения валюты означает не экономическое возрождение, а неподдающуюся контролю деморализацию... Оно не увеличивает покупательной способности рынка, а, наоборот, сокращает ее»,—писал в декабре 1932 г. японский журналист Вашио. А между тем, как подчеркнул министр финансов Такахаси, «основной проблемой для Японии в настоящий момент являются не вопросы внешней политики, а вопросы повышения покупательной способности деревни. Все вопросы бледнеют перед этой проблемой». «Падение иены создаст не только экономическую, но и социальную проблему»,- писала «Асахи» в начале декабря 1932 г. Но эта социальная проблема в свою очередь неизбежно приводит к убийственным для японского капитализма экономическим последствиям. Весь ход экономических событий в Японии ведет к дальнейшему неслыханному обострению внутренних противоречий японской экономики и соответственно предопределяет политические перспективы японского империализма.

Последствия всего этого сказываются и в сфере политических взаимоотношений внутри лагеря японских правящих классов помещиков и буржуазии. В манчжурскую эпопею Япония вступила при правительстве партии минсейто (японские либералы). В декабре 1931 г. это правительство, ввиду его антиинфляционистской политики,

ыло сброшено под давлением крупных концернов, спекулировавших в расчете на обесценение иены и требовавших отказа от золотого стандарта. Пришедшее на смену правительство партии сейюкай, осуществившее отмену золотого стандарта, просуществовало однако только до мая 1932 г. За этот короткий срок имел место ряд террористических актов со стороны различных реакционных фашистских организаций; жертвами их последовательно пали министр финансов правительства минсейто Иноуе, главоуправляющий крупнейшим концерном Мицуи барон Дан и наконец премьер сейюкайского правительства Инукаи, причем убийство последнего, совершенное группой молодых флотских офицеров, сопровождалось террористическими демонстрациями, разбрасыванием бомб и попыткой прервать электроснабжение Токио. Это последнее убийство вызвало правительственный кризис и привело к власти коалиционное правительство Сайто, главной опорой которого является военщина, тогда как в парламенте оно опирается преимущественно на минсейто и круги японской верхней палаты.

Террористические акты весны 1932 г. были не единственными проявлениями быстрого процесса фашизации страны: фашизм развивается и в рамках старых политических партий (полуфашистское крыло партии сейюкай, враждебное покойному премьеру, фашиствующая группа Адати, выделение которой из минсейто и привело к падению его кабинета в декабре 1931 г., наконец, откол открыто фашистского крыла обеих социал-реформистских партий — правой и центристской, ныне объединившихся). Он развивается также на базе мощных военных и военно-резервистских организаций, возглавляемых группой «молодых» в армейском генералитете, крупнейший представитель которых Араки был военным министром в правительстве Инукаи и остался им в правительстве Сайто (именно его террористы, совершившие убийство Инукаи, прочили в диктаторы. Фашизм развивается также в форме дальнейшего развития подпольной работы бесчисленных заговорщических организаций, ныне теснее, чем когда-либо, связанных с военщиной и ею руководимых.

Целесообразно по своему составу и широко использующее социальную демагогию, общую фашизму во всех странах (в частности фашистские группировки усиленно эксплоатировали лозунг «помощи деревне», равно как и лозунг «Маньчжурия для всего народа, а не только для

капиталистов»), это фашистское движение отражает недовольство и отчаяние разоренной городской мелкой буржуазии, интеллигентских прослоек и главное огромного слоя мелких и средних эксплоататоров в японской деревне. В фашистских выстрелах громче всего звучала именно жалоба этого эксплоататорского слоя. Но низовой социальный состав фашистского движения в Японии отнюдь не исчерпывает и не определяет собой его действительной классовой природы. Здесь, как и в Европе, массовое движение реакционной мелкой буржуазии, интеллигенции, кулаков, ростовщиков, мелких помещиков—всего этого среднего слоя, промежуточного между финансовым капиталом и эксплоатируемыми массами, с удвоенной быстротой вымываемого волнами кризиса,—оказывается в условиях этого кризиса орудием в руках того же монополистического капитала и в еще большей степени в руках военщины, играющей, как известно, крупную самостоятельную роль в военно-феодальном империализме современной Японии. Бесчисленные черносотенные организации в Японии на деле тесно связаны с политическими и военными кликами, ведущими между собой борьбу за власть, и выстрелы 1932 г. были одним из эпизодов в этой борьбе. Антикапиталистическая демагогия фашизма в Японии, как и в Германии, является лишь прикрытием того факта, что руками этой японской черной сотни осуществляет свои цели тот же японский правящий класс—блок финансового капитала с помещичьим землевладением, или еще точнее—определенные его прослойки, наиболее тесно связанные с военщиной [1]. Цели эти: во-первых, парализовать и дезорганизовать растущее революционное недовольство в массах, во-вторых, обеспечить концентрацию сил в борьбе с революционной опасностью путем создания военной диктатуры и, в-третьих, мобилизовать все силы для дальнейшего развития внешнеполитических авантюр, в которых соответствующие круги и в частности военщина видят единственный выход из положения [2].

---

1 Эта связь особенно наглядно обнаруживается на примере последнего террористического черносотенного заговора так называемых «богоданных солдат», раскрытого летом и осенью 1933 г. Террористы из этой организации, подготовлявшие новую серию политических убийств, не только стояли под высоким покровительством определенных военных кругов, но и непосредственно финансировались биржевыми спекулянтами и банкирами.

2 В высшей степени характерно, что участники убийства Инукаи после громкого процесса в военном, военно-морском и гражданском судах

Повторное открытие новых черносотенных заговоров и острейшие разногласия внутри кабинета Саито в связи с вопросами внешней и бюджетной политики свидетельствуют о том, что политическое положение в Японии остается чрезвычайно напряженным даже в сфере внутренних взаимоотношений в лагере господствующих классов. Но важнейшим, решающим фактором является непрерывно и быстро растущее *революционное движение трудящихся масс Японии,* растущее революционное движение, возглавляемое японской компартией в условиях жесточайшего террора и свирепой цензуры. Страх перед революцией, которым одинаково охвачены японские помещики, бюрократия, военщина и финансовый капитал, отнюдь не напрасен. Не забудем, что Япония в сущности не пережила еще даже своего 1905 г. Жесточайший правительственный террор и политическое недовольство в рабочем классе и в крестьянстве, в особенности среди арендаторов, и наконец даже в кругах мелкой буржуазии и интеллигенции (студенчество, профессура) явственно усиливают и укрепляют революционные настроения. Агрессия на континенте, с помощью которой японские правящие классы пытаются *отдалить* перспективу революции, в действительности *приближает* эту перспективу, ибо обостряет кризис внутри Японии и усиливает разорение и обнищание масс.

(на этом процессе они выступали «героями» и «патриотами») были приговорены к весьма мягким наказаниям и что по крайней мере часть их уже освобождена и от этого наказания.

НЕПРИМИРИМАЯ ПОЗИЦИЯ САСШ

В нескольких предыдущих разделах мы рассмотрели развитие событий на Дальнем Востоке за последние годы в их последовательности и их взаимодействии с внутренним экономическим и политическим положением обоих непосредственных участников этих событий—Японии и Китая. Но, как следует уже из того, что было сказано раньше, конфликт на Дальнем Востоке имеет мировое, а не только местное значение и выходит далеко за пределы японо-китайских отношений. Конфликт этот есть выражение той империалистической борьбы за господство над Китаем и на Тихом океане, которая с особенным ожесточением ведется между Японией и Америкой.

С Тихим океаном и особенно с Китаем американский империализм связывают важные интересы. Достаточно сказать, что за последние годы Америка выдвинулась фактически на первое место в импортной торговле с Китаем и что ее обороты с этой страной и со всей Азией растут быстрее оборотов американской торговли с другими частями света. В Китае американский империализм усматривает важнейшее поле своей будущей экспансии.

«Медленно и для многих незаметно, но с такой же определенностью, как если бы это было актом судьбы, САСШ поворачиваются спиной к Атлантическому океану и лицом к Тихому. Со своего дозорного пункта в Золотых воротах Сан-Франциско они смотрят на отдаленные берега Китая, где лежит их будущее. Ибо промышленная экономика, которую создали американцы, требует британских рынков для товаров, производимых на американских фабриках. Европа в быстрой последовательности закрывает свои двери для американских товаров. Азия, с другой стороны, только теперь готовится стать рынком перворазрядной емкости»[1].

[1] *G. Socolsky*, The Tinderbox of Asia, p. 87.

Соответственно внешнеполитические проблемы, связанные с Китаем, имеют для империализма Соединенных штатов совершенно исключительное значение.

«Как одна из величайших тихоокеанских держав САСШ в настоящее время безвозвратно связаны с политикой Восточной Азии. САСШ вынуждены играть важную, быть может определяющую роль в конфликте интересов в Тихом океане»[1].

В послевоенный период *взаимоотношения между империалистами* на Дальнем Востоке характеризуются все обостряющимся столкновением между Америкой и Японией. Япония, слабейшая в экономическом отношении, но располагающая огромными военно-стратегическими преимуществами благодаря своей территориальной близости к Китаю, открыто ведет захватническую политику, направленную к аннексии Манчжурии и разделу остального Китая, с захватом львиной доли в свою пользу. Но раздел Китая, осуществленный под главенством Японии или на основе договора между Японией и Англией, не выгоден и решительно не приемлем для Америки, которая стремится к господству над Китаем в целом. Отсюда новое обострение в послевоенный период борьбы Америки за «открытые двери» в Китае. При всей своей внешней безобидности эта американская доктрина, выдвинутая еще в 1899 г., является орудием наступательной политики, орудием установления в Китае монопольного господства американского империализма.

Не располагая в противоположность Японии специальными «удобствами» на Азиатском континенте (где он не имеет даже опорных баз, могущих сравниться с японскими или английскими), империализм САСШ добивается своей цели методами экономического и политического проникновения, которые он противопоставляет японскому военному «вгрызанию» в Китай. Отстаивая против других империалистов территориальную и административную целостность Китая, он отстаивает целестность своей собственной сферы влияния, нераздельное господство над которой является одной из основных целей империалистической политики Соединенных штатов.

Захват Японией Манчжурии колоссально обострил японо-американский конфликт на Тихом океане. С самого начала американский империализм занял сдержанную, вы-

---

[1] *N. Roosvelt*, The Restless Pacific. Предисловие.

жидательную, но по существу совершенно непримиримую позицию. Уже через несколько дней после начала японской интервенции в Маньчжурии американское правительство в своем меморандуме от 22 сентября 1931 г. повторно выражает свое недовольство («крайнее сожаление») по поводу событий, возлагает ответственность за эти события на Японию, напоминает о договоре девяти держав и подчеркивает, что

> ...создавшееся положение касается не только Японии и Китая, оно морально, юридически и политически затрагивает и другие нации».

Япония получает таким образом первое предупреждение. Последующая американская дипломатическая переписка по маньчжурскому вопросу свидетельствует о растущей тревоге американского империализма. Но позиции последнего в этом вопросе полностью развертываются только в течение 1932 г., и тогда же становится очевидным, что отсутствие более действенного протеста со стороны Америки объясняется главным образом ее [illegible] позицией.

Непримиримая по существу позиция, занятая Америкой по отношению к маньчжурскому захвату, нашла свое яркое выражение в американском меморандуме от 7 января 1932 г., направленном Японии и Китаю тогда после взятия японскими войсками Цзинчжоу и Шанхайгуаня. Американское правительство заявило, что

> «...оно не может считать законным никакое положение de facto и не намерено признать никакие предпринятые соглашения между указанными правительствами или их агентами, которые (соглашения) могут причинить ущерб правам Соединенных штатов или граждан США в Китае, в том числе правам, связанным с суверенитетом, независимостью или территориальной и административной целостностью Китайской республики и определяемым обычно понятием «политики открытых дверей».

Американское правительство заявило также, что оно не признает никакого фактического положения, созданного методами, противоречащими пакту Келлога.

Распространение японской агрессии на Собственно Китай, японское вторжение в Шанхай и угроза Нанкину (которые являются важнейшими центрами и американского влияния в Китае) привели к дальнейшему обострению и обострению японо-американского конфликта.

Шанхайские события совершенно переориентировали здешнее общественное мнение,—писал японский агент Кинией в конфиденциальном докладе из Нью-Йорка 5 февраля[1],—в кругах, которые были дружественны по отношению к Японии или по крайней мере готовы были примириться с ее политикой, сейчас ощущается в большинстве случаев сильнейшее негодование по адресу Японии».

Общеизвестно, что в Шанхае создалась обстановка явного морального содружества между американскими кругами и американскими военными силами, с одной стороны, и китайской буржуазией и китайскими милитаристами—с другой. В той мере, в какой эти последние участвовали в обороне Шанхая, они несомненно вдохновлялись именно этой американской поддержкой, символизированной знаменитым эпизодом с пушками на границе международного сетльмента (белогвардейские волонтеры держали эти пушки направленными против китайских позиций, тогда как сменившие их американцы тотчас повернули пушки против японцев).

Во время шанхайских боев антияпонская позиция Америки впервые нашла себе выражение в определенном общественном движении в лагере американской буржуазии и в частности в попытках—правда, довольно бесплодных—проповедывать проведение в Соединенных штатах антияпонского бойкота (официальные круги в Вашингтоне решительно высказались против этого бойкота, откровенно заявляя, как это сделал сенатор Бора, что «бойкот—это война»).

«Телеграммы о бомбардировке Шанхая,—сообщает например корреспондент «New York Times» из Сан-Франциско (от 13 февраля),—создали в здешнем обществе атмосферу, которая по своей напряженности походила до некоторой степени на состояние умов в месяцы, предшествовавшие вступлению Америки в мировую войну... Война в Шанхае обсуждается так, как будто сражения происходят за углом. Здесь понимают, что на карту поставлены крупнейшие американские интересы в Тихом океане».

В этой именно обстановке последовало опубликование демонстративного письма американского государственного секретаря Стимсона на имя сенатора Бора от 23 фев-

---

[1] Опубликован в «China Weekly Review» в феврале 1932 г.

ольи,—письма, которое является важной вехой в развертывании американской позиции в отношении Дальнего Востока. В этом письме Стимсон категорически отверг японские предложения и устремления к пересмотру Вашингтонского договора девяти держав, гарантирующего целостность Китая, равно как и к пересмотру зафиксированного в этом договоре принципа «открытых дверей».

Больше того, категорическое заявление свое по этому пункту Стимсон подкрепил прямой угрозой по адресу Японии—угрозой отмены вашингтонских постановлений о морских вооружениях, установивших предельный тоннаж линейных судов и авианосок пяти морских держав и одновременно воспретивших сооружение или укрепление морских баз в западной части Тихого океана, т. е. обеспечивших Японии господство над всеми восточноазиатскими водами. Иначе говоря, если отпадет договор девяти держав о Китае, то одновременно отпадает все, что формально сдерживало военную подготовку САСШ, направленную против Японии.

Угроза отмены вашингтонского соглашения о морских вооружениях была направлена не только против Японии, но и против Англии, которая и по финансовым причинам и в силу общего соотношения ресурсов имеет серьезные основания опасаться за себя в случае ничем не ограниченного соперничества с САСШ в дорогостоящем военно-морском строительстве.

Письмо Стимсона содержало в себе к тому же прямое приглашение по адресу Англии и других держав присоединиться к американской позиции по маньчжурскому вопросу и намекало на возможность международного выступления с целью вынудить Японию к отступлению.

«Если письмо Стимсона имеет какой-нибудь смысл,—писал выходящий в Шанхае американо-китайский журнал[1],—а мы думаем, что оно имеет смысл, то оно означает, что Америка немедленно приступает к подготовке к борьбе, которая неизбежно должна развернуться».

Знаменательно, что в последующем письме на имя сенатора Бингхема (от 4 апреля 1932 г.) тот же Стимсон характеризовал положение на Дальнем Востоке как такое,

«...когда все элементы стабильности стоят под угрозой и когда на Востоке может снова наступить один из тех интернациональных моментов, которые могут повергнуть

[1] «China Weekly Review» 5 II 1932.

мнение весь мир». Стимсон фактически утверждает существование американской гегемонии на Тихом океане,— пишет Сокольский[1].—Законами Тихого океана являются: договор девяти держав, пакт Келлога и политика «открытых дверей» САСШ являются судьей международного поведения. САСШ предопределяют, каковы должны быть взаимоотношения между Японией и Китаем».

Американская доктрина получила дальнейшее развитие в последующих выступлениях того же Стимсона 8 августа 1932 г. в речи, произнесенной на заседании Совета внешних сношений (общественная организация) в Нью-Йорке, он заявил, что пакт Келлога ликвидирует прежний порядок нейтралитета и невмешательства в международные конфликты со стороны третьих держав и иллюстрировал это утверждение ссылками на шаги, предпринятые Америкой в советско-китайском конфликте 1929 г., и главное в нынешнем японо-китайском конфликте. Ссылаясь—впрочем, как мы увидим ниже, без достаточных оснований—на постановление пленума Лиги наций от 11 марта 1932 г. относительно непризнания ситуаций или договоров, созданных методами, противоречащими пакту Лиги наций, Стимсон заявил:

«Если мы одни отказываемся признать плоды агрессии, это может быть не важно для агрессора, но если это делает вся группа цивилизованных наций, то это приобретает неслыханное ранее значение».

В речи, произнесенной 1 октября 1932 г., Стимсон заявил:

«Нынешний кризис в Манчжурии является не только ударом по торговым интересам Соединенных штатов, но и угрозой тем великим мирным договорам, которые были задуманы после войны нациями всего мира в их попытке предотвратить повторение подобного бедствия».

Стимсон сослался на традиционную политику Америки в Китае и подчеркнул крупное значение восточных рынков, торговли с которыми Соединенных штатов растет быстрее, чем торговли с какими-либо другими частями земного шара, и в течение ближайшего столетия будет представлять огромную мировую важность.

Наконец в речи от 27 октября Стимсон снова указывал, что роль Америки (Соединенных штатов, которые до-

---

[1] G. Sokolsky, The Tinder box of Asia, p. 316

щих на «непризнании результатов агрессии», стала якобы признанным принципом международных отношений и получила поддержку со стороны пленума Лиги наций.

В этой последней части утверждение Стимсона отражает в большей степени благие пожелания американского империализма, чем действительность. Это однако не изменяет американской позиции, которая была дополнительно засвидетельствована фактом сосредоточения всех главных военно-морских сил Соединенных штатов в Тихом океане, куда атлантическая флотилия была переведена весной якобы для маневров и где она остается до весны 1934 г.

Но наиболее яркое выражение американская позиция получила в повторных и настойчивых попытках путем закулисных переговоров привлечь Англию и Францию к единому фронту против Японии. Этой цели служили и поездки Стимсона весной 1932 г. и переговоры сенатора Рида летом и осенью того же года; она же имелась и имеется в виду во всех маневрах американского империализма в вопросе о разоружении и в вопросе о долгах. Не будет преувеличением утверждать, что внешнеполитическая изоляция Японии в Европе и создание общего антияпонского фронта являются в настоящее время одной из центральных задач американской внешней политики.

В течение всего 1932 г. наблюдалось явственное обострение японо-американских отношений. Оно особенно сказалось в позиции части японской прессы, связанной с военными кругами, которая совершенно открыто говорит об японо-американской войне как о неизбежности.

«Война на Тихом океане должна стать шагом на пути к осуществлению гармонии между Востоком и Западом и достижению высокого уровня человеческой цивилизации,—писала газета «Кокумин» в конце сентября 1932 г.—Мы не любим войны, но не нам спорить против велений судьбы».

«Япония и САСШ были некогда друзьями, ныне же стали непримиримыми врагами»,—заявила газета «Нихон» от 20 августа, и та же газета 7 октября находила, что «настал час принять окончательное решение в отношении стремлений САСШ».

Даже умеренная минсейтовская газета «Хоци» от того же 7 октября выступила с заявлением, что

«Япония находится накануне такого положения, при котором возможно возникновение прямого столкновения с Америкой».

С американской стороны особенно резкими откликами прессы были встречены шанхайские события и признание Японией Маньчжурского государства. «Наше правительство не может последовательно игнорировать этот вызов со стороны Японии»,—писал «New York Times» в середине сентября 1932 г. По свидетельству нью-йоркского корреспондента лондонского «Times» от 12 октября 1932 г., «вопрос о Маньчжурии становится для Соединенных штатов наиболее жгучим из всех вопросов, возникавших со времени войны». Высказывания американской прессы «Scripps Howard», в частности газетного треста «Скриппс Ховард», бесспорно свидетельствуют о том, что понимание этого факта становится доступным все более широким слоям американской буржуазии.

Разумеется американский империализм отнюдь не монолитен в дальневосточном вопросе, который к тому же еще мало «вынесен на улицу» и в значительной части играет второстепенную роль в политической жизни американских мелкобуржуазных и фермерских масс. Остатки провинциализма американской буржуазии сказываются в таких актах, как проведение в 1932 и 1933 гг. продиктованного групповыми интересами сахарных и табачных плантаторов закона о так называемой «независимости» Филиппинских островов[1], явно расходящегося с общей линией дальневосточной политики САСШ. Далее значительная часть американской прессы и в частности газета Херста находятся под влиянием капиталистических группировок, которые, потому ли, что они непосредственно связаны с японским рынком, или потому, что не связаны с китайским, требуют, чтобы американская политика избегала конфликта с Японией и вообще осложнений на Дальнем Востоке. В связи с выступлениями Гувера и Стимсона эта часть прессы вела довольно громкую кампанию против непосредственного вмешательства САСШ в дальневосточный конфликт и доказывала, что подобное вмешательство означает войну...

«Почему мы должны протестовать, если 60 млн. японцев оказываются способными забрать нужную им землю у 400 млн. китайцев? Все это как-нибудь образуется впоследствии без вмешательства с нашей стороны»,—

---

[1] Этот закон, сохраняя по существу американское господство над островами даже по истечении промежуточного десятилетнего срока, вместе с тем наносит их экономике тяжелый удар прекращением беспошлинного ввоза филиппинских продуктов в САСШ и этим ослабляет и делает более уязвимым важнейший американский форпост в западной части Тихого океана.

писал *Артур Брисбейн*, передовик газеты Херста, в сентябре 1932 г. В самой руководящей верхушке американского капитализма несомненно происходит в связи с дальневосточным вопросом внутренняя борьба: группа Моргана, издавна ориентирующаяся на сближение с Францией и Японией (это она выдвигала в 1927 г. проект крупного займа ЮМЖД), круги, связанные с сельским хозяйством среднего Запада, судьба которого зависит не от азиатских, а от европейских рынков, наконец капиталистические группировки, интересы которых ограничены Южной и Центральной Америкой,—противодействуют по мере возможности той активной антияпонской политике, на которой настаивают круги, связанные с тяжелой промышленностью, с военной промышленностью, с армией и флотом, с буржуазией Тихоокеанского побережья, с китайским рынком.

В связи с этим нужно отметить определенное расхождение в высказываниях по дальневосточному вопросу Стимсона, с одной стороны, и Гувера и Кестля (заместителя Стимсона)—с другой. В одной из своих речей в августе Гувер характеризовал свою «доктрину непризнания» как такую, которая требует непризнания *территориальных захватов*, осуществленных в нарушение мирных договоров. Японское министерство иностранных дел поспешило подчеркнуть ограничительный смысл этой формулировки, которая якобы даже не относится вовсе к Манчжурии, где не было формально территориального захвата. Кестль со своей стороны не раз выступал с заявлениями, в которых он приветствовал отсутствие у Соединенных штатов враждебности по адресу Японии. В апреле 1933 г., уже после смены правительства в САСШ, Кестль, выступая в качестве частного лица на пленуме Американской академии социальных и политических наук в Филадельфии, пытался даже «разъяснить» доктрину Гувера—Стимсона в том смысле, что она якобы вовсе не означает категорического отказа от признания нового манчжурского режима.

В значительной мере эти расхождения являются попросту выражением разделения труда, ибо нужно помнить, что Америка ни в военном, ни в политическом отношении не была готова к открытому столкновению один на один с Японией. В какой-то части однако этот разнобой должен явиться отражением внутренней борьбы, о которой шла речь выше и которая неизбежно будет усиливаться

по мере того, как развитие дальневосточной ситуации потребует от Америки все более решительного и открытого выступления. Линии этой борьбы в некоторой отдаленной степени совпадают даже с линиями междупартийной борьбы в Соединенных штатах, так как демократы являются традиционными противниками конфликтов в Тихом океане, что однако не помешало Рузвельту в январе 1933 г. солидаризироваться—правда в осторожной форме—с доктриной Стимсона—Гувера в отношении Манчжурии. Во всяком случае эта борьба не изменяет *генеральной линии* американского империализма, непримиримой по отношению к Японии и остающейся важнейшим перманентным фактором в дальнейшем развитии событий на Дальнем Востоке.

«Япония со всей определенностью методически готовится силой изгнать Соединенные штаты из западного Тихого океана»,

заявил 5 октября 1933 г. в интервью с представителем канадской печати известный американский публицист Эптон Клоз, возвращаясь из путешествия по Дальнему Востоку.

«Если история имеет какое-нибудь значение,—пишет новейший исследователь американской политики на Дальнем Востоке Дулесс,—то Стимсону нельзя действовать иначе... Япония бросила нам прямой вызов... только время покажет, чем все это кончится»[1].

Монополистическим устремлениям Японии противостоят столь же монополистические притязания американского империализма на тот же объект—Китай. Америка исторически втягивается в конфликт на Тихом океане, который в конечном счете не может иметь другого разрешения кроме насильственного.

«Ничто, имеющее отношение к весовым или даже невесовым элементам политики и экономики, не представляет большей достоверности, чем то, что Америка либо сумеет изменить нынешнее положение и ход событий на Дальнем Востоке и в Тихом океане, либо должна будет драться за свое собственное существование».

Это писал американский публицист Миллард в 1921 г.; это сугубо верно применительно к настоящему времени.

Руководящие круги американского капитала не могут не отдавать себе отчета в том, какие перспективы открывают захват и укрепление Японии даже в одной только Манч-

---

[1] Dulеss, «Amerika in the Pacific», 1933. Предисловие.

журии, где японский империализм, как уже сказано, приобретает заповедную базу и плацдарм, увеличивающие его военную мощь и позиции против САСШ и СССР. Само собой разумеется, что представление, будто САСШ в силу своего неисправимого пацифизма или по другим причинам не способны отстаивать свои интересы в Китае в случае надобности военной силой, является полнейшим вздором. В своей собственной сфере, в Латинской Америке, САСШ за последние 35—40 лет осуществили, по подсчетам английского автора[1], 4 вооруженных интервенции на Кубе, 5—в Панаме, 6—в Доминиканской республике, 6—в Никарагуа, 1—в Гаити, 2—в Мексике, 1—в Колумбии, 1—в Коста-Рике и 6—в Гондурасе. И в западном бассейне Тихого океана, где в силу политических и географических условий САСШ вынуждены действовать другими методами, пацифизм Америки довольно относителен. «Все привыкли считать нас мирным народом,—писал в журнале «Liberty» в январе 1932 г. бывший начальник военной авиации САСШ ген. Митчель по поводу надвигающегося столкновения с Японией,—но в действительности Америка—одна из самых воинственных великих наций на земле и в то же время наименее подготовленная к войне». Что касается в частности Китая, то известный американский журналист Гиббонс, ссылаясь на нахождение в Пейпине и Тяньцзине американских гарнизонов, писал в газете «New York Times» от 14 февраля 1932 г. следующее:

«30 лет спустя после захвата Филиппин мы можем констатировать, что мы оккупируем китайскую территорию уже в течение целого поколения. Со времени беспорядков 1927 г. мы вместе с Англией, Японией, Францией и Италией участвуем в содержании военных сил в Шанхае. Мы играем крупнейшую роль в полицейской охране рек Янцзы и Кантонской. Наша армия и флот действуют в Китае, опираясь на перманентную базу на Филиппинах, и мы содержим высокоразвитые морские базы на Гавайских островах. Когда мы раньше заверяли Китай, что мы его друг и стоим на его стороне против захватнических иностранных аппетитов, мы не имели сил за собой. В настоящее время Китай уже три декады находится в сфере наших военных операций».

Между тем САСШ несомненно отстали от своих соперни-

---

[1] Статья Гарольда Никольсона в лондонской «Daily Telegraph» от 6 мая 1933 г.

нов и противников в дело военной подготовки вообще и подготовки к морской и воздушной войне на Тихом океане в частности. Морской флот САСШ долгие годы находился в некотором загоне и нужно не мало времени, чтобы нагнать упущенное[1]. Далее американский капитализм ранен мировым экономическим кризисом сильней пожалуй, чем другие руководящие капиталистические страны, и этот кризис, в конечном счете разумеется усиливающий наступательный характер американской внешней политики—и в частности политики на Тихом океане,—вместе с тем вынуждает американский империализм на ближайшем этапе к сугубой сдержанности. Решающим фактором этой сдержанности являются однако внешнеполитическая изоляция САСШ и неблагоприятное для них соотношение сил на международной арене. Из многих моментов, образующих эту неблагоприятную для САСШ ситуацию, важнейшим является конечно обострение мирового англо-американского антагонизма, в рамках которого (как и в рамках борьбы двух систем) развивается японо-американский конфликт на Тихом океане.

Все эти моменты, в частности обострение кризиса и обострение англо-американского антагонизма, в сугубой степени сказались именно за последние месяцы после смены правительства в Вашингтоне (4 марта 1933 г.), совпавшей между прочим, как известно, с гигантским банковским крахом, который в дальнейшем привел к окончательному отказу Америки от золотого стандарта и к своеобразной валютной войне обесцененного доллара с еще более обесцененным фунтом стерлингов и с иеной.

Ряд фактов вынуждает однако Америку к сдержанности. Прежде всего война, которую придется вести на столь отдаленном театре военных действий, через всю громаду Тихого океана и без соответствующих баз (Филиппины и Гуам,

[1] По заявлению сторонников усиления военно-морского строительства в американском конгрессе, за четыре года правления Гувера не была санкционирована постройка ни одного нового военного судна, а 275 единиц морского флота уже вышли за свой предельный возраст. В начале 1933 г. Америка имела не устаревших судов только 101 единицу против 138 в британском флоте, 184—в японском, 124—во французском и 93—в итальянском. С Вашингтонской морской конференции 1922 г. Америка построила только 40 судов, тогда как Британская империя построила 148 судов, Япония—164, Франция—193 и Италия—144. Для достижения норм, разрешенных договорами, Америке предстоит построить еще 119 судов, Британской империи—только 66 судов, Японии—только 7 судов, Франции—только 2 и Италии—только 3 судна (сообщение «United Press» из Вашингтона, апрель 1933 г.).

которые по Вашингтонскому соглашению запрещено укреплять, могут быть сразу же захвачены Японией), представляет огромные технические трудности ввиду исключительно благоприятных стратегических позиций, занимаемых Японией.

Правительство Рузвельта в отличие от его предшественника воздерживается пока от каких-либо открытых выступлений по дальневосточному вопросу. На деле однако это правительство продолжает борьбу с Японией с неменьшей целеустремленностью. Известное обращение Рузвельта от 16 мая 1933 г. к главам 53 государств мира (включая Советский союз) с предложением заключить генеральный пакт о ненападении и признать нарушением этого пакта всякую несанкционированную международными договорами посылку вооруженных сил на территорию другого государства направлено против Японии еще в большей мере, чем против Германии. Америка продолжает свои попытки сколачивания антияпонского фронта империалистов. Америка попрежнему вооружает и по мере возможности мобилизует против Японии китайскую реакцию (которая впрочем оказывается, как мы видели, маломощным и никуда негодным орудием этой политики)[1].

---

[1] Японская пресса с все возрастающей тревогой сообщает о хлынувшем в Китай в 1933 г. потоке американского оружия, американских аэропланов и американских кредитов на их приобретение. Из японских же источников распространяются сообщения о секретном авиозайме нанкинскому правительству в 10 млн. долл. и о меньших по размеру военных займах китайской XIX армии (провинция Фудзян) и кантонской группировке, а также о стремлении Соединенных штатов приобрести новые базы на Азиатском континенте. Все это конечно опровергается с американской стороны.

Ярким примером американской активности является предоставленный Америкой нанкинскому правительству через тесно связанного с американским капиталом нанкинского министра финансов Сун Цзе-вэня хлопковый и пшеничный заем 1933 г., в сумме 50 млн. долл. Заем этот, предоставляемый номинально на 3 года, отнюдь не является просто коммерческой сделкой, вызванной стремлением сбыть часть излишков американской продукции. Пшеница и хлопок по прибытии в Китай продаются за золото иностранным купцам для получения наличных денег, которые нужны нанкинскому правительству для его военных и политических расходов. Это значит, что сделка с Китаем отнюдь не открывает добавочных возможностей для американского экспорта, ибо за счет хлопка и пшеницы, ввезенных в Китай и оттуда снова выброшенных на мировой рынок, сократится прямой американский экспорт в другие страны. Это значит, что заем имеет политический характер и свидетельствует об активизации контрнаступления американского империализма в Китае. Добавим, что, как нам уже приходилось отмечать, в лагере китайской реакции заметно обострилась за последние месяцы внутренняя борьба (группировка Сун Цзе-вэня против группировки Хуан Фу), являющаяся прямым отражением американо-японского конфликта.

Наконец именно при новом американском правительстве форсированными темпами ведется непосредственная военная подготовка, которая заведомо имеет самое непосредственное отношение к угрожающим перспективам конфликта на Тихом океане. В июне 1933 г. утверждена Рузвельтом и с тех пор осуществляется новая трехлетняя программа военно-морского строительства, предусматривающая сооружение 37 военных судов, а именно: одного тяжелого крейсера в 10 тыс. *т* с 8-дюймовыми орудиями, 3 легких крейсеров с 6-дюймовыми орудиями, 2 авиоматок, 21 эсминцев, 4 подводных лодок и 2 канонерок—всего общим тоннажем 127 тыс. *т* и стоимостью 238 млн. долл. Средства эти ассигнованы за счет номинального фонда в 3 300 млн. долл., созданного для финансирования общественных работ, но в других направлениях кроме морских вооружений используемого очень слабо. Тогда же в июне 1933 г. Рузвельт утвердил ассигнование 9 362 тыс. долл. на строительство морской авиации. Ожидается дополнительное ассигнование в 77 млн. долл. на переоборудование и перевооружение американского линейного флота. Программа морского строительства, принятая летом 1933 г., это только начало, ибо для достижения полной договорной нормы Соединенным штатам предстоит еще построить суда общим тоннажем в 174 тыс. *т* (в том числе 2 авиоматки, 3 легких крейсера, 65 эсминцев и 18 подлодок)[1], а новый морской министр Соединенных штатов Свэнсон не устает твердить, что правительство ставит своей задачей создание флота, полностью соответствующего договорной норме и не уступающего никакому другому в мире. «Такой флот будет величайшим вкладом, который Соединенные штаты могут сделать в дело мира»,—заявил Свэнсон в газетном интервью 10 июля 1933 г.

Что речь идет именно о подготовке к событиям на Тихом океане, свидетельствуют также лихорадочное переоборудование главной морской базы САСШ на Тихом океане (на Гавайских островах), далее—проведенное в 1933 г. специальное обследование Аляски и Самоанских островов с точки зрения возможности их использования в качестве баз для операций американского воздушного флота против Японии и наконец—грандиозные военно-морские и воздушные маневры американского флота в Тихом океане, где в качестве подразумеваемого противника взята Япония

---

1 «Japan Advertiser» от 14 ноября 1933 г.

(японский флот отвечает на это собственными маневрами, в которых те же тактические и стратегические проблемы будущего японо-американского столкновения разрешаются с другой стороны).

О том, каким напряженным представляется руководящим кругам американского флота положение на Тихом океане, можно судить хотя бы по следующему заявлению начальника оперативного отдела морского министерства адмирала Пратта, сделанному накануне его ухода в отставку в мае 1933 г.:

«Для меня остается вопросом, не является ли нынешнее поведение Японии слишком необдуманным и поспешным и приведет ли к добру Японии в будущем то, что сейчас кажется ей наилучшим».

Политика Соединенных штатов в отношении СССР и позиция американской буржуазии не монолитна. В Америке, как и в среде других капиталистических стран, существуют влиятельные ультра-реакционные круги, которые считают сокрушение СССР любыми средствами не только главной, но и *«первоочередной»* политической задачей. К этим американским твердолобым, руководствующимся голой классовой ненавистью, примыкают из тактических соображений все те, чьи имущественные интересы пострадали в результате Октябрьской революции, или кто сталкивается с конкуренцией со стороны советского экспорта (марганец, лес, отчасти нефть). Фашистские, фашиствующие и социал-фашистские организации вроде американского легиона или верхушки Американской федерации труда более или менее приветствовали манчжурскую авантюру японского империализма, поскольку она имеет своей перспективой антисоветскую авантюру, и с нескрываемой надеждой ожидали скорейшего перехода этой авантюры на антисоветские рельсы.

Но в САСШ этот антисоветский лагерь гораздо слабее и гораздо менее активен, чем в руководящих европейских странах. Он слабее хотя бы потому, что в отличие от европейских стран руководящие круги армии и флота САСШ вовсе не являются застрельщиками антисоветских планов. Это в свою очередь находит себе объяснение в том, что антисоветские прописки твердолобого лагеря не только не связаны с животрепещущими практическими проблемами американского империализма, но в значительной мере прямо противоречат его важнейшим и насущным интересам. Главная сфера политики этого империализма—

Берингово море
Охотское море
Дэтч Харбор
Виктория
Сан-Франциско
4200 миль
4830 миль
Гонолулу
(Ам.)
Манила
о-ва Гавайские
(САСШ)
3360 миль
о. Марианские (Яп.)
О. Гуам (САСШ)
о. Маршальские
(Яп.)
о. Каролинские
(Яп.)
Сингапур
(Анг.)
Нов. Гвинея
Панама
Гаити
2214 миль
О. Самоа
(САСШ)
П. Дарвин
Брисбен
Фримэнтль
Сидней
Мельбурн
Окленд
Уэллингтон
Нов. Зеландия
ВОЕННО-МОРСКИЕ БАЗЫ
САСШ, Англии и Японии
НА ТИХОМ ОКЕАНЕ.
Япония
САСШ
Англия

Центральная и Южная Америка—максимально удалена от того театра военных действий, о котором мечтают твердолобые. В европейских делах интересы САСШ и СССР также нигде не сталкиваются. Наконец на Дальнем Востоке—второй по наличному, но первой по потенциальному значению американской сфере—конкретным экономическим и политическим интересам американского капитала угрожает конечно не Советский союз, а именно тот самый японский империализм, который твердолобые всего мира провозглашают спасителем цивилизации и оплотом против большевизма. На Дальнем Востоке следовательно «чувство и рассудок», т. е. голая классовая злоба и практический расчет должны оказаться в конфликте даже с точки зрения самых реакционных слоев американской буржуазии, не говоря уже о ее руководящих слоях. В 1918—1920 гг. этот же конфликт предопределил фактическую бездеятельность американской экспедиционной армии во время международной интервенции на советском Дальнем Востоке, в которой САСШ принимали участие именно для создания противовеса захватнической политике Японии. Этот факт побудил советское правительство при возобновлении отношений с САСШ в ноябре 1933 г. отказаться от своих претензий к САСШ в части, касающейся интервенции на Дальнем Востоке.

В плане подготовляемого японскими империалистами конфликта и войны с Советским союзом «твердолобому» сектору в лагере американской буржуазии противостоит гораздо более влиятельный лагерь, усматривающий сегодняшнего врага САСШ именно в лице Японии и стремящийся в той или иной форме опереться на Советский союз чтобы остановить японское наступление. Факт тот, что события на Дальнем Востоке явились уже мощным дополнительным фактором, побудившим американское правительство к восстановлению официальных отношений с Советским союзом.

Само собой разумеется, что инициатива правительства Рузвельта в этом направлении повелительно диктовалась самым фактом огромного экономического и политического роста Страны советов за последние годы, колоссальными успехами ее социалистического строительства и укреплением ее международного положения. Совершенно очевидно также, что в том почти единодушном одобрении, с которым американская пресса встретила обращение президента Рузвельта к т. Калинину от 10 октября 1933 г. с предложением

переговоров на предмет восстановления *дружественных* отношений и самый факт возобновления этих отношений, немалую роль сыграли воспитательное действие *кризиса* в САСШ и огромное дальнейшее повышение заинтересованности САСШ в советском рынке с его грандиозными возможностями и непрерывным ростом покупательной способности. Все же чрезвычайно характерно, что вся мировая печать расценивала обращение Рузвельта и установление советско-американских отношений в определенной связи с положением на Дальнем Востоке и с советской политикой активной борьбы за мир.

«Признание СССР Америкой окажет влияние на все мировое положение, но в особенности может повлиять на Дальний Восток»,—писал 21 октября редактор газеты «New-York Times» Эдвин Джемс.

«Японская военная партия,—писал тогда же редактор иностранного отдела газетного треста Скрипс Говард Симмс,—выдвинула специфические планы экспансии в Азии. Возобновление нормальных отношений между СССР и Соединенными штатами может предотвратить взрыв на Востоке».

«Нью-йоркский корреспондент «Manchester Gardian» сообщал на другой день после опубликования переписки Рузвельта с т. Калининым:

«Хотя многие указывают, что главным побуждением для Америки в данном случае служили надежды на улучшение торговли, весьма вероятно также, что самая важная причина американской инициативы—это положение на Дальнем Востоке. Соединенные штаты за последние несколько месяцев испытывают все более сильную озабоченность по поводу политики Японии. Между тем хорошо известно, что, по мнению вашингтонских официальных кругов, положение Америки значительно улучшилось бы в результате сближения с СССР».

«Рузвельт вынужден считаться с агрессивной политикой Японии,—читаем мы в передовой этой газеты от 23 октября 1933 г.,—...Китай не в состоянии сам по себе отразить японское вторжение... Предложение признания со стороны САСШ значительно укрепляет позиции СССР в отношении Японии».

«Признание СССР Америкой,—указывала французская газета «Petit Parisien» 19 ноября 1933 г.,—имеет большое политическое значение. Оно последовало как раз в тот момент, когда политика Японии в Манчжурии и же-

лание японского правительства усилить свою морскую мощь вызвали в Америке большие опасения относительно сохранения равновесия на берегах Тихого океана». Другой французский орган «Notre Temps» в тот же день заявляет: «17 ноября (дата установления отношений САСШ и СССР) *останется решительной датой в истории тихоокеанской проблемы*».

Но само собой разумеется, что советско-американское сближение не снимает ни разделяемых некоторыми кругами американской буржуазии расчетов на советско-японский конфликт и войну и взаимное ослабление обоих противников, ни тем более основного противоречия нашей эпохи—противоречия между капиталистическим миром, с одной стороны, и Советским союзом—с другой. Поскольку речь идет о Дальнем Востоке, это основное противоречие в частности обостряется проблемой дальнейшего развертывания китайской революции, в изоляции которой от Советского союза и в разгроме которой заинтересованы все империалистические страны.

европейские

ИМПЕРИАЛИСТЫ

в дальневосточном конфликте

Крупным, практически до сих пор даже решающим фактором развития дальневосточного конфликта—в противовес непримиримости американского империализма по отношению к японской агрессии—являлась фактическая поддержка последней со стороны европейских империалистов—Франции и Англии. Эта общая поддержка, неодинаковая в разных периодах, основывалась однако на различных предпосылках.

Для Франции восточноазиатский участок борьбы играет второстепенное значение: ее главные империалистические интересы концентрируются в Европе и Северной Африке; соответственно она играет на Дальнем Востоке второстепенную роль. В Китае, а также и в Манчжурии Франция не располагает торговыми или политическими позициями, которые могли бы итти в сравнение с позициями трех главных тихоокеанских держав. При всем том французский капитал, финансовая мощь которого значительно возросла за последние годы, активно ищет путей внедрения на Дальнем Востоке. Союз с Японией, восстанавливающий в новых условиях положение, аналогичное тому, которое существовало во времена франко-русского союза, обеспечил бы ему новую возможность экспансии на Дальнем Востоке с помощью чужих штыков; к тому же политика и интересы японского и французского империализма на Дальнем Востоке не расходятся. Курс на раздел Китая, взятый Японией, устраивает и Францию, которая не заинтересована в status quo в Китае и со своей стороны претендует на его юго-западные районы, прилегающие к Индо-Китаю, в которых она как раз во время манчжурских событий уже осуществляла интервенцию против китайской красной армии. Поддержка японской агрессии в Манчжурии гармонировала и с известным обострением в условиях мирового

кризиса франко-американских противоречий. Эта поддержка в сугубой степени отвечала антисоветским устремлениям французской реакции, выдвигавшимся до недавнего времени на первый план французской внешней политики.

Но вместе с тем эта дальневосточная политика французского империализма заведомо поставлена в рамки, предопределяемые потребностями имеющей для него гораздо большее значение *европейской политики*. Поддержка Японии осуществляется Францией постольку, поскольку она совместима с этими европейскими интересами. Отсюда довольно заметное охлаждение Франции к дальневосточным авантюрам, особенно антисоветским, с момента появления у власти германского фашизма и связанного с этим крайнего обострения всей системы версальских противоречий, уже повлекшего за собой известную перегруппировку сил в Европе.

В отличие от Франции английский империализм жизненно заинтересован в положении на Тихом океане, на котором расположены важнейшие его доминионы и колонии (события на Дальнем Востоке в той или иной степени затрагивают не только Индию и Малайю, но и Австралию, Новую Зеландию и Канаду. С другой стороны Англия является третьей и поэтому в некоторой степени решающей силой в тихоокеанском империалистическом конфликте. В отличие от Франции Англию разделяют с Японией глубокие и реальные противоречия. Экономическое соперничество на Тихом океане (в области торговли, судоходства и вывоза капитала) наиболее интенсивно именно между Англией и Японией. В Китае Англия располагает огромными и разветвленными интересами, которым непосредственно угрожает японская экспансия. Даже в Манчжурии, где английский капитал до конфликта имел определенные интересы, связанные с пекин-мукденской железной дорогой, торжество Японии повлекло за собой для него определенные потери. Дальнейшая японская экспансия угрожает всей британской колониальной империи на Востоке, не исключая тихоокеанских доминионов и Индии.

Отсюда следует, что сколько-нибудь длительный сговор между Японией и Англией невозможен. Но если наступление Японии в Восточной Азии несет в себе определенную угрозу английскому империализму, то американская экспансия представляет собой еще большую угрозу Англии и притом не только на Тихом океане, но и во всем мире. Англо-японские противоречия перекрываются таким образом

ии англо-американским антагонизмом. Что самое важное,— весь этот комплекс империалистических противоречий развивается на основе и во взаимодействии с основным противоречием нашей эпохи—борьбой двух систем. Страх перед поднимающейся колониальной революцией на Востоке, одинаково угрожающей Японии и Англии, и их общие антисоветские тенденции толкают их к сближению, хотя по существу они остаются противниками. Будучи застрельщиками в борьбе мировой реакции с Советским союзом, английские твердолобые поддерживают Японию, ибо видят в ней международного жандарма, единственно способного, по их расчетам, воздвигнуть барьер между китайскими советами и Советским союзом и являющегося мощным орудием в борьбе с ними обоими.

В этой связи стоит привести знаменательную телеграмму Рейтера из Лондона от 24 августа 1932 г. Анализируя позицию консервативного крыла английского парламента в дальневосточном вопросе, Рейтер замечает:

«Это крыло отдает себе отчет в тех затруднениях, которые Япония встречала за последние годы в своих отношениях с Китаем. И в то же время они усматривают в Японии единственный прочный барьер на Дальнем Востоке против советской политики мировой агрессии(!?), которая в настоящее время направлена главным образом против индийской границы и против границ восточных соседей России. Военные и морские круги поддержат любую акцию, способную противодействовать этой русской опасности».

Несмотря на различные предпосылки, линии французской и английской политики в дальневосточном вопросе с первых этапов конфликта и вплоть до весны 1933 г. почти буквально совпадали—и в том смысле, что обе эти державы одинаково решительно уклонялись от предлагаемых САСШ антияпонских демонстраций, и в том смысле, что обе они проявили одинаково активную заинтересованность в максимальном заострении японской агрессии против Советского союза. Эта линия нашла себе яркое выражение в той весьма постоянной и последовательной позиции, которую заняли в манчжурском вопросе наиболее влиятельные органы реакционной печати в обеих странах. С первых дней газета «Matin», как и ряд других реакционных французских органов, имеющих прочные японские связи, использовала события в Манчжурии.

«Позади двух сторон, спорящих перед трибуналом

Лиги наций,—писал Стефан Лозанн в «Matin» в ноябре 1931 г.,—стоит третья, командующая силами анархии, мастером которой она является,—Советская Россия. Это она стоит позади Китая. Это она вдохновляет его. Нельзя игнорировать ее зловещих махинаций, нельзя игнорировать ее искусства отравлять. Становиться на сторону Китая—значит становиться на сторону Советской России».

Даже во время шанхайских событий, когда, вообще говоря, отзывы мировой буржуазной прессы были наименее благоприятны для Японии, французские реакционные органы печати находили только слова сожаления по поводу допущенных Японией военных ошибок и по поводу того, что Япония оказалась слабее, чем ей следовало быть.

«Для Японии крайне необходимо немедленно добиться успеха,—озабоченно заявляет «Liberté».—Если Япония потерпит неудачу или пройдет слишком много времени, пока она добьется результатов, то это может вызвать тяжелые последствия для всего мира и для нее самой. Нужно действовать и действовать скорее».

В остальном французская реакционная пресса осталась верна своей позиции.

«Жаль разумеется,—философски замечает Сепбриз в газете «Journal» 21 февраля, т. е. в самый разгар шанхайских боев,—что усилия, направленные на достижение соглашения, в течение многих месяцев ни к чему не привели. Но что это доказывает, если не то, что в Китае есть может быть китайцы, способные использовать механизм Лиги, но что там нет правительства, способного обеспечить права иностранцев».

Позиция английской печати не менее характерна. Не только твердолобая пресса, главный тезис которой сводится к тому, что

«Япония оказывает хорошую услугу цивилизации, восстанавливая мир и порядок в Манчжурии и выполняя ту самую функцию, какую Англии приходится выполнять в Египте и в других местах» (передовица «Daily Mail» от 10 декабря 1932 г.»),

но и более ответственные («Times») и более умеренные («Observer») органы английского империализма вели и ведут хотя и уклончивую (отказ возложить все бремя ответственности на одну сторону—«Times») и полностью не совпадающую с Японией, но явно благоприятствующую ей линию.

«Если бы не Япония,—заявлял Гарвин в «Observer» 15 ноября 1931 г.,—Китай вообще не имел бы доступа в Манчжурию, ибо она была бы захвачена Россией... Экономическое развитие Манчжурии явилось следствием мира и безопасности, которые были установлены Японией, вместо анархии, бедствий и беспрерывной войны и бандитизма в Собственно Китае... Весь инцидент имел место в пределах территории, в отношении которой существуют претензии, до сих пор недостаточно определенные и разграниченные... Японские требования в большей своей части бесспорны юридически и неотвратимы фактически».

Три момента отличали однако на предшествующих этапах дальневосточного конфликта позицию английской прессы от французской.

Во-первых, либерально-реформистский сектор английской печати гораздо более активен в своих нападках на Японию, причем эти нападки явно диктуются не только заботой либералов и реформистов о сохранении пацифистских иллюзий в массах или о поддержании престижа Лиги наций, но и сознанием угрозы, которую японская экспансия представляет для конкретных интересов английского капитализма на Востоке. За спиной этой политической оппозиции стоят к тому же влиятельные круги английской буржуазии (в частности круги, связанные с Манчестером и с текстильной промышленностью), испуганные угрозой, которую представляет для них японский демпинг.

Во-вторых, позиция консервативной печати также не оставляет сомнения в том, что поддержка Японии ограничена рамками манчжурского вопроса. В период шанхайских боев тон этой печати резко меняется, и сразу же обостряется наличие обостренных англо-японских противоречий.

«Мы оправдывали действия Японии в Манчжурии,—заявлял «Observer» 31 января 1932 г.,—по единоличное и произвольное нападение на Собственно Китай и особенно на Шанхай, где соприкасаются все международные интересы, это другой вопрос».

«Японский народ должен к этому времени начать понимать,—заявлял «Times» в передовице 3 февраля 1932 г.,—что его морские и военные представители в Китае быстро потеряют мировое общественное мнение против их страны... В Шанхае еще более чем в Манчжурии урегулирование вопроса должно быть международным. Дру-

гие страны кроме Японии имеют огромные интересы в великом китайском торговом центре, и они не останутся бездеятельными в то время, как там насильственно создается привилегированное положение для Японии».

«Британские жизни и имущества уже находятся в опасности»,—

заявляла объединенная декларация Генерального совета тред-юнионов и лейбористской партии, изданная в двадцатых числах февраля 1932 г., с требованием разрыва дипломатических отношений с Японией и применения к ней экономических и финансовых репрессий. Незадолго перед ее выпуском на страницах либеральной «News Chronicle» выступил секретарь объединенных британских торговых палат в Китае и Гонконге Гуль с заявлением, что

«...если Япония намерена развернуть пропаганду полной гегемонии в Китае, то... под угрозой оказались бы не только «открытые двери», но и безопасность наших торговых путей в Тихом океане и даже наших доминионов в Австралии и Новой Зеландии»

Коллективное письмо в «Times» от 18 февраля 1932 г. лорда Сесиля, экономиста Солтера и руководителей небезызвестной «China Association» (объединение английских промышленников, банкиров и купцов, связанных с Китаем), решительно возражает против утверждений, будто нынешний курс на Дальнем Востоке не затрагивает английских интересов. Напротив...

«Британская империя жизненно заинтересована» между прочим и потому, что «подчинение военной диктатуре Японии будет иметь катастрофические последствия для нас в Индии и вызовет сильнейшую тревогу в Австралии и Канаде». «Наступило критическое время и для Британской империи и для Лиги наций—заканчивают авторы письма.—Под угрозой мир всего мира».

Напомним, что японские войска были выдворены из Шанхая главным образом усилиями именно английской дипломатии, правда ценой дальнейшего укрепления англо-японского сговора относительно Манчжурии. Как мы увидим ниже, этот момент сказывается и в связи с захватом Жехэ и главное японским вторжением в Собственно Китай.

В-третьих, применительно к Манчжурии даже твердолобые газеты неизменно оговаривали свои выступления в пользу Японии ссылкой на уверенность, что последняя, дескать, будет соблюдать принцип открытых дверей.

«Япония указывает,—пишет «Morning Post» в передо-

вой от 7 декабря 1932 г.,—что новое манчжурское государство в отличие от гоминдана не имеет никаких антииностранных чувств, намерено соблюдать все международные обязательства Китая, поскольку они применимы к Манчжурии, и будет добросовестно соблюдать принцип «открытых дверей». Пока эти обещания не нарушены, мы согласны с Японией, что нужны терпение и симпатия».

Это впрочем лишь принципиальная установка, ибо те же органы прессы отнюдь не реагируют на общеизвестный и неоспоримый факт полнейшей монополизации манчжурского рынка японскими оккупантами»[1].

Позиция английского империализма выявлялась также на всем протяжении конфликта в тех немногих, но типичных высказываниях по дальневосточному вопросу, какие имели место со стороны представителей английского правительства и парламента. С поразительным постоянством министр иностранных дел Англии Саймон каждый раз находил новые предлоги для того, чтобы избежать резкой постановки вопроса.

В этой связи нужно также остановиться с точки зрения политических интересов Англии на той экономической войне, которая на деле происходит между Японией и Англией. Мы уже говорили выше в разделе о японском кризисе. Здесь нужно подчеркнуть, какое значение имеет проблема японской конкуренции для английского капитала. Вот несколько цифр, характеризующих общую тенденцию в развитии англо-японской экономической борьбы за последние два десятилетия, в частности на китайском и индийском рынках. В 1909—1913 гг. Англия ежегодно вывозила в Китай и в Гонконг 587 млн. линейных ярдов хлопчатобумажной ткани; в 1929 г. она вывезла 210 млн. ярдов, в 1930 г.—только 69 млн. Одной из важнейших причин этого падения английского вывоза

---

1 «Хотя манчжурское правительство время от времени заявляет, что оно приветствует участие иностранного капитала в экономическом развитии Манчжоу Го,— писал корреспондент «Manchester Gardian» в сентябре 1933 г.,—однако японские чиновники в Синцзине (Чанчунь) были заметно смущены, когда у них была запрошена конкретная информация по этому вопросу. После расспросов в других ответственных кругах я пришел к заключению, что помимо рискованных предприятий, которыми сами японцы не хотят заняться, не существует в настоящих условиях никакой возможности для инвестиций иностранного капитала в Манчжоу Го. Дверь может быть открыта, но, как здесь шутят, на пороге стоит слишком много японцев, чтобы кто-нибудь еще мог сюда заглянуть».

вилась японская конкуренция: в 1913 г. Англия вывезла в Китай и Гонконг манufактуры в 4 раза больше Японии, а в 1930 г.—в пять раз меньше. В 1913 г. импорт в Китай серого шертинга из Англии составлял 85% всего импорта; в 1930 г. импорт в Китай серого шертинга и ситинга из Японии составлял 73% всего импорта[1]. Двадцать лет назад Англия поставляла 97,5% всего индийского импорта хлопчатобумажных тканей, который в свою очередь составлял 68% индийского потребления манufактуры, но в 1932 г. Индия ввезла только 21% своего потребления, которое за эти двадцать лет увеличилось не намного (3 766 млн. кв. ярдов против 3 574 млн.), и в этом импорте на долю Англии приходилось только 49% и на долю Японии—44%[2].

Эта общая тенденция особенно сказывается конечно за последние годы в связи с японским валютным демпингом. Военное торговое наступление Японии развивается сейчас на гораздо более широком фронте, чем раньше; на всех рынках Британской империи, на всех вообще восточных рынках, в Южной и Центральной Америке и даже на европейском континенте, оно охватывает также гораздо более широкую номенклатуру товаров. Английская печать то и дело с возмущением сообщает о вторжении на тот или другой из этих рынков японских товаров по ценам, исключающим всякую возможность конкуренции. Обесценение иены является важным, но не единственным фактором этого демпинга: огромное значение имеет и колоссально низкий уровень зарплаты и общие условия труда в Японии. В бюллетене, выпущенном 1 апреля 1933 г., известная фирма Монтего в Лондоне приводит следующее сравнение зарплаты на фабриках искусственного шелка в Англии и в Японии. В переводе на английскую валюту японский рабочий получает 2 шилл. в день, английский—12 шилл. 10½ пенсов; японская работница получает 1 шилл. ¼ пенса, английская—5 шилл. 8 пенсов. При этом на японских фабриках рабочий день составляет не меньше 10 часов, на английских—8 часов. Таким образом зарплата на японских фабриках примерно в пять раз ниже английской, не считая более продолжительного рабочего дня. Английские фабриканты понимают, что у них нет возможности довести уровень жизни английского рабочего до

---

[1] «Board of Trade Journal», 16 IV, p. 482, 1931.
[2] «Japan Chronicle Weekly» от 27 июля 1933 г.

уровня японского рабочего, ибо подобная попытка была бы чревата огромными политическими опасностями для английского капитализма.

Особенную тревогу вызывает конечно в Англии положение на рынке хлопчатобумажных изделий.

«Имея менее 9 млн. веретен, Япония экспортирует больше, чем Ланкашир, насчитывающий 50 млн. веретен,—пишет лондонский «Times».—В 5 лет Япония может совершенно вытеснить нас с рынка...»,

между тем

«...если ланкаширская промышленность перестанет быть конкурирующим фактором в международной торговле, ... последствия этого так разорят нас в финансовом отношении и так подорвут наш торговый баланс, что это нанесет ущерб большему количеству людей, чем сейчас занято в этой индустрии».

Но под угрозой находится и ряд других отраслей британской промышленности, как и промышленности других стран, экспортирующих промышленные изделия.

Как известно английский империализм противопоставляет этой угрозе и всему японскому торговому наступлению таможенные мероприятия, создающие обстановку экономической войны. Эта война ширится по мере дальнейшего распространения антияпонских торгово-политических мероприятий по периферии Британской империи. В лагере английской буржуазии все громче становятся голоса, требующие полного изгнания японских товаров с рынков империи. Проекты соответствующих резолюций уже демонстративно предлагались (в июле 1933 г.) на заседаниях английского парламента. На конференции консервативной партии в Бирмингаме 7 октября 1933 г. при обсуждении такой же резолюции, которая из политических соображений была отвергнута, лорд Плимут, товарищ министра колоний, признал, что

«японская конкуренция является самой большой опасностью, с какой нам сейчас приходится иметь дело..

По поводу англо-японской конференции в Симле по вопросу о вывозе хлопчатобумажных тканей в Индию консервативная и в прошлом хорошо к Японии расположенная газета «Daily Expresse» писала:

«Необходимо вежливо напомнить японским представителям, что они имеют дело с Британской империей, а не с небольшой ее частью, и что если они приставят дуло к виску правительства, то нам придется прибегнуть к

более суровым ответным мерам, чем те, которыми мы надеялись ограничиться».

В ноябре месяце 1933 г. в английском парламенте имел место ряд энергичных выступлений депутатов-консерваторов, связанных с интересами Ланкашира, требовавших борьбы с японским демпингом. Соответствующая поправка была предложена к ответному адресу на тронную речь при открытии ноябрьской сессии. Новейшая резолюция того же содержания, внесенная в конце ноября, была даже принята правительством, впрочем лишь с целью повлиять на ход торговых переговоров в Индии. (Согласно традициям английской палаты общин резолюции, принятые по средам, носят необязательный, чисто демонстративный характер.)

Серьезное значение этих экономических противоречий между Англией и Японией не может вызвать спора. Ясно также, что англо-японский конфликт на мировых и в частности на имперских рынках *не представляет собой на данном этапе чего-либо преходящего*. По мере обострения внутренних противоречий японского капитализма он будет находиться все в большей зависимости от внешних рынков. Чем глубже увязает японский капитализм в его китайской и вообще континентальной авантюре, тем большую важность для него будет представлять беспрепятственное развитие демпинга на этих внешних рынках, с помощью которого Япония только и может выправлять свой расчетный баланс, обремененный огромным импортом оружия, военных материалов и сырья для военной промышленности. С другой стороны, в условиях мирового кризиса капитализма мирный и благополучный раздел рынков ко всеобщему удовольствию является утопией и мифом; напротив, англо-японская борьба будет неизбежно обостряться и дальше. На обозреваемый период времени *она останется важным и перманентным фактом англо-японских отношений*.

Все однако указывает на то, что *она не является фактором решающим* и что она по всей видимости не заставит британский империализм отказаться от принятого им политического курса по отношению к Японии, курса, который определяется как антиамериканскими, так и в первую очередь *антисоветскими* устремлениями этого империализма. Позиция английского правительства в острейшем вопросе о японском демпинге остается уклончивой, соглашательской позицией. Позиция английской дипломатии в вопросе об экономическом и политическом продвижении Японии в

Собственно Китай равным образом остается сдержанной и соглашательской. Курс, которому следует не только твердолобая пресса, но и руководящие консервативные органы во главе с «Times», опять-таки не оставляет сомнений в том, что представленные ею круги при всех обстоятельствах не хотят отказываться от пресловутой старой дружбы, хотя она и была в некоторых отношениях разорительной. Бесспорно, что одной из важнейших политических задач английского империализма является приостановка японского наступления. Однако в Лондоне разрешения этой задачи ищут не в разрыве, а в сближении с Японией, не в аннулировании англо-японского сговора, а, наоборот, в его укреплении. За этот ответственный сговор, за возможность использовать и поощрять японскую агрессию в желательном для английской реакции направлении, *против китайской революции и против СССР*, эта реакция готова пойти на определенные материальные жертвы. Надо ведь учесть, что японская конкуренция бьет почти исключительно по *легкой индустрии* Великобритании, тогда как решающие круги и в нынешнем правительстве и в консервативной партии связаны с *тяжелой индустрией*, непосредственно не испытывающей серьезных потерь от японского демпинга. Это обстоятельство несомненно облегчает министру торговли Ренсимену неблагодарные попытки убедить лапкаширских промышленников, что их дела не так плохи, как они думают. Но суть дела в доминирующем значении политических моментов.

Но если таким образом на первых этапах дальневосточного конфликта позиции обеих руководящих европейских держав практически совпадали, причем французская поддержка Японии носила еще более активный характер, чем английская, то в процессе дальнейшего развития событий в дальневосточной политике этих держав наметились и продолжают намечаться некоторые сдвиги. Эта политика эволюционирует в разных направлениях.

В политике *Франции* решающим фактором является наступившее с начала 1933 г. крайнее обострение международно-политического положения в Европе. Угроза, которую представляет собой германский фашизм с его программой насильственного пересмотра договоров для европейской гегемонии французского империализма и для всей системы его европейской политики, воздействует на дальневосточную политику Франции одновременно по трем линиям. Она, во-первых, ослабляет на известном этапе собственную заинте-

ресованность французского империализма в дальневосточных и тихоокеанских делах. Она, во-вторых, делает Францию более податливой по отношению к Америке, которая в отличие от Японии имеет веское слово в европейских делах. Обострение версальских противоречий — при одновременном усилении противоречий между Францией и Англией — на почве маневров последней по отношению к Германии — создаст больше, чем раньше, предпосылки к франко-американскому сближению и сговору. Во всяком случае Франция в этой обстановке менее склонна к каким-либо открытым выступлениям в пользу Японии и стало быть против Америки. Помимо этого конкретная и близкая опасность насильственной постановки Германией вопроса об «аншлюсе» (присоединении Австрии к Германии), о пересмотре границ (за счет Польши и Малой Антанты — французских союзников) создает у всех французских группировок заинтересованность в максимально четком утверждении принципа территориального status quo, который на Дальнем Востоке поддерживается Америкой и *нарушается Японией*, — что опять-таки сближает Францию с САСШ и отдаляет ее от Японии. В третьих наконец, та же германская угроза по адресу Польши создает положение, при котором французский капитал на данном этапе в известной мере теряет свою прежнюю заинтересованность в антисоветских авантюрах в Европе, что должно сказаться и на ее отношении — опять-таки на данном этапе — к антисоветским планам японского империализма на Дальнем Востоке[1]. Все эти тенденции находятся еще в процессе становления; судить об их совокупных последствиях еще рано, но что они имеют определенное влияние на французскую дальневосточную политику, в этом не может быть сомнения, особенно после выхода Германии из Лиги наций и окончательного провала конференции по разоружению в октябре 1933 г.

Из этого никак не следует однако, что французский империализм не заинтересован или пассивен в дальневосточных делах.

---

[1] «Мы в праве констатировать, — писала французская газета «Volonté», близкая к тогдашнему правительству «левого блока», — что нынешние руководители Японии, милитаристы группы Араки, являются поджигателями войны. Франция не может равнодушно наблюдать серьезные события, которые надвигаются. Франция никоим образом не является сторонницей того, чтобы Советский союз, по отношению к которому она ведет политику сближения, являющуюся серьезным залогом мира, был вовлечен в кровавые конфликты в Азии».

Наоборот, именно в 1933 г. в связи с все более напряженной обстановкой на Тихом океане французский империализм по разным направлениям усиливает свою активность. Франция объявила об аннексии ею ряда Коралловых островов, расположенных между Филиппинскими островами и французским Индо-Китаем и имеющих не столько экономическое, сколько военное значение потенциальных баз для воздушного и подводного флотов. Этот акт вызвал официальный протест Японии и сильно встревожил японскую печать. В самое последнее время Франция занялась усиленным укреплением своих дальневосточных владений, в частности Индо-Китая (постройка новых военных аэродромов, усиление наличных военно-воздушных сил). Эти мероприятия находятся конечно в связи с фактом заметного сближения между Японией и фашистской Германией. Но с другой стороны именно за последнее время имели место предварительные шаги со стороны французского капитала к делу разведывания возможности французских инвестиций в Манчжурии (о результатах впрочем пока еще судить рано).

Английская политика тоже находится под воздействием весьма разных тенденций и притом тенденций противоречивых. Непрерывное дальнейшее углубление мирового экономического кризиса принесло с собой за последние месяцы значительное обострение экономических противоречий Англии как с США (долги, валютная война, провал мировой экономической конференции), так и с Японией (японский демпинг, антияпонские торгово-политические мероприятия на периферии Британской империи, рост антияпонских настроений в лагере английской буржуазии).

Эти экономические противоречия соответственно отражаются и в сфере политической. Наглядным свидетельством этого является новейший сдвиг в Англии в сторону еще более лихорадочного роста морских и воздушных вооружений. Влияние каждой из этих тенденций в отдельности на английскую политику на Дальнем Востоке не требует комментариев.

Противоречивые тенденции вырастают и из развития событий в самом Китае: обострение революционной ситуации в этой стране дополнительно *сближает* Англию и Японию, тогда как вторжение последней в Собственно Китай делает особенно настоятельной для Англии задачу *локализации* конфликта на Дальнем Востоке (т. е. задачу остановить японское наступление на юг в направлении,

угрожающем английским интересам). В этом последнем отношении характерно заявление газеты «Observer», вообще говоря, целиком поддерживающей Японию (передовая 15 января 1933 г.), о том, что вторжение в Жехэ и угроза, нависшая над Северным Китаем,—«это самый огромный и самый опасный факт сегодняшней мировой действительности» и что «мы должны решительно отказаться от признания Маньчжоу Го и сосредоточить все усилия на попытке отговорить Японию от прорыва Великой стены». После того как этот прорыв имел место, известный английский твердолобый журналист в Китае Вудхэд требовал, чтобы Японии не было оставлено никаких иллюзий относительно серьезности положения, которое создается в случае распространения ее нынешних военных действий на район Бейпина и Тяньцзина, а сдержанный «Times» в передовой 22 апреля 1933 г. заявляет: «Руки Японии полны; она набирает в них все больше, *и в один прекрасный день окажется, что она захватила больше, чем может удержать*». Перемирие в Северном Китае (весна 1933 г.) вызвало в английской консервативной прессе большое удовлетворение, но в Лондоне отдают себе конечно отчет в том, что задача остановить японское наступление в Северном Китае отнюдь еще не разрешена. Следует подчеркнуть, что именно за последние месяцы английский империализм, как и американский, заметно активизирует свое наступление в Собственно Китае (в частности см. ниже о «технической помощи» со стороны Лиги наций), где это наступление заостряется естественно в первую очередь против Японии.

Кризис на Дальнем Востоке на своих последних этапах вскрыл и обнажил тот факт, что *борьба против СССР является на данном этапе основной линией мировой политики английских твердолобых.* С самого начала этого кризиса английская политика поддержки Японии была заострена против СССР еще более, чем против Америки; с самого начала английский империализм руководствовался расчетом на переключение японской агрессии в сторону СССР. Не случайно в разгаре дальневосточной авантюры японского империализма английское правительство вступило на путь открытой антисоветской политики (расторжение торгового соглашения, наглая позиция, занятая в связи с процессом английских шпионов и вредителей, установление эмбарго на советские товары, снятое впоследствии). Не случайно также германский фашизм, пришед-

ший к власти с программой не только пересмотра Версаля, но и «экспансии на Востоке», т. е. нападения на СССР, присылает своих эмиссаров именно в лондонский штаб твердолобых, ставший Меккой для всех антисоветских сил. В основе соответствующих антисоветских планов лежит все тот же расчет на вторжение Японии в СССР на Дальнем Востоке, которое устранит на время хотя бы угрозу английским интересам в Северном Китае и вместе с тем послужит, по расчетам английских и японских империалистов, сигналом для антисоветской интервенции и в Европе. Вполне закономерно поэтому, что английские твердолобые одновременно являются к настоящему времени и главной силой, поддерживающей Японию, и руководителями мирового антисоветского фронта. Это подтверждено и выступлением лорда Ротермира с разработанной программой интервенции против СССР и раздела советских территорий.

ЛИГА НАЦИЙ

в действии и упадке

Позиция европейских империалистов предопределила разумеется и ход женевских дискуссий по дальневосточному вопросу. В этом деле Лига наций наглядно обнаружила свою нерешительность и слабость в борьбе с грабительской, хищнической политикой японского империализма, несмотря на то, что в своем значительном большинстве члены Лиги наций были заинтересованы в осуждении и приостановке захватнических планов Японии.

На первых этапах манчжурских событий задачей Лиги явилось благолепное трактование манчжурских событий как «конфликта» путем благочестивых напоминаний обеим сторонам—той, которая бьет, и той, которую бьют,—о необходимости воздерживаться от действий, способных усугубить конфликт. В дальнейшем Лига наций главным образом занималась изысканием способов наиболее благовидного уклонения от такой постановки вопроса о дальневосточных событиях, которая могла бы привести к открытому столкновению ее с Японией, т. е. практически шла на поводу у этой последней. Женевские дискуссии, более чем что-либо другое, обнаружили что, поскольку это зависит от европейских империалистов, японский империализм располагал в Манчжурии свободой рук.

Нет надобности подробно излагать ход этих дискуссий. Последовательные резолюции Лиги по манчжурскому вопросу представляли сплошное отречение от защиты Китая, ибо ни одна из них ни в малейшей степени не препятствовала дальнейшему развитию японской агрессии в Манчжурии. Первая из этих резолюций, от 22 сентября 1931 г., связывала вопрос об эвакуации японских войск с пресло-

вутой «безопасностью жизни и имущества японских подданных», которую японский империализм как раз и избрал предлогом своего наступления в Манчжурии. Вторая резолюция, от 30 сентября 1931 г., фактически подкрепляла японскую ложь относительно якобы начавшейся эвакуации японских войск («принятие к сведению» заявления японского представителя, что его правительство намерено продолжать с максимальной быстротой уже начавшийся отвод войск в пределах железнодорожной зоны), но не содержала ровно никаких предложений по существу той кровавой бойни, которая тем временем продолжалась в Манчжурии. Третья резолюция, от 24 октября 1931 г., представляла собой как будто шаг вперед, ибо она предлагала Японии немедленно начать и развить увод своих войск внутрь железнодорожной зоны, с тем чтобы этот увод был закончен до открытия следующей сессии Лиги наций, назначенной на 16 ноября. Она однако не была принята Японией и тем самым, в виду отсутствия требуемого единогласия—оказалась юридически недействительной. Четвертая резолюция, от 10 декабря 1931 г., ограничилась по существу принятием *японского предложения* о посылке на Дальний Восток комиссии для изучения положения на месте. Эта резолюция вызвала вздох облегчения в Женеве, ибо она позволяла снять манчжурский вопрос с обсуждения чуть ли не на целый год. В промежутке Лиге наций пришлось иметь дело с дальневосточным вопросом только в связи с шанхайскими событиями.

Значительное обострение международных противоречий в результате вторжения Японии в Шанхай позволило, казалось бы, Китаю рассчитывать на то, что Лига наций будет наконец вынуждена принять какие-то меры реального противодействия японской агрессии, почему Китай и потребовал применения ст. 15 устава Лиги, предоставляющей большие возможности для вмешательства. Но деятельность Лиги и в этом случае ограничилась сначала назначением комиссии из представителей держав на месте (эта комиссия в своих докладах попросту регистрировала ход военных действий), а затем принятием торжественной резолюции собрания Лиги, которая помимо обычной фразеологии свелась к назначению еще одного лишнего органа для обсуждения дальневосточного вопроса—«комиссии 19-ти» (председатель собрания, делегаты 10 стран—члены совета и 8 представителей других стран). На эту комиссию были возложены

поручения вроде: «представить доклад о прекращении военных действий в Шанхае», «проследить выполнение резолюций 30 сентября и 10 декабря» (как будто в них было, что выполнять), «подготовить разрешение спора по согласованию со сторонами в порядке абзаца 3 ст. 15 устава Лиги и представить доклад собранию» и т. п.

В этой последней резолюции был, правда, один новый момент: она заявляла, что «члены Лиги наций не обязаны признавать какого-либо положения договора или соглашения, которое создалось в результате применения методов, противоречащих уставу Лиги». На это постановление не раз, как мы указывали выше, ссылался в своих выступлениях американской государственный секретарь Стимсон, усматривая в нем победу американской доктрины непризнания. Что это заявление Лиги наций было направлено против Японии и имело действительно в виду непризнание результатов японского захвата, сомневаться не приходится, но, поскольку Лига наций не констатировала, что Япония нарушила устав своими действиями в Манчжурии и Шанхае, и эта часть резолюции официально практического значения иметь не могла.

Манчжурский вопрос был, как сказано, препоручен комиссии Литтона, посланной на Дальний Восток Лигой наций в соответствии с уже отмеченной резолюцией совета Лиги от 10 декабря 1931 г. Предложение о посылке этой комиссии, в состав которой вошли представители Америки, Англии, Франции, Германии и Италии, было внесено самой Японией с целью выиграть время, и в этом отношении японские расчеты вполне оправдались. Комиссия выехала только 3 февраля, избрала самый окольный путь—через Америку—и так долго задержалась в Японии и Шанхае, что попала в Манчжурию только много времени спустя после того, как Япония уже создала там «независимое» Манчжурское государство. Доклад комиссии был опубликован лишь тогда, когда Манчжурское государство уже получило официальное признание Японии. Все это давало основание японскому империализму рассчитывать, что комиссия и в своих выводах попросту санкционирует японское господство в Манчжурии.

Но Манчжурия была и остается объектом ожесточенной борьбы между империалистами, и манчжурский вопрос есть лишь часть китайского вопроса и тихоокеанской проблемы. Личный состав комиссии и роль, которую играл в ней американский представитель, привели к тому, что в докладе

ее в наибольшей степени отразились позиции не японского и даже не европейского империализма, а позиции САСШ. В итоге доклад комиссии оказался как по своей аргументации, так и по своим выводам горькой пилюлей для японского империализма и для его манчжурской агентуры.

Доклад этот составлен эзоповским языком, со множеством дипломатических оговорок и противоречий. Хотя отдельные места доклада поддаются различным толкованиям, в целом он безусловно направлен против Японии. Доклад этот прежде всего начисто отвергает всю японскую версию событий последнего года в Манчжурии. Правда, будучи документом ярко империалистического характера, он охотно подхватывает те антикитайские и в особенности антисоветские выпады, которыми японская пропаганда пытается подкрепить эту свою версию. Доклад охотно говорит о царящем в Китае хаосе и заявляет, что

> «...политические перевороты, гражданские войны, социально-экономические беспорядки и как следствие их слабость центрального правительства, являющиеся характерными чертами Китая со времени революции 1911 г., ...представляют собой угрозу миру во всем мире и являются дополнительной причиной мировой экономической депрессии».

Доклад буквально пересыпан также всевозможными антисоветскими намеками и инсинуациями и по этой линии полностью поддерживает утверждения неофициальной японской пропаганды.

Но установка доклада резко меняется, когда дело доходит до конкретных тезисов японской версии манчжурских событий. Эти тезисы, как известно, сводятся к следующему: 1) Япония исторически, политически и экономически обладает в Манчжурии «особым положением», которое уполномочивает ее в частности заботиться о сохранении мира и порядка в этом крае, представляющем собой ее «жизненную линию»; 2) японское выступление 19 сентября 1931 г. и все последующие военные действия Японии в Манчжурии были попросту актом самозащиты, необходимым для того, чтобы «предотвратить жестокое нападение на значительные права и интересы, жизненно важные для ее национального существования» (речь министра Уцида 27 августа 1932 г.), и следовательно Япония вовсе не нарушила пакта Келлога; 3) Манчжурское государство порождено добровольным движением за независимость, возникшим среди самих

манчжуров, почему признание этого государства не нарушает Вашингтонского договора девяти держав.

По всем этим пунктам авторы доклада заняли позицию, прямо противоположную японской. «Китайский народ,—заявляет доклад,—рассматривает Манчжурию как неразделыную часть Китая». Доклад Литтона отрицает также законность японских претензий на «особое положение» в Манчжурии. «Японская концепция этого «особого положения» не ограничивается тем, что законным образом определено в договорах и соглашениях с Китаем или другими государствами... Естественно поэтому, что другие государства находят затруднительным, если не вовсе невозможным, признать его в каких-либо международных актах». Притом, согласно заявлению доклада Литтона, претензии на «особое положение» или «особые права и интересы» в любой части Китая, включая Манчжурию, несовместимы с постановлениями Вашингтонского договора девяти держав 1922 г. Соответственно отвергается и японский тезис о самозащите. Приведя подробно японскую и китайскую версии событий 19 сентября 1931 года, доклад Литтона заявляет:

«Японцы тщательно подготовили свои планы на случай возможных враждебных действий между ними и китайцами, и в ночь на 19 сентября эти планы были осуществлены с быстротой и точностью. Китайцы со своей стороны... не имели плана нападения на японские войска, и японская атака и последующие операции застали их врасплох. Военные операции японских войск в течение этой ночи не могут быть рассматриваемы как меры законной самообороны».

Но особо резко заострена против Японии та часть доклада, которая посвящена Манчжурскому государству.

«Совершенно ясно,—заявляет доклад,—что движение в пользу независимости, о котором никто ничего не слышал в Манчжурии до сентября 1931 г., стало возможным лишь благодаря присутствию японских войск. Группа японских военных и гражданских чиновников задумала, организовала и осуществила это движение как выход из положения, создавшегося в Манчжурии после событий 19 сентября... По этим причинам нельзя считать, что нынешний режим создался благодаря действительному и добровольному движению в пользу независимости». Как известно, японский империализм считает манчжурский вопрос ликвидированным в силу акта признания

Японией Манчжурии. «С признанием Манчжурского государства этот вопрос умер»,—заявила японская газета «Дэндзи» 7 ноября. Комиссия Литтона придерживается другого мнения.

«Совершенно ясно, что поддержание и признание нынешнего режима в Манчжурии не являются удовлетворительным разрешением вопроса, ибо оно несовместимо с основными принципами существующих международных обязательств»,—заявляется в докладе.

В противовес японским притязаниям комиссия Литтона предложила свой собственный план, построенный на международном контроле над Манчжурией. Само собой разумеется, что интересы Китая вовсе не приняты во внимание женевскими посланцами. По заявлению доклада

«...простое восстановление status quo в Манчжурии также не является решением вопроса. Поскольку нынешний конфликт возник из условий, существовавших до сентября прошлого (1931) года, восстановить эти условия значит лишь привести к повторению беспорядков. Это значило бы рассматривать весь вопрос теоретически и не считаться с реальностью положения».

Комиссия Литтона рассматривает манчжурский вопрос со столь же империалистической точки зрения, как и японское правительство, но в качестве отправного пункта избирает тезис, что

«...другие страны... также имеют интересы в трех восточных провинциях. Помимо Китая и Японии другие мировые державы также имеют важнейшие интересы, которые они должны защищать в японо-китайском конфликте».

Будущее Манчжурии мыслится авторами доклада не иначе, как на базе «открытых дверей», т. е. одинакового доступа всем империалистическим интересам, и притом открытых дверей

«...не только с юридической точки зрения, но и на практике: в торговле, промышленности и банковском деле».

Сущность «плана Литтона» заключается в следующем. Номинально Манчжурия возвращается под суверенную власть Китая, который однако должен заранее отказаться от осуществления этой власти. Китайское правительство должно издать декларацию, в которой оно сохраняет за собой только право внешних сношений (теряющее конечно всякое значение в связи с закреплением международного контроля над Манчжурией), право управления таможен-

ной, почтовой и соляной службой (т. е. именно теми отраслями, управление которыми в Китае находится в руках иностранной администрации) и наконец право первоначального назначения главы исполнительной власти трех восточных провинций.

Место китайского правительства в качестве решающего фактора, который будет определять в дальнейшем судьбы Манчжурии, займет по этому плану не Япония, как в настоящее время, а своего рода консорциум держав, осуществляющих власть через посредство целой серии иностранных советников. Важнейшее место в этом плане занимает *увод из Манчжурии всех как японских, так и китайских вооруженных сил*,—единственной вооруженной силой остается местная жандармерия, состоящая под начальством и руководством иностранных инструкторов. Гражданская администрация также в значительной мере передается в иностранные руки, и в частности иностранцы, назначенные в конечном счете советом Лиги наций или правлением Банка международных расчетов, становятся во главе полиции, фискальной администрации, центрального банка и всей судебной системы. Доклад предусматривает, что «значительное количество этих иностранных советников должно быть японцами». Он заявляет, что «права и интересы Японии в Манчжурии не могут быть игнорируемы, и всякое решение, не считающееся с ними и не принимающее во внимание исторических связей Японии с этой страной, не будет удовлетворительным». Тем не менее сущность предложений комиссии именно в вытеснении *монопольного* японского контроля и в замене его такой системой администрации, при которой Японии не будет принадлежать больше решающее слово.

Следует подчеркнуть, что доклад Литтона ставил манчжурский вопрос как нераздельную часть всей китайской проблемы. Эта последняя трактуется в докладе менее четко, чем ее манчжурская часть, но контуры намечаемого ее разрешения те же: интернационализация, установление международного контроля, активное участие империалистов в борьбе с советской революцией в Китае.

> «Окончательной предпосылкой удовлетворительного разрешения манчжурского вопроса,—заявляет доклад,—является международное сотрудничество во внутренней реконструкции Китая. В политических и экономических вопросах Китай нуждается в сотрудничестве со всеми руководящими державами».

Поскольку одновременно комиссия подробно описывает громадные успехи Советского Китая и в частности подчеркивает, что Советский Китай непосредственно угрожает господству империализма в Китае, и поскольку она утверждает, что «проблема коммунизма в Китае тесно связана с более широкими проблемами национальной реконструкции», становится очевидным, что в качестве первого шага по предуказанному ею пути комиссия предлагает сокрушение великой китайской революции соединенными силами всей международной и китайской реакции.

Опубликование доклада комиссии Литтона (1 октября 1932 г.) нанесло известный удар японскому империализму, ибо содержащиеся в нем разоблачения содействовали мобилизации общественного мнения мира против Японии и затрудняли Лиге наций и европейским союзникам Японии возможность более или менее открытого санкционирования захвата Манчжурии (в форме признания Манчжурского государства). Доклад таким образом затруднил разрешение манчжурской проблемы методами японского империализма. Однако альтернативное и столь же империалистическое разрешение этой проблемы, которое выдвигалось комиссией Литтона главным образом под влиянием Америки, также не имело и не имеет никаких шансов на осуществление: с самого начала было ясно, что японский империализм не собирается добровольно отказываться от завоеванных им позиций и что он не променяет своего монопольного господства в Манчжурии на международный контроль и тем более не пойдет на такое ослабление своих позиций,—даже по сравнению с доконфликтным периодом,—какое должно иметь место в случае увода из Манчжурии японских войск.

«Япония будет продолжать свою твердо установленную политику в Манчжурии независимо от выводов комиссии Литтона»,—

кратко заявил генерал Муто, посол и главнокомандующий в Манчжурии, 3 октября 1932 г.

«Линия японской политики не может быть поколеблена или изменена,—заявил в день опубликования доклада военный министр Араки, добавив:—Мы нисколько не озабочены докладом».

Японская буржуазная пресса реагировала на доклад Литтона буквально в одних и тех же словах. В газете «Иомиури» 17 октября 1932 г., в газете «Хоци» 14 октября, в газете «Чугай Сногио» 22 октября, да и в любом другом органе японского империализма бесконечно повторялось одно

и то же утверждение, что, «каково бы ни было отношение Лиги и других держав к манчжурскому вопросу, политика Японии не будет изменена».

С этих позиций Японию в данной обстановке могло бы сбить только осуществление реального единого фронта империалистов, в частности Америки и Англии, дипломатическая акция которых была бы подкреплена угрозой соответствующих военных или экономических санкций. Поскольку это оставалось неосуществимым, было совершенно очевидно, что доклад, по крайней мере до радикального изменения обстановки, останется мертвой буквой. Но доклад все-таки был налицо. Америка продолжала по мере возможности оказывать давление, требуя хотя бы формального его принятия; наконец в каких-то оттенках начали сказываться те новые тенденции в политике европейских империалистов, в частности Франции, о которой шла речь выше. Женевское учреждение представляет собой типичную политическую биржу, регистрирующую всевозможные колебания конъюнктуры и отражающую воздействие самых разнообразных международных факторов. Сдвиги в международной политике, частью даже не имеющие прямого отношения к Дальнему Востоку,—с одной стороны, и трудное положение, в котором оказалась Лига наций перед необходимостью спасать свой «престиж»,—с другой, привели в конечном счете к тому, что Женева, не изменяя по существу своей бездейственности и пассивности, вынуждена была прибегнуть к жесту, долженствующему «спасти лицо» Лиги. Этот жест—принятие доклада комиссии Литтопа—был вместе с тем фиксацией принципа непризнания результатов японской агрессии, на котором с самого начала настаивала Америка.

Но даже на этом решении—хотя оно попрежнему вовсе не означало действенной борьбы с японским империализмом и на практике было равносильно формальной отписке—Лига наций остановилась с большими колебаниями. Официальная дискуссия по докладу Литтона началась в ноябре 1932 г., а закончилась только в феврале 1933 г. Эта дискуссия развивалась первоначально в обстановке исключительно благоприятной для Японии, представитель которой Мацуока еще 21 ноября 1932 г. демонстративно заявил, что «образование Манчжурского государства представляет собой ту единственную основу, на которой вопрос может быть разрешен», что Япония не может входить в рассмотрение иных решений и что

Япония надеется остаться и впредь верной опорой Лиги наций—однако только в том случае

«...если это не окажется абсолютно несовместимым с существованием Японии и с ее великой политикой поддержания и сохранения мира и порядка на Дальнем Востоке».

Существенно то, что в выступлениях представителей Англии, Франции, Италии и Германии не обнаружилось никакого намерения этих держав отстаивать предложения комиссии, выработанные с участием их представителей. Наоборот, Саймон произнес речь, которая вызвала восторг в японской прессе и официальную благодарность со стороны Мацуока («Саймон сказал за полчаса то, что я пытался выразить в течение 10 дней»,—заявил японский делегат) и в которой он посредством надерганных цитат из доклада пытался перетолковать его в сторону, благоприятную для Японии. Впечатление, произведенное речью Саймона, было таково, что английское правительство сочло нужным обратиться по этому поводу к нанкинскому правительству со специальными успокоительными уверениями в том смысле, что, дескать, Саймон хотел лишь содействовать мирному и скорейшему урегулированию конфликта.

Между тем выступление Саймона не было случайным. «Times» в передовой от 8 декабря 1932 г. признал его «полезным коррективом», заявляя:

«Больше зла, чем добра, будет сделано неопределенными угрозами принуждения, которые не оправдываются обстоятельствами дела, как они констатированы в докладе Литтона, и которые могли бы быть эффективными лишь в случае, если бы общественное мнение в других странах было глубоко убеждено в справедливости требований одного из спорщиков и несправедливости другого».

Французский представитель Поль Бонкур со своей стороны подчеркивал, что Лига наций не располагает силой, необходимой для навязывания своей воли участникам дальневосточного конфликта. Общая тенденция выступления представителей империалистических держав в Женеве сводилась к тому, чтобы, во-первых, подменить роль судьи в японо-китайском конфликте ролью посредника, во-вторых, не предлагать заранее никаких конкретных решений спора, взяв при этом предложение комиссии Литтона только как основу для дискуссии, в-третьих, выиграть время, расширяя в частности базу обсуждения путем привлечения в

состав «комиссии 19-ти» САСШ и СССР (формальное предложение о приглашении СССР и САСШ в состав «комиссии 19-ти» было внесено Саймоном).

В результате обсуждение доклада Литтона превратилось в своего рода футбольную игру: совет Лиги, не приняв решения, передал вопрос пленуму, последний, несмотря на попытки нескольких «малых держав» поддержать выводы доклада и осудить Японию, передал вопрос в девственно чистом виде «комиссии 19-ти», а эта комиссия — своей «редакционной подкомиссии». Подобную игру можно было бы продолжать бесконечно, но создалось положение, явно угрожавшее окончательной дискредитацией Лиги наций.

Последняя оказалась перед необходимостью принять резолюцию, которая в какой-то степени опиралась бы на выводы доклада Литтона. В самом процессе выработки этой резолюции действительные хозяева Лиги и в частности английский империализм делали еще повторные попытки найти такую «компромиссную» формулу, которая спасла бы престиж Лиги наций и вместе с тем явилась бы приемлемой для Японии. Дошло до того, что генеральный секретарь Лиги англичанин Дремонд занялся сочинением проекта резолюции (или, вернее, поправок к резолюции), которую японская делегация должна была *от себя* предложить на заседании Лиги наций; этот проект был предварительно послан на утверждение в Токио, но не получил там одобрения. В конце концов торг между Женевой и Токио из-за различных формулировок не привел ни к каким результатам: база хотя бы для словесного компромисса между принципами доклада Литтона и японскими устремлениями заведомо отсутствовала. «Комиссия 19-ти» вынуждена была предложить, а собрание Лиги наций — утвердить длиннейший доклад, который со всякими экивоками все же солидаризировался с заключениями комиссии Литтона и стало быть был заострен против Японии.

Существенные черты «рекомендаций» Лиги наций по манчжурскому вопросу сводятся к следующему: 1) урегулирование этого вопроса должно происходить на основе устава Лиги наций, пакта Келлога и Вашингтонского договора девяти держав; 2) японские войска, расположенные вне зоны Южноманчжурской железной дороги, должны быть эвакуированы, ибо суверенитет над этой территорией принадлежит Китаю; 3) в Манчжурии должна быть создана правительственная организация, признающая суверенитет Китая, но располагающая широкой автономией,

причем должны быть приняты во внимание специальные права и интересы Японии; 4) Китай и Япония должны начать переговоры об урегулировании этого вопроса с участием специального комитета, в котором будут представлены государства, являющиеся членами «комиссии 19-ти» и к участию в котором должны быть привлечены Соединенные штаты и СССР; 5) *члены Лиги наций должны и впредь отказываться от признания Манчжоу Го* de jure или de facto «ввиду несовместимости этого признания с основными принципами существующих международных обязательств и с добрыми отношениями между Японией и Китаем, от которых зависит мир на Дальнем Востоке».

Японский империализм отнюдь не был устрашен этим решением, за которым не было готовности к действию, но он убедился, что его маневренные возможности в Женеве исчерпаны.

На принятие собранием Лиги наций этого доклада японская делегация ответила оглашением следующей декларации:

«Японское правительство вынуждено притти к выводу, что взгляды Японии и других членов Лиги на методы достижения мира на Дальнем Востоке не совпали. Японское правительство вынуждено притти к убеждению, что его попытки сотрудничать с Лигой наций в отношении японо-китайских разногласий достигли предела».

Японская делегация тут же покинула заседание, а в дальнейшем японское правительство объявило о выходе Японии из состава Лиги наций. Это решение объясняется именно отчетливым пониманием, что со стороны Лиги и руководящих ею европейских держав Японии решительно ничего не грозит. При обсуждении вопроса о выходе из Лиги наций в японском тайном совете министр иностранных дел Уцида, по сообщению газеты «Номнури» от 18 марта 1933 г., охарактеризовал позицию держав следующим образом:

«САСШ старались ограничить японскую экспансию, но они всячески избегают прямого столкновения с Японией. Англия показала, что она понимает позицию Японии, однако, стремясь к сохранению своего влияния в Лиге наций, она не смогла поддержать Японию. Франция занимала еще более дружественную позицию по отношению к Японии, однако обстановка, сложившаяся в Европе, заставила ее позаботиться об усилении престижа Лиги наций».

Уцида доказывал, что выход из Лиги не повлечет за собою ни применения санкций, ни даже экономической блокады.

Для всего этого эпизода чрезвычайно характерно, что, приняв заостренную против Японии резолюцию, Лига наций тотчас же почила на лаврах. Принятие резолюции, по существу признающей Японию агрессивной стороной, не помешало английскому империализму установить запрет на вывоз оружия одинаково и в Японию и в Китай (запрет этот был через несколько дней отменен), т. е., по выражению либеральной «Manchster Guardian», «осудить порок, но наказать добродетель».

Суть дела конечно в том, что практически женевское решение ничего не изменило в положении на Дальнем Востоке. Оно не остановило в частности японского наступления в Жехэ, развернувшегося тотчас же после принятия резолюции Лиги наций. Эта резолюция представляла собой простую отписку. Она отнюдь не предполагала каких-либо действий, направленных против Японии, и не лишила последнюю свободы рук в Манчжурии. Она не повлекла и разумеется не повлечет за собой применения к Японии каких-либо санкций экономического, а тем более военного порядка. Заявление лейбористской английской газеты «Daily Herald» в передовой от 23 февраля 1933 г. о том, что «если, после того как собрание Лиги приняло свою резолюцию, Япония прибегнет к войне против Китая (речь идет о кампании в Жехэ.—*Н. Т.*), то она тем самым становится виновной стороной для каждого члена Лиги, и каждый член Лиги обязан порвать свои экономические отношения с нею»,—является лишь образчиком демагогии английских реформистов.

Пустым местом останется конечно и предусмотренный в женевской резолюции комитет по японо-китайским переговорам. Советское правительство письмом т. Литвинова от 7 марта 1933 г. отказалось присоединиться к постановлению Лиги и принять участие в совещательном комитете, указав в частности, что из числа входящих в него государств большинство не поддерживает никаких отношений с Советским союзом и следовательно настроено к нему враждебно, почему «такой комитет вряд ли в состоянии выполнять задачу координирования действий с Советским союзом». Соединенные штаты, напротив, 14 марта изъявили согласие «сотрудничать с комитетом», но сочли невозможным назначение своего представителя с функ-

циями члена комитета и ограничились делегированием своего посланника в Швейцарию для участия в работах комитета без права голоса. В остальном этот комитет явился еще одной из бескопечных инстанций и органов, выделяемых Лигой наций со специальной целью изобразить видимость какой-то деятельности.

В заключение нужно все же подчеркнуть, что этот последний эпизод в истории происхождения дальневосточного вопроса в Лиге наций при всей его практической бесплодности сохраняет определенное и немалое политическое значение. Женевская резолюция демонстративно отказывает Японии в международном признании ее новых позиций в Манчжурии. Она является таким образом наглядным свидетельством того, что манчжурский вопрос вовсе не исчерпан, как на этом настаивает японский империализм. Самый факт принятия этого решения знаменовал большую, чем раньше, потенциальную возможность сотрудничества европейских империалистов с Америкой, занимающей непримиримую позицию по отношению к манчжурскому захвату. Наконец принятие резолюции наглядно демонстрирует, что манчжурская авантюра, требующая от Японии стольких жертв, еще весьма далека, с точки зрения интересов японского империализма, от своего благополучного конца.

В этой связи следует упомянуть еще о принятом летом 1933 г. решении об оказании Китаю «технической помощи». В Китае с осени 1933 г. уже находится уполномоченный Лиги по оказанию этой помощи—Райхман. Общее руководство возложено на специальный комитет из представителей Англии, Франции, Италии и ряда других стран. Задачей его является координация работы многочисленных иностранных технических экспертов, приглашенных нанкинским правительством, по вопросам транспорта, связи, здравоохранения и т. д. Японская печать встретила это решение с неприкрытой тревогой и враждебностью. «В условиях, создавшихся ныне на Дальнем Востоке,—писала в августе 1933 г. газета «Осака Асахи»,—пресловутая техническая помощь со стороны Лиги легко может превратиться в политическую, т. е. направленную против Японии». Япония отдает себе конечно отчет в том, что за Лигой наций стоит в этом вопросе британский империализм и что названное решение является отражением усиления антияпонской активности последнего в Китае. Лондонский «Times» указывал в связи с посылкой в Китай Райхмана, что Лига

вступила на путь именно той «международной акции», которая, по мнению этой газеты, необходима для наведения в Китае порядка. Характерно, что как раз в это время английское правительство сменило своего посланника в Китае, заменив его дипломатом, имеющим тесные связи с аппаратом Лиги наций и наиболее способным следовательно использовать акцию Лиги в Китае в английских интересах.

СОБЫТИЯ на ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

и борьба двух систем

Нет надобности доказывать, что СССР стоит в стороне от грызни империалистов за Манчжурию и Китай и не принимает в ней никакого участия. В Китае и в Манчжурии, как и везде, СССР не ведет империалистической политики, не стремится к территориальным захватам, не эксплоатирует трудящихся масс, не пытается овладеть естественными богатствами, не препятствует развитию производительных сил, не навязывает своей воли и не нарушает суверенитета страны. Советский союз добровольно отказался от перешедших к нему по наследству от царской России привилегий и неравноправных договоров. Советский союз превратил КВЖД из царской концессии в чисто коммерческое предприятие, в котором он сохраняет лишь законные финансовые и хозяйственные интересы (дорога построена на деньги народов СССР) и которое находится в совместном советско-китайском управлении. В Китае и Манчжурии, как и везде, Советский союз твердо придерживается своей неизменной политики мира, сохранения добрососедских отношений и уважения к заключаемым им договорам.

Эта политика СССР, само собой разумеется, исключает всякую возможность трактовать его как соперника в империалистической грызне за Китай и Манчжурию. Эта политика предопределяет соблюдение им строжайшего нейтралитета по отношению к нынешним событиям в Манчжурии,—нейтралитета, который сейчас не смеют оспаривать даже злейшие враги СССР. Подчиняя свою внешнюю политику главной задаче обеспечения строительства социализма,

> «...советское правительство последовательно во всех своих отношениях с другими государствами проводит строгую политику мира и мирных отношений» (за-

явление народного комиссара по иностранным делам т. Литвинова японскому послу Хирота 19 ноября 1931 г.).

Но в оценке любых событий послевоенной эпохи нужно исходить из определяющего характера борьбы двух систем.

«...Единого и всеохватывающего капитализма нет уже больше в мире. Потому что мир раскололся на два лагеря—на лагерь капитализма, во главе с англо-американским капиталом, и лагерь социализма, во главе с Советским союзом. Потому что международное положение все больше и больше будет определяться соотношением сил между этими двумя лагерями»[1].

Это основное противоречие нашей эпохи испытывает наибольшее обострение в обстановке все углубляющегося кризиса капиталистического мира, оно лишь отчасти перекрывается, отчасти же диалектически *усиливается* обострением борьбы между империалистами.

«Лишь твердая политика мира, проводимая СССР, страх буржуазии перед превращением империалистической войны в войну гражданскую, перед перспективой колониальных восстаний пока еще сдерживают вползание в войну и интервенцию» (резолюция XII пленума ИККИ).

Две линии, по которым развивается обострение противоречий, являются соперничающими в том смысле, что исторически еще не решено, какая из двух тенденций в развитии конфликта опередит другую и какая опасность войны—войны межимпериалистической или войны против СССР—реализуется раньше. Но они находятся вместе с тем в определенной взаимной зависимости: обострение противоречий между империалистами с тем большей силой толкает их на попытки разрешения этих противоречий за счет Советского союза, тогда как в самом процессе подготовки к контрреволюционной войне против СССР неизбежно происходит дальнейшее обнажение и обострение империалистических противоречий.

События на Дальнем Востоке не составляют исключения. Захват Манчжурии имел место в порожденной мировым экономическим кризисом обстановке явственного усиления агрессивности мирового капитализма по отношению к СССР, активизации всевозможных интервенционистских планов, лихорадочной подготовки реакционных фашистских и социал-фашистских кругов во всех капиталистических стра-

---

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 111, изд. 9-е.

шах к новым попыткам вооруженного сокрушения Советской страны. Это было важнейшей предпосылкой захвата Манчжурии, ибо не подлежит сомнению, что отношение империалистических держав к японскому вторжению в Манчжурию определялось в первую очередь надеждой и расчетом на перерастание ее в крупнейшую антисоветскую авантюру. Потенциальное значение захвата Манчжурии как пролога к войне против СССР на Дальнем Востоке, а стало быть и к международной интервенции, явилось, как мы видели, крупнейшим из тех факторов, которые обеспечили японскому империализму фактическую поддержку со стороны «великих» держав и тем самым расчистили путь японской агрессии. В том-то и дело, что расстановка сил в дальневосточном конфликте создает *сугубо непосредственную остроту этого конфликта против Советского союза.*

Характерно, что японский империализм широко использовал антисоветские аргументы и мотивы и в процессе подготовки захвата Манчжурии и в процессе его осуществления. В качестве образчика достаточно привести любое из выступлений платного японского агента Джорджа Бронсона Ри, редактора шанхайского журнала «Far Eastern Review»:

«Угроза со стороны России подходит все ближе и ближе к Японии,—писал он в октябре 1931 г.,—и если бы эта последняя не двинулась с места на свою защиту, то ни Лига, ни международный трибунал, ни пакт Келлога, ни договор четырех или девяти держав (имеются в виду вашингтонские соглашения.—*И. Т.*) не могли бы предотвратить катастрофы, ибо... Россия в войне со всем миром, в войне, которая началась через пятилетний план и экономическое наступление... Положение совершенно нетерпимо... Для Лиги наций вмешаться в подобный конфликт и своими действиями препятствовать самозащите Японии значит стать на сторону России».

Эта линия японской пропаганды продиктована не только тактическими соображениями; *она отражает и настроения влиятельных элементов в среде правящих кругов Японии, требующих направления дальнейшей японской агрессии именно в сторону Советского союза.*

Корни этих антисоветских агрессивных устремлений японского империализма многообразны. Прежде всего влиятельные группировки японского финансового капитала мечтают об овладении богатствами советского Дальнего Востока—его углем, нефтью, золотом, лесом и рыбой. Мечты

эти зародились не со вчерашнего дня: они вдохновили японскую антисоветскую интервенцию 1918—1925 гг. Напомним, что еще в марте 1918 г., т. е. до начала этой интервенции, японское военное командование поставило белогвардейцу Хорвату, якобы представлявшему «русскую власть» на Дальнем Востоке, следующие требования: разоружение Владивостока, превращение его в незащищенный открытый порт, свобода рыбной ловли на всем побережьи, открытие всего Амура для плавания японских судов и признание за Японией преимущественного, т. е. исключительного, права на лесные и горные концессии. В процессе самой интервенции эти монополистические, захватнические устремления японского капитала получили разумеется еще более наглядное и практическое выражение.

Интервенция потерпела крах: японцы вместе с их белогвардейскими прихвостнями и пособниками были сброшены в море Красной армией и партизанскими отрядами рабочих и крестьян советского Дальнего Востока. Осенью 1922 г. Красная армия дошла до Тихого океана и вслед затем «буферная» Дальневосточная республика прекратила свое существование, объединившись с РСФСР. Прошло однако еще 2½ года, прежде чем японский империализм признал свое поражение: только весной 1925 г., после заключения советско-японского договора, японцами была окончательно очищена остававшаяся в их оккупации советская—северная часть Сахалина. При заключении этого договора японский империализм еще раз обнаружил свое вожделение к естественным богатствам советского Дальнего Востока, выторговал себе в качестве условий эвакуации угольные и лесные концессии на Сахалине. Но хотя изменившееся соотношение сил и в частности внешнеполитическая изоляция Японии после Вашингтонской конференции вынудили правящие классы этой страны пойти на соглашение с Советским союзом, наиболее агрессивные элементы в лагере этих правящих классов считали это соглашение лишь кратковременной передышкой и отнюдь не отказывались от своих захватнических планов. Японские рыбопромышленники пытались попрежнему бесконтрольно хозяйничать в наших дальневосточных водах. Даже после заключения рыболовной конвенции 1928 г., в которой Советский союз обнаружил готовность пойти на значительные уступки японским рыбопромышленным интересам, это хищничество, нередко поддерживаемое японским военным флотом, не прекратилось. Японские рыбопромышленники системати-

чески саботировали проведение в жизнь ограничительных постановлений этой конвенции, ежегодно пытались сорвать предусмотренные ею торги на рыболовные участки, отказываясь от выполнения своих финансовых обязательств и поддерживая агрессивную антисоветскую кампанию в контролируемой ими прессе.

Захватнические планы японских капиталистов в отношении советского Дальнего Востока особенно активизировались разумеется после японского вторжения в Манчжурию, знаменовавшего переход к политике открытых военных авантюр. Высказывания различных органов японской прессы за последние два года содержат множество ярких свидетельств, что соответствующие заинтересованные круги японского капитала рассматривают советский Дальний Восток как свою добычу, овладение которой является только вопросом времени и должно последовать тотчас за укреплением японского господства в Манчжурии.

Итак нападения на СССР и аннексии советского Дальнего Востока активно добивается прежде всего определенная часть японских капиталистов в целях прибыльной эксплоатации естественных богатств и трудящегося населения этой советской территории. Но к нападению на СССР призывает также оголтелая японская реакция, испытывающая животный страх перед подымающейся революцией в Китае, перед надвигающейся революцией в самой Японии и охваченная слепой ненавистью к Советскому союзу как «первопричине» угрожающей ей революционной опасности. Нападения на СССР домогается военщина в лице именно той группы «молодых», откровенно фашистских представителей японского генералитета, которая как раз за последние два года стоит во главе руководства всей японской армии и играет особенно активную роль в Манчжурии. Эта военщина ищет авантюр более широкого масштаба, которые позволяли бы ей окончательно установить в Японии свою собственную диктатуру. Эта военщина считает также, что овладение советским Приморьем и Камчаткой необходимо ввиду последующего неизбежного столкновения Японии с САСШ, что советский Дальний Восток должен быть превращен в японский плацдарм для нанесения удара на Аляску. Наконец антисоветские устремления японского империализма связаны и со всей проблемой благодаря дальнейшей империалистической экспансии Японии. Не отказываясь от политики военных авантюр, в которой они видят единственный выход из переживаемого японским

капитализмом кризиса, влиятельные элементы в лагере японских правящих классов испытывают вместе с тем серьезный страх перед возможностью антияпонской коалиции империалистов в случае дальнейшего внедрения Японии в Собственно Китай. Эти круги усматривают стержень японского внешнеполитического успеха в сохранении фактического союза с Англией. Не даром японская пресса время от времени проповедует вторичное оформление этого союза, доказывая, что он позволит Англии держать все свои морские силы в Европе и на Атлантическом океане и тем колоссально укрепит позиции английского империализма по отношению к европейским странам и Америке. Эти круги боятся неизбежной трещины и даже возможного срыва этого союза в случае, если Япония будет и дальше проникать в английскую сферу влияния в Китае. Эти круги считают, что если уже играть ва-банк, то нужно действовать в направлении, обеспечивающем активную поддержку Японии со стороны английского империализма, со стороны всей мировой реакции.

Разумеется все эти вопросы разрешаются в недрах правящего Японией буржуазно-помещичьего блока *по-разному*, вокруг них кипит борьба. В лагере тех же правящих классов Японии имеются и элементы, которые с крайней тревогой смотрят на перспективы всего нынешнего курса авантюристической внешней политики Японии и которые в частности считают нападение на СССР не только рискованным, но даже безумным предприятием (каким оно несомненно и окажется для японского империализма). Позиция этих кругов подкрепляется конечно фактом огромного укрепления внешнего и внутреннего положения Советской страны и значительного роста ее военной мощи. Борьба эта продолжается, но к сожалению ход событий свидетельствует о том, что японская политика все в большей мере направляется авантюристическими кругами, возглавляемыми военщиной.

Генеральный план наступления японского империализма на азиатском континенте, развернутый в меморандуме Танака, предусматривал и нападение на СССР, хотя эта часть плана была повидимому оставлена для дальнейшей проработки.

«В программу нашего национального роста входит повидимому необходимость снова скрестить наши мечи с Россией на полях Манчжурии и Монголии в целях овладения богатствами Северной Манчжурии... Манчжу-

рия и Монголия являются теми восточными странами, которые еще совершенно не развиты. Раньше или позже нам придется здесь воевать с Советской Россией»,— говорится в этом меморандуме. Это писалось за четыре года до начала японского вторжения в Манчжурию.

В дальнейшем ярким, наглядным свидетельством агрессивных антисоветских настроений и планов явились ставшие достоянием гласности зловещие документы, исходившие от представителей японских высших военных кругов и заключавшие в себе конкретные планы нападения на СССР и захвата его территории. Японское правительство и японская пресса не пытались даже оспаривать подлинность этих документов, выдержки из которых появились в свое время в советской печати.

«По вопросу о том, следует ли Японии начинать войну с Советским союзом или нет,—гласит выдержка из одного из этих документов, опубликованных в советской печати в начале марта 1932 г.,—считаю необходимым, чтобы Япония стала на путь твердой политики в отношении Советского союза, будучи готова начать войну в любой момент. Кардинальная цель этой войны должна заключаться не столько в предохранении Японии от коммунизма, сколько в завладении советским Дальним Востоком и Восточной Сибирью».

«Японо-советская война,—заявляется в другом документе,—должна быть проведена как можно скорее. Я считаю необходимым, чтобы императорское правительство повело политику с расчетом как можно скорее начать войну с СССР... Разумеется нам нужно будет осуществить продвижение до Байкальского озера. Что же касается дальнейшего наступления на запад, то это должно быть решено в зависимости от общей обстановки, которая создастся к тому времени, и в особенности в зависимости от состояния государств, которые выступят с запада. В том случае, если мы остановимся на Забайкальской железнодорожной линии, Япония должна будет включить оккупированный Дальневосточный край в состав владений империи...»

Эти документы были опубликованы весной 1932 г. Что они нисколько не устарели, свидетельствует нижеследующее признание японского делегата в Лиге наций Мацуока. Оно было сделано им в речи, произнесенной на собрании Лиги наций в декабре 1932 г., и затем повторено в предисловии к брошюре «Japan's Case», излагающей японскую

официальную точку зрения на манчжурский вопрос и изданную в официальном же порядке японской делегацией в Женеве 1933 г.

«В отношении СССР у нас существуют две точки зрения,—говорит Мацуока.—Одна заключается в том, что эта страна представляет собой угрозу Японии вследствие усилий распространить советизм по Дальнему Востоку и военной подготовки внутри Советского союза. Те японцы, которые озабочены этим сочетанием военного укрепления и пропаганды, считают, что наша страна должна ударить по СССР раньше, чем полностью осуществится потенциальная угроза со стороны последнего».

Другое мнение, по свидетельству Мацуока, заключается в том, что спорные вопросы между двумя сторонами могут быть разрешены мирным дипломатическим путем.

«Общеизвестно,—добавляет в своих комментариях к этому заявлению корреспондент «Manchester Guardian» (16/III 1933 г.),—что точка зрения желательности превентивной войны против СССР—это точка зрения всесильной в Японии военной партии, тогда как противоположного взгляда придерживаются сравнительно умеренные японцы, потерявшие всякое влияние».

Но дело не только в этих захватнических планах и воинственных устремлениях части японских правящих классов. Повторяем, вторжение Японии в Китай стало возможно в значительной мере именно потому, что в лагере всей международной буржуазии под влиянием тяжелого экономического кризиса усилилось стремление к сговору против Советского союза и к попытке вооруженным путем разрешить вопрос «кто кого». Хотя соответствующие империалистические круги Японии готовы играть роль переднего отряда на фронте антисоветской интервенции, силы, противостоящие нам на этом фронте,—это силы всей мировой реакции, и в ряде факторов, толкающих Японию на антисоветские авантюры, крупнейшее значение имеет бесспорно давление извне. Чем дальше заходит обострение противоречий между империалистами на Тихом океане, столь резко усилившееся в результате самой же японской интервенции, тем настойчивее становятся усилия третьих сил, направленные на переключение японской интервенции в Китае в антисоветскую авантюру. Что может быть характернее следующего факта. Когда лейборист Лансбери в прениях в английском парламенте 27 февраля 1933 г. процитировал приведенное выше заявление Мацуока и ука-

зал, что в Японии есть люди, которые хотят напасть на Советский союз, на скамьях консерваторов раздались одобрительные аплодисменты. И разве можно сомневаться, с другой стороны, что в эпизоде с разрывом торговых отношений с СССР под предлогом судебного процесса английских инженеров-вредителей и шпионов сказалась не только слепая ненависть к Советской стране но и несознательное стремление, елико возможно, обострить международное положение СССР на Западе, для того чтобы поощрить Японию к антисоветской агрессии на Востоке. Мы не знаем в точности, какие обещания давали английские твердолобые японцам в процессе закулисных переговоров в апреле и мае 1933 г., имевших целью отвратить угрозу захвата японцами Бейпина и Тяньцзина, но мы имеем все основания полагать, что речь шла *об изменении направления* японской агрессии. Недаром не только безответственная ультратвердолобая пресса, но и официозный «Daily Telegraph» устами своего дипломатического корреспондента повторно и цинично рекомендовал Японии искать разрешения всех ее проблем «на Севере и на Северо-востоке». Английский империализм, заинтересованный антисоветской авантюре, поскольку борьба против СССР есть вместе с тем борьба против китайской и колониальной революции, борьба за сохранение и укрепление пошатнувшегося уже господства империализма на всем колониальном Востоке.

Еще более откровенную и активную, хотя в силу обстоятельств пока что и менее серьезную, роль поджигателя войны на Дальнем Востоке играет конечно *германский фашизм*. Германия не имеет на Дальнем Востоке ни колоний (отобранных у нее по Версальскому договору в пользу Японии, Англии и частично Китая), ни военных сил, ни значительных самостоятельных интересов; она лишь жаждет восстановить там нечто подобное ее довоенным позициям. Германия не является следовательно серьезным политическим фактором дальневосточной ситуации. Но германский фашизм всю свою политику строит на бешеной подготовке к новой войне, в первую очередь войне против Советского союза. В этих антисоветских планах германского фашизма крупнейшая роль уделена японскому империализму, нападение которого на СССР на Дальнем Востоке, по фашистским рассчетам, должно расчистить путь соответствующему нападению на западные границы СССР с руководящим участием Германии как застрельщика еди-

ного антисоветского фронта всей мировой реакции. Фашистская германская пресса так же, как и органы английских твердолобых неоднократно уже выбалтывала эти расчеты. Ясно, что германский фашизм делает решительно все, что в его силах, для ускорения и форсирования японских антисоветских авантюр на Дальнем Востоке.

Интервенция и война в Манчжурии, у самых наших дальневосточных границ были и остаются источником величайшей военной опасности для Советского союза. Манчжурия в состоянии хаоса, военные действия в непосредственной близости советских границ, наличие огромных белогвардейских кадров, готовых на любую авантюру, лишь бы она была хорошо оплачена,—все это создает на Дальнем Востоке обстановку, исключительно благоприятствующую всевозможным антисоветским провокациям. Серия этих провокаций действительно началась чуть ли не с первых дней японской интервенции в Манчжурии.

В период до занятия Харбина, в феврале 1932 г., эти провокации (в частности распространение самим японским штабом лживых сообщений о помощи, якобы оказываемой со стороны СССР генералу Ма, оборонявшему от японцев Цицикар) имели повидимому значение по преимуществу тактического маневра, в котором японское военное командование усматривало полезное прикрытие для его собственных операций в Северной Манчжурии и вместе с тем испытанное средство популяризации этих операций в глазах французских, английских и даже американских реакционеров.

В последующий период, весной 1932 г., провокации приняли однако такой характер, что их приходилось уже расценивать как свидетельство настойчивых устремлений японской военщины в Манчжурии, использующей в своих целях также русских белогвардейцев, форсировать конфликт с Советским союзом и толкнуть более благоразумные правящие круги Японии на путь прямой агрессии по отношению к СССР. Под эгидой этой японской военщины Северная Манчжурия стала питомником активных белогвардейских заговоров и диверсионных актов, включая вооруженные нападения на КВЖД. Вся мировая пресса сообщала об огромном оживлении белогвардейского движения, которое создает «новый опасный очаг волнений на советской границе» (Берлинская «Börsen Zeitung» от 28 февраля 1932 г.), и о массовой вербовке японцами белогвардейцев, отправляемых целыми транспортами из Европы на Дальний Восток.

Уже 24 февраля 1932 г. советское правительство вынуждено было обратить специальное внимание японского правительства на деятельность белогвардейцев. Тем временем усилилась провокационная антисоветская кампания в японской и японо-белогвардейской печати в Манчжурии. Вновь возродилась легенда о советской помощи китайским партизанам, в частности тому же генералу Ма, якобы сбежавшему в Благовещенск (эта провокация была в корне пресечена мерами, принятыми советским правительством против китайского консула в Благовещенске, распространявшего сообщения и воззвания от имени этого генерала). В начале апреля 1932 г. белогвардейцами была организована целая серия провокационных террористических актов на КВЖД (попытка взрыва моста, взрыв японского воинского поезда), которые затем приписывались японской и белогвардейской полицией в Харбине «коммунистам» и повлекли за собой массовые аресты среди советских граждан. Все более широкое развертывание антисоветской кампании в самой Японии создавало в совокупности с этими провокационными актами обстановку, указывающую на самую непосредственную и активную подготовку к войне.

Угроза этой войны не реализовалась весной 1932 г. Правящие круги в Токио вынуждены были во-время одернуть зарвавшуюся военщину в Манчжурии, которой видимо принадлежала инициатива в создании описанной обстановки. В речи, произнесенной в Осака во второй половине апреля, военный министр Араки счел нужным подчеркнуть, что

> «...СССР находится в дружеских отношениях с Японией и в праве рассчитывать на уважение и международную дружбу».

24 апреля командующий прибывшей в Манчжурию японской дивизии Хиросе заявил, что нет никаких оснований обвинять советские власти в причастности к взрывам на КВЖД, к которым они никакого отношения не имеют, и подчеркнул, что в

> «...Северной Манчжурии необходимо поддерживать дружественные отношения с СССР» и что «японское командование совершенно не намерено какими бы то ни было действиями нарушать советские интересы в Северной Манчжурии».

Последовательная мирная политика советского правительства еще раз победила. Все же опыт весны 1932 г. и тот факт, что при величайшей сдержанности и миролюбии советской внешней политики, без какой бы то ни

было ответственности со стороны СССР на Дальнем Востоке могло в течение нескольких недель создаться исключительно напряженное положение, непосредственно угрожающее войной, остаются наглядным свидетельством тех опасностей, которыми чреваты события на Дальнем Востоке для мирного строительства Советского союза.

Некоторое время после этого советско-японские отношения носили по внешности более нормальный характер, о чем говорило в частности заключение нового соглашения по некоторым вопросам, связанным с японским рыболовством в советских водах, а также заключение крупных и обоюдно выгодных сделок по вывозу в Японию советской нефти. Смягчение тона японской прессы в отношении СССР явилось новым свидетельством того, что последовательная мирная политика СССР затрудняет подготовку японского общественного мнения к антисоветским авантюрам. Все это не означало однако реальных сдвигов. В действительности опасность войны на Дальнем Востоке ни на ноту не уменьшилась. В самом деле, японская военщина на каждом шагу обнаруживает, что она заведомо не отказалась от агрессивных устремлений по отношению к Советскому союзу. *Японское правительство упорно отказывается от подписания предлагаемого СССР с декабря 1931 г. пакта о ненападении.* Японская реакционная пресса то и дело пестрит грубыми выпадами против СССР. Подобные же выпады не чужды и японской дипломатии. Возобновление советско-китайских отношений в декабре 1932 г., представлявшее собой нормальное следствие проводимой СССР политики дружественных отношений со всеми странами, дало подов для новых ярых антисоветских выступлений видных японских политических деятелей, включая представителей министерства иностранных дел и военного, и для соответствующего шума в японской прессе. Тогда же, в декабре 1932 г., имело место уже упомянутое выше двусмысленное выступление японского делегата в Лиге наций Мацуока.

На рубеже 1932/33 г. японское военное министерство, несмотря на тягчайший финансовый кризис, огласило и начало проводить в жизнь свой двухлетний план перевооружения японской армии. Характер этого перевооружения (моторизация и механизация, усиление боевой авиации, особенно усиление противовоздушной обороны в самой Японии и т. д.) ясно говорил о том, что оно рассчитано на континентальную войну с гораздо более сильным пре-

тивником, чем китайские войска, а этим противником, по мнению японской военщины, может быть только Советский союз. Об этих же агрессивных антисоветских установках японской военщины говорит и характер диспозиции и операций японских войск в Манчжурии.

«Единственно чем можно объяснить многое в японских крупных операциях в Манчжурии,—это приготовление к чему-то большому, к операциям, в которых им придется иметь дело не только с китайцами».— пишет американский автор статьи в журнале «China Weekly Review» 25 марта 1933 г.

То же самое нужно сказать о железных дорогах, строящихся японцами в Манчжурии.

Весной 1933 г. развернулась новая серия антисоветских провокаций в Манчжурии. Восточная ветка КВЖД, по которой грузы идут на советский Дальний Восток транзитом через него, подвергается систематическому разгрому со стороны бандитов. Нападения эти остаются безнаказанными, и японские и манчжурские власти, в остальном столь озабоченные «умиротворением» Манчжурии, не принимают против них никаких мер. Усиливается террор по отношению к советским гражданам, рабочим и служащим дороги. Одновременно манчжурские наймиты японского империализма предъявляют заведомо неосновательное требование возвращения дороге ей вовсе не принадлежащих, а составляющих собственность Советского союза паровозов (они были закуплены в свое время русским правительством и задержались на КВЖД, не числясь даже в ее инвентаре), а также вагонов, в нормальном порядке обмениваемых между КВЖД и советскими дорогами. Под этим предлогом в японской и японо-белогвардейской печати в Манчжурии развертывается бешеная антисоветская кампания. В апреле 1933 г. японо-манчжурские власти насильно прерывают сообщение между КВЖД и Забайкальской дорогой и прекращают тем самым прямое грузовое и транзитное сообщение с Сибирью, а в конце мая они в том же насильственном порядке прерывают оставшуюся связь КВЖД с Уссурийской ж. д., несмотря на наличие между этими дорогами специального коммерческого соглашения. В ответ на протесты советского правительства манчжурские власти нагло отрицают бесспорное право собственности СССР на КВЖД, японо-белогвардейская пресса призывает «игнорировать» Пекинское и Мукденское соглашения, на которых основывается нынешний статут дороги,

а в японских дипломатических кругах делают вид, что Японии весь этот конфликт не касается.

Провокации этим не ограничиваются. Японские телеграфные агентства распространяют в мае лживые сообщения о восстании на советском Дальнем Востоке, подогревая этим интервенционистские и авантюристические настроения в лагере японских правящих классов. Одновременно возрождаются старые басни о «красных хунхузах», о том, что СССР якобы поддерживает маньчжурских партизан, ведущих борьбу с Японией. С этим обвинением выступает в конце апреля 1933 г. не кто иной, как начальник штаба квантунской армии, оперирующей в Маньчжурии, генерал-лейтенант Койзо.

На протяжении всего нынешнего кризиса на Дальнем Востоке Советский союз многократно давал убедительные доказательства своей политики мира и невмешательства. Советское правительство не поддавалось ни на японо-белогвардейские, ни на китайские провокации. В мае 1933 г. эта мирная политика СССР получила новое и яркое выражение в форме предложения советского правительства продать КВЖД маньчжурским властям.

«Наше предложение является еще одним проявлением советского миролюбия,—заявил т. Литвинов в своем интервью 12 мая, подчеркнув, что «после Октябрьской революции КВЖД утратила для народов бывшей Российской империи свое завоевательное значение... Я уверен, что возражать против этого предложения могут только те, кто почему-либо заинтересован в обострении советско-японских и советско-маньчжурских отношений»[1].

«Предложение продать дорогу Японии или Маньчжоу Го является новым свидетельством искреннего желания

---

1 Нанкинское правительство, систематически предававшее оборону Маньчжурии, Шанхая и Северного Китая и постыдно капитулировавшее перед Японией (соглашение 31 мая о «перемирии» в Северном Китае), поспешило мужественно подняться на защиту якобы угрожаемых национальных интересов Китая и опротестовало это предложение на том основании, что оно будто бы противоречит советско-китайским соглашениям 1924 г. Реакционная гоминдановская печать в Китае, каждодневно продающая интересы своей страны империалистам, подняла шум по поводу «измены» Советского союза. Но, как указал т. Литвинов в своем интервью с представителем ТАСС, опубликованном 12/V 1933 г., аргументы, приведенные нанкинским правительством, несостоятельны, ибо, во-первых, «ни Пекинское, ни Мукденское соглашение... не ограничивают права СССР на продажу дороги кому бы то ни было, а тем более той власти, которая существует в Маньчжурии», а во-вторых, «нанкинское правительство и подконтрольные ему власти перестали быть фактическими

советского правительства избежать какого бы то ни было вовлечения в японо-китайский конфликт,—писала в передовой 9 мая газета «Japan Advertiser»,—...предложение является максимально миролюбивым шагом».

Предложение это было в принципе принято японским правительством и его манчжурскими агентами, и в Токио завязались переговоры—формально между СССР и «Манчжоу Го», представленным на этих переговорах японцем Охаси. Но японская военщина и прочие авантюристические элементы в лагере японских правящих классов, мечтающие о захвате советской территории, отнюдь не были заинтересованы в успехе этой конференции и в приобретении КВЖД по соглашению с его собственником—советским правительством и за справедливую цену. С первых шагов переговоры натолкнулись на форменный саботаж со стороны манчжурской делегации, которая пыталась оспаривать признанное всем миром и никогда не вызывавшее ни малейшего сомнения[1] право собственности Советского союза на КВЖД и предложила в качестве выкупной цены за эту дорогу сначала совершенно смехотворную сумму в 50 млн. иен, а позднее не менее неудовлетворительную сумму в 70 млн. иен, которую, кстати сказать, судя по сообщениям японских газет, предполагалось первоначально сделать *исходной* манчжурской позицией и которая поэтому не представляла никакой реальной уступки. Заведя таким образом конференцию в тупик, японские авантюристы занялись подготовкой новых антисоветских провокаций на КВЖД. Они пытались использовать фикцию «независимости» Манчжоу Го, за действия которого японское правительство будто бы не отвечает. Поставленные при этом цели сводились к осуществлению *фактического захвата дороги.*

партнерами СССР на КВЖД уже свыше 18 месяцев». Что же касается гоминдановской «общественности», которая хотела бы, видимо, чтобы кто-нибудь другой дрался вместо нее с Японией из-за Манчжурии, то она конечно отлично отдает себе отчет в том, что отказ СССР от своих прав на КВЖД в пользу местных властей ничего не отнимает у Китая, ибо если и когда Манчжурия будет вновь завоевана последним (на что впрочем под властью реакционного гоминдана—слабая надежда), то вместе со всем прочим он получит и КВЖД.

[1] «Полное право собственности русского правительства на КВЖД никогда эффективно не оспаривалось. Часто утверждают, что китайское правительство является совладельцем этой железной дороги, но соглашение между китайским и советским правительствами касается распределения управления и прибылей дороги, но не права собственности» (*Remer*, The Foreign Investments in China, p. 89).

Имея в своих руках документальные доказательства как самой подготовки этого фактического захвата, так и прямой ответственности за него японского правительства, советское правительство через замнаркоминдела т. Сокольникова (заявление японскому послу в Москве Ота 21 сентября 1933 г., повторенное полпредом СССР в Токио т. Юреневым японскому министерству иностранных дел) предупредило, что оно осведомлено о готовящейся провокации и что

«...не Манчжоу Го, которое бессильно и неспособно отвечать за события в Манчжурии, а японское правительство, являющееся действительным хозяином в Манчжурии, должно нести прямую ответственность за все нарушения договоров на КВЖД, как и за подготовляющийся захват дороги».

Несмотря на это предупреждение, японские империалисты приступили к осуществлению своих провокационных и захватнических планов. 24 сентября японскими манчжурскими чинами полиции был арестован ряд ответственных сотрудников КВЖД. Аресты были произведены якобы на основании требования главного контролера КВЖД (подданного Манчжоу Го), который является однако не должностным лицом манчжурского правительства, а лишь служащим коммерческого предприятия КВЖД, подчиненным ревизионному комитету дороги и обязанным согласовать свои действия с управляющим дорогой. Советские сотрудники дороги были арестованы якобы за какие-то «злоупотребления доверием», о которых однако ни правлению, ни управлению дороги ничего не было известно. Вслед за этими арестами японо-манчжурская сторона незаконно, вопреки существующим договорам, пыталась на место арестованных советских граждан посадить манчжурских подданных. Таким образом выяснилось с полной очевидностью, что действительной целью арестов были: устранение ряда ответственных работников дороги—советских граждан, замена их японскими ставленниками и стало быть начало практического осуществления захвата КВЖД.

В новом заявлении, которое было сделано 28 сентября полпредом СССР т. Юреневым японскому министру Хирота, подчеркивалось, что, по неопровержимым данным, находящимся в распоряжении советского правительства,

«...эти мероприятия представляют собой начало осуществления детально разработанного плана, принятого в Харбине на ряде совещаний при японской военной мис-

сии с участием ответственнейших японских руководителей маньчжурской администрации».

«Советское правительство,—заявил т. Юренев,—в случае надобности опубликует полностью эти документы, устанавливающие с исчерпывающей полнотой метод действия японского военного командования в Маньчжурии и японской администрации в Маньчжурии».

Поскольку с японской стороны не последовало удовлетворительного ответа на его протесты, советское правительство вынуждено было предать гласности часть находившегося в его распоряжении документального материала. 9 октября в советской прессе был опубликован текст четырех официальных японских документов: три донесения японского посла в Маньчжоу Го Хисикари (он же главнокомандующий японской армией в Маньчжурии), министру иностранных дел в Токио от 4 и 9 сентября и донесение японского консула в Харбине японскому послу от 19 сентября. Из этих документов явствует с неопровержимой очевидностью, что 1) арест советских работников КВЖД отнюдь не был вызван какими-либо их «преступлениями» или «злоупотреблениями», а представлял собой лишь один из многих элементов разработанного японским правительством и осуществляемого его агентами плана захватнических действий на КВЖД; 2) что японский план, хотя и связанный формально с намерением оказать давление на токийские переговоры и даже предпринятый по инициативе «маньчжурской делегации» в лице того же Охаси, имел своей целью именно осуществление *захвата* дороги (заявление Хисикари: «В качестве предварительных мер, ввиду возможного захвата дороги, проводится мобилизация служащих, военной полиции и пр., а также производится и примерная расстановка сил»); 3) что провокация на КВЖД и ее захват подготовлялись и осуществлялись по прямому распоряжению японского правительства, что все эти мероприятия обсуждались с участием представителей японского посольства и японской военной миссии и что конкретный план действий был утвержден в Токио и окончательно оформлен на месте японскими чиновниками и военными чинами на заседании, созванном японской военной миссией в Харбине.

Опубликование советским правительством этих документов раскрыло перед всем миром истинную подоплеку событий на КВЖД. Оно неопровержимо установило полную ответственность японского правительства за эти события.

Оно разоблачило японскую политику антисоветских авантюр в Манчжурии. Оно вместе с тем лишний раз раскрыло перед всем миром серьезность положения, создаваемого антисоветскими захватническими планами и агрессией японского империализма на Дальнем Востоке.

Эти разоблачения застали японских империалистов врасплох и вызвали в их лагере сильнейшую растерянность. Японское правительство так и не решилось официально на них реагировать. Осуществление дальнейших актов, предусмотренных планом захвата КВЖД, временно приостановилось. Само собой разумеется однако, что на этом история японских антисоветских авантюр на Дальнем Востоке далеко не закончилась. В любой момент в эту историю могут быть вписаны новые, еще более зловещие страницы, ибо опять-таки совершенно ясно, что захват КВЖД является лишь первой ступенью в осуществлении захватнических планов японского империализма, предусматривающих *войну* с целью отторжения советского Дальнего Востока.

Если эта нависшая над Советским союзом и его территорией угроза, создаваемая авантюристскими элементами японского империализма при подстрекательстве и при всяческом содействии всей мировой реакции во главе с английскими твердолобыми, до сих пор не реализовалась, то это в основном объясняется счастливым неизменным и ярко выраженной мирной политики Советского союза с его не менее ясной готовностью к обороне.

Последовательного мирного характера внешней политики страны советов не смеют отрицать даже ее злейшие враги. Эта политика полностью распространяется и на Дальний Восток.

«Советское правительство,—указывал т. Молотов на III сессии ЦИК 6-го созыва,—последовательно проводит на Дальнем Востоке политику невмешательства и строгого нейтралитета в отношении других стран. Мы продолжаем и теперь твердо стоять на этой позиции и будем так же последовательно проводить ее впредь, как и раньше, в интересах мира».

Но огромные успехи этой мирной политики Советского союза во всем мире (подписание ряда пактов о ненападении, в том числе пакта о ненападении с Францией, принятого единогласно французской палатой; возобновление Берлинского договора с Германией, несмотря на общеизвестные антисоветские тенденции германского фашизма; заключе-

ние нового кредитного соглашения с Италией; возобновление отношений с Китаем, отмена английским правительством эмбарго на советские товары, заключение по инициативе СССР серии международных соглашений, утверждающих советское определение нападающей стороны, наконец признание советского правительства со стороны Соединенных штатов), равно как и успехи в деле сохранения до сих пор мира на Дальнем Востоке —объясняются конечно в первую очередь тем, что своей базой эта политика имеет

«...наш внутренний рост, рост сил советской власти, результатом которого является значительное укрепление политики Советского союза» (*Молотов*).

Лучшей опорой нашей внешней политики являются бесспорно гигантские успехи социалистического строительства в Советском союзе—завершение пятилетки в четыре года. Перестройка серии гигантов социалистической промышленности, успешное осуществление лозунга т. Сталина об овладении техникой, полная победа социализма не только в промышленности, но и в сельском хозяйстве, ликвидация кулачества как класса, победа генеральной линии партии по всему фронту против правых и левых оппортунистов, дальнейшее сплочение монолитной партии рабочего класса под руководством т. Сталина, наконец огромные успехи большевистского сева и большевистской уборочной кампании этого года,—вот та реальность, перед лицом которой были поставлены организаторы и поджигатели интервенции, вдохновители вредителей и саботажников.

«*Из страны слабой и не подготовленной к обороне Советский союз превратился в страну могучую в смысле обороноспособности, в страну, готовую ко всяким случайностям, в страну, способную производить в массовом масштабе все современные орудия обороны и снабдить ими свою армию в случае нападения извне*» (*Сталин*).

«Вы слышали о наших дальневосточных соседях,—говорил т. Каганович на первом съезде колхозников-ударников.—И там были такие группы империалистов, богачей, генералов, которые хотели и сейчас еще мечтают о нападении на нас. Что же вы думаете—они не напали на нас из-за наших прекрасных глаз?.. Они охотно помешали бы нам, но они прекрасно понимают, что если бы они напали на нас, то мы дали бы им жестокий отпор; они поняли, что порох в нашей пороховнице увеличился, что если они нападут на нас, то мы дадим им сдачу».

Мирная политика Советского союза ***подкрепляется*** *его готовностью к обороне, сдерживающей империалистов, работающих над подготовкой нападения на Советскую страну.*

В частности оборонноспособность советского Дальнего Востока была и остается одной из постоянных забот советского правительства и советской общественности.

Но при всей исключительной выдержанности нашей политики мира и нейтралитета на Дальнем Востоке, при всех успехах этой политики на базе укрепления экономической и военно-политической мощи Союза опасность нападения на нас со стороны Дальнего Востока остается грозной реальностью. Недооценивать ее—значило бы обнаруживать слепоту.

«Дальний Восток продолжает оставаться участком, требующим неослабного внимания нашей страны»,— говорил т. Ворошилов в речи на первом Всесоюзном съезде колхозников-ударников 19 февраля 1933 г. Он заявил:

«Нас не может не беспокоить тот факт, что некоторые достаточно видные политические, общественные и главным образом военные деятели Японии открыто выступают в печати и на публичных собраниях о возможности, а иногда и прямо необходимости войны с нами. Как на всех прочих участках, так и на Дальнем Востоке мы ведем неуклонную политику мира, абсолютного невмешательства в чужие дела и развития дружественных связей со всеми нашими соседями. Уже более года назад мы предложили японскому правительству заключить с нами пакт о ненападении по примеру других стран. Мы неоднократно напоминали и напоминаем об этом нашем предложении. Но японское правительство видимо больше прислушивается к мнениям воинственных империалистов, чем к разумным голосам тех довольно многочисленных японских деятелей, которые хотят мира и улучшения экономических и прочих связей с Советским союзом. Так или иначе, японское правительство отклонило пока наше предложение о заключении пакта с нами, и мы не можем не учитывать этого тревожного обстоятельства в наших мероприятиях, в частности по обороне советских дальневосточных границ».

Весь ход событий последнего времени ясно говорит о необходимости *дальнейшего усиления этой бдительности и готовности к обороне.* Серьезность положения как нельзя лучше явствует из речи, произнесенной

. Молотовым на торжественном заседании пленума Московского совета 6 ноября 1933 г. Отметив неизменность мирной политики СССР и указав на серию антисоветских провокаций в Манчжурии, т. Молотов заявил:

«Когда мы читаем изо дня в день сообщения из японской и манчжурской печати о смехотворных планах некоторых видных японских деятелей насчет захвата Сибири, насчет отторжения Приморья, когда эти планы и рассуждения становятся все более откровенными и наглыми,—мы вынуждены насторожиться, тем более что события на КВЖД и в пограничных районах свидетельствуют о том, что господа авантюристы все более склонны переходить от слов и статей к провокационным действиям и выступлениям. При этом мы заявляем открыто то, что известно всему миру: бессильное правительство Манчжурии не является серьезной величиной в этих вопросах. Всем известно, что ответственность за эти действия целиком ложится на японское правительство как на действительного хозяина Манчжоу Го.

Мы не можем также не считаться с откровенными высказываниями некоторых авторитетных японских деятелей, издевающихся над «глупостью» европейцев, которые считают необходимым перед началом военных действий «объявлять войну». Эти господа из японских деятелей держатся другой точки зрения и откровенно говорят о необходимости напасть на СССР неожиданно и притом поскорее.

Все это заставляет нас быть в полной готовности к серьезным нападениям. Мы уже это должным образом учли и должны сказать в связи с этим следующее: если сейчас мы видим главную свою задачу в разоблачении всяких авантюр, направленных к срыву мира, и в заботе об укреплении Красной армии и нашей обороны при неуклонном проведении и в дальнейшем мирной политики и линии на укрепление нормальных отношений с нашими соседями, то *в случае нападения на СССР* мы будем видеть нашу задачу только в одном: эта задача—полный разгром противника и победа нашей Красной армии. *(Бурные аплодисменты.)*

Мы с особым вниманием следим за событиями, которые происходят на Дальнем Востоке. Мы уверены в том, что вместе с общим укреплением СССР выросла и окрепла наша Красная армия. Мы должны усилить внимание к Красной армии и заботу о ней, и мы уверены в том,

что нападающая сторона скоро поймет, что значит иметь дело с непобедимой Красной армией». *(Аплодисменты.)*

Организаторы захватов пытаются валить с больной головы на здоровую.

С некоторых пор японские военные круги изобрели новый жупел для запугивания японского общественного мнения и для обоснования форсируемого ими лихорадочного вооружения Японии на суше и на море. Жупелом этим являются оборонительные мероприятия, предпринимаемые Советским союзом на его дальневосточной территории. В середине августа газета «Мияко» в качестве наиболее тревожного момента, создающего опасность для мира на Дальнем Востоке, считает «сообщение о том, что Советский союз укрепляется на Амуре и сосредоточивает свои войска на границе Маньчжоу Го, что угрожает независимости последнего и благополучию Дальнего Востока». Почти одновременно Инаво Нитобе, имеющий амплуа представлять японский империализм на таких международных собраниях, куда нужно являться вполне причесанным и с деликатной улыбкой на устах, выступая на конференции Института тихоокеанских сношений в канадском городке Банффе, объявил, что «Москва бесспорно готовится к войне». 13 сентября состоялось знаменательное выступление японского военного министра Араки. Мотивируя на заседании японского высшего военного совета политику усиленных вооружений, Араки упомянул о положении в Китае и об американской морской программе, а по вопросу о Советском союзе заявил следующее:

«Если обратиться к СССР, территория которого соприкасается с Маньчжоу Го, то мы находим, что Советский союз не только не прекратил военную подготовку на границе, но продолжает ее усовершенствовать. Разумеется я не утверждаю, что СССР явно намеревается спровоцировать Японию на войну, однако, если СССР не желает воевать, то только потому, что полагает, что Япония обладает достаточным вооружением, и СССР считает, что, начав войну, он не имел бы никаких шансов на победу. Если бы СССР обнаружил прорехи в подготовленности в вооружениях Японии, то неизвестно, какую он занял бы позицию».

Куда *в первую очередь* устремлено это заявление генерала Араки, как и сопутствующая ему кампания части японской прессы, должно быть ясно всякому. Чтобы провести свою программу перевооружения армии и морского

...ронительства, чтобы навязать стране новые тяжкие финансовые жертвы, чтобы преодолеть растущее недовольство самых широких слоев населения, японские военные круги стремятся напугать общественное мнение страны внешними опасностями, якобы неминуемо угрожающими Японии, если она не будет вооружена до зубов. Но когда генерал Араки пытается отыгрываться в этом смысле за счет Советского союза, когда он изображает политику СССР как фактор, угрожающий миру на Дальнем Востоке, то он заведомо для себя и заведомо для всего мира *салит с больной головы на здоровую*.

* * *

В течение двух с лишним лет японский империализм осуществляет у самых наших границ авантюру, которая к настоящему времени приняла уже и фактической изоляции Японии от всего остального мира. Было бы смешно требовать от советской общественности, от народов Советского союза сочувствия этой авантюре. *Но советское правительство в осуществлении своей независимой мирной политики с самого начала занимало и продолжает занимать позицию строжайшего нейтралитета и невмешательства в маньчжурские дела.* Этот факт многократно официально подтверждался самими японскими властями, не исключая того же военного министра.

Несмотря на это, Советский союз за истекшие два года неоднократно подвергался грубейшим провокациям со стороны японской агентуры в Маньчжурии. Обязательства, данные японским правительством советскому правительству при вводе японских войск в Маньчжурию, относительно того, что советским интересам не будет причинено никакого ущерба, неоднократно оказывались грубо нарушенными. Таким грубым нарушением этого обязательства явились в частности жестокие разрушения, причиненные КВЖД и приведшие к дезорганизации ее коммерческой работы вообще и работы ее восточного направления, конкурирующего с ЮМЖД, в частности. Таким еще более грубым и открытым нарушением является происходящая ныне наглая попытка маньчжурских властей захватить КВЖД путем одностороннего изменения ее административного статута и насилий и террора по отношению к работникам дороги.

Японское правительство пытается отклонить от себя ответственность за эту попытку, ссылаясь на то, что «Манч-

жоу Го является независимым и суверенным государством». Весь мир знает однако, что эта отговорка является лицемерной уверткой. Еще комиссия Литтона установила, что в Манчжоу Го «главная политическая и административная власть находится в руках японских чиновников и советников» и что «японское правительство располагает во всех случаях возможностью осуществления давления, которому нельзя сопротивляться». Только что опубликованная в «Times» (11 и 12 сентября) корреспонденция из Манчжурии констатирует, что «не только в столице, но и во всех важных центрах все дела направляются исключительно японцами». Ко всему этому остается добавить тот показательный факт, что действия манчжурских властей в отношении КВЖД были заранее предуказаны им японской печатью. 19 августа выходящая на английском языке газета «Japan Times» (рассматриваемая многими как официоз японского министерства иностранных дел) поместила вместо передовой статью органа японской ЮМЖД—«Mandchuria Daily News», в которой заявлялось буквально следующее:

«Говоря простым языком, все это означает, что советское господство над железнодорожной собственностью фактически кончилось. Отныне она будет управляться как манчжурская железная дорога. Манчжурия будет управлять Североманчжурской железной дорогой, как деловым предприятием под манчжурским управлением и без признания права двойственного управления...»

Итак официозные японские органы обнаружили поразительную осведомленность относительно предстоявших полтора месяца спустя действий «суверенного независимого государства» Манчжоу Го. Перед нами таким образом лишь специфическое проявление двойной бухгалтерии, практикуемой японским империализмом в его агрессивных действиях по отношению к КВЖД и к советским интересам в Манчжурии.

На занятую Советским союзом позицию невмешательства в манчжурские дела японский империализм отвечает грубейшим насильственным нарушением прав и интересов СССР в Манчжурии. На советское предложение о продаже КВЖД, явившееся новым убедительным свидетельством миролюбия СССР и его готовности доброжелательно урегулировать все спорные вопросы, японские агенты, выступающие в роли представителей Манчжоу Го, отвечают назначением издевательски низкой цены и отказом пойти навстречу разумным требованиям советской

стороны. Многократные настойчивые предложения СССР заключить пакт о ненападении были отклонены японским правительством под давлением сторонников антисоветских авантюр. Мирной политике Советского союза повторно противопоставляется со стороны Японии политика совершенно противоположного качества—политика *авантюристическая*. Эта политика имеет своим ближайшим объектом интересы Советского союза в Манчжурии, *но она теснейшим образом связана и с заведомо агрессивными устремлениями некоторых японских кругов в отношении соседних советских территорий.*

Генерал Араки, голословно обвиняющий СССР в воинственных намерениях, не найдет ни в советской печати, ни в выступлениях советских политических деятелей решительно никаких подтверждений подобных намерений. Напротив, в некоторых японских кругах открыто высказываются именно такие взгляды в отношении советской территории на Дальнем Востоке.

В гораздо более благополучном журнале «Гайко Дзихо» (Дипломатическое обозрение) не далее как в апреле текущего года появилась статья видного японского политического деятеля, одного из руководителей партии «Кокумин Домей» Накано Сейго на тему о «блистательном одиночестве» Японии. В статье этой мы читаем:

«Представление о Японии как о стране с незначительной территорией и бедной ресурсами—ошибочная идея, заимствованная из устаревших учебников географии. Собственно Япония, Формоза, Корея, Сахалин, Манчжурия и Монголия в совокупности обладают богатыми естественными ресурсами, которые можно сравнить с ресурсами любой мировой великой державы. К тому же за узкой полосой воды находится Китай, *а также Приморская область и Камчатка*. В Китае... несколько длинных рек несут огромное количество важных продуктов к портам, расположенным на побережье, противостоящем Японии. Естественный закон экономики и транспорта требует, чтобы Япония использовала эти богатые источники снабжения. *То же самое относится к естественным богатствам Приморской области и Камчатки.* Северное море, Японское море, Китайское море и Западный Тихий океан находятся под полным контролем нашего флота, тогда как жизненная линия на азиатском континенте находится под абсолютным господством нашей армии. В случае, если державам придет

в голову осуществлять экономическую блокаду Японии, в нашей власти будет использовать естественные степи и барьеры азиатского континента и блокировать Китай, Манчжурию и Монголию, *Приморскую область и Камчатку* против держав, так что воды между Японским архипелагом и континентом станут японским озером... Китай, Манчжурия, Монголия и *Приморская область* являются многообещающими землями». (Подчеркнуто везде нами.—*И. Т.*)

Трубадур японского империализма объединяет в своих мечтаниях Китай, Манчжурию и территорию советского Дальнего Востока как одинаковые объекты японского господства. Можно было бы привести бесчисленное множество других примеров этого рода. Нужно ли доказывать, что реальную угрозу миру на Дальнем Востоке представляют именно эти захватнические устремления японских империалистов, столь тесно связанные с политикой антисоветских провокаций в Манчжурии и с политикой безудержных вооружений, подготовляющих новые конфликты.

Одним из конкретных проявлений этой угрозы является *непрекращающаяся активность на Дальнем Востоке белогвардейских наймитов*, состоящих на службе у иностранных интервентов. Информация об этой подпольной деятельности белогвардейцев время от времени проскальзывает в японскую и иностранную дальневосточную печать. Вот для примера типичное сообщение японского же агентства «Ниппон Домпо» из Мукдена от 8 января текущего года:

«Русские белые в Манчжурии организуют движение с целью создания независимого государства на Дальнем Востоке. Русские белые прибывают сюда в растущих количествах со времени основания нового государства, причем большинство их селится в Харбине и Чан-чуне.

Некий православный архиепископ прибыл недавно в Чан-чунь из Харбина и совещался с генералом Нобуеси Муто, командиром квантунской армии и японским послом в Манчжоу Го. Передают, что русский священник ходатайствовал о японской помощи в создании независимого государства для белогвардейцев.

Неизвестно, обещал ли генерал Муто поддержать это движение, но есть серьезные основания полагать, что архиепископу были даны рекомендательные письма к ответственным представителям японского правительства в Токио. Сообщают, что предполагаемое независимое государство будет основано в Восточной Сибири у самых

границ Маньжоу Го и затем распространится на Приморскую область».

Из самих же японских кругов, не исключая официальных, нередко исходят заявления, открыто выражающие агрессивные намерения в отношении Советского союза. Выступая на страницах полуофициозной «Japan Times» в порядке «свободной дискуссии» по вопросу о заключении с Советским союзом пакта о ненападении, некий Тедзума Гасимото, которого редакция рекомендует как «известного патриота», следующим образом аргументировал недопустимость заключения этого пакта:

«Пакт о ненападении не означает, что после его заключения Советская Россия будет проявлять дружественность по отношению Японии. Наоборот, он означает, что Япония не будет иметь других средств воздействия, кроме дипломатических протестов, не подкрепленных военной силой, даже когда Россия будет действовать против интересов Японии в вопросах о Манчжурии, коммунистической пропаганде, рыболовстве и т. д.»

«Известный патриот» считает таким образом само собой разумеющимся, что японский империализм может и должен разрешать спорные вопросы с Советским союзом (в том числе чисто экономические вопросы—рыболовные) *военной силой*. Это не индивидуальное мнение. Это целая школа японской агрессии, японского бронированного кулака по адресу не только Китая, но и Советского союза. Наличие этой школы было совершенно официально признано не кем иным, как представителем Японии в Лиге наций Мацуока.

Мы могли бы в этой связи вспомнить о тех японских документах, выдержки из которых были опубликованы в советской прессе весной 1932 г. и которые содержали в себе прямой конкретный призыв к скорейшей войне с Советским союзом. Подлинность этих документов, кстати сказать, никогда не опровергалась или хотя бы оспаривалась японской стороной. Но доктрина бронированного кулака по отношению к СССР и сейчас провозглашается почти открыто и притом с гораздо более высокой трибуны. Только что в нью-йоркской газете «Herald Tribun» опубликована беседа с тем же японским военным министром генералом Араки, датированная 28 августа. Генерал Араки буквально сказал следующее:

«Нам надоедает коммунистическая активность, как например арест ГПУ ни в чем неповинных рыбаков, и так

называемые бандитские наступления на севере Маньчжоу Го. Россия вполне могла бы по собственному почину положить конец этим неприятностям, прежде чем последует удар со стороны Японии. Если же она этого не сделает, то нам придется прибегнуть к дезинфекционным средствам».

Сущность и значение этого выступления не в тех претензиях, которые предъявляет генерал Араки и которые остаются *голословными и смехотворными*, а в тех совершенно недвусмысленных угрозах, которыми они сопровождаются. Достаточно одного этого заявления, для того чтобы весь мир понял повелительную необходимость сохранения высокого уровня обороноспособности советского Дальнего Востока, в котором генерал Араки собирается заниматься «дезинфекцией». Заявление Араки от 28 августа дает убедительный ответ на его собственные «недоумения» от 13 сентября. Но и без этих неуклюжих антисоветских выпадов действительное соотношение политики Японии и политики Советского союза на Дальнем Востоке очевидно для всего мира. В лондонском «Times», который никак нельзя причислить к закадычным друзьям Советского союза, мы находим (в номере от 11 сентября) следующий вывод относительно дальнейших перспектив в развитии дальневосточной ситуации:

«Будущее Маньчжоу Го—опасная тема для догадок. Трудно представить себе, что японская сфера континентальных интересов, в которой военные держат в своих руках власть, не получит дальнейшего распространения. *В конце концов есть только два фактора, способные сдержать японские притязания в Азии,—состояние японских финансов и качество Красной Армии*». (Подчеркнуто нами.—*П. Т.*)

* * *

Мы отдаем себе конечно полный отчет в том, что в этих и подобных оценках сквозит страстное желание империалистических соперников Японии и врагов Советского союза вызвать японо-советское столкновение на Дальнем Востоке в целях максимального ослабления *и* Японии *и* СССР. В настойчивой подпольной работе, которая ведется *извне* в этом направлении *и точкой приложения которой является Токио, а не Москва*, как раз и заключается одна из наиболее зловещих черт дальневосточной ситуации.

Советский союз не имеет конечно ни малейшего намерения выступать в роли заслона, который империалистические соперники и притеснники Японии могли бы противопоставить этой последней. Советский союз тем менее склонен заниматься перевоспитанием или «сдерживанием» империалистических хищников, верных своей природе и идущих без его помощи к своей неотвратимой судьбе. На Дальнем Востоке Советский союз стоит на страже только своей собственной безопасности, своих законных интересов и *дела мира*. Было бы не только преступлением, было бы смехотворной глупостью, если бы перед лицом антисоветских авантюр в Манчжурии, могущих перерасти в авантюры против советского Дальнего Востока, правительство СССР не приняло элементарных мер предосторожности, единственно способных повидимому охладить чересчур горячие головы «известных патриотов» и других главарей политики захвата, угроз, шантажа и провокации по отношению к Советскому союзу. Но мероприятия, осуществляемые в пределах самой советской территории и направленные исключительно к укреплению ее обороноспособности, не угрожают никому, кроме тех, кто мечтает об антисоветских авантюрах, и то поскольку они эти авантюры собираются осуществлять. Названные мероприятия являются не отрицанием и не отступлением, а подкреплением и подтверждением неизменной мирной политики Советского союза.

Кто поверит генералу Араки, что Советский союз, который с одинаковым доброжелательством и готовностью укрепляет свои отношения со всеми своими соседями, готовится напасть на Японию и не осуществляет этого намерения только из страха перед японскими пушками? Общественное мнение всего мира знает цену этим россказням для маленьких детей. Мы не сомневаемся в том, что им не поверит и общественное мнение Японии.

В этом убеждении Советский союз будет продолжать свою неустанную борьбу за мир и за добрососедское урегулирование всех и всяческих спорных вопросов, не отказываясь, само собой разумеется, от необходимых мер предосторожности и самозащиты и не отступая от исторических слов т. Сталина:

«Ни одной пяди чужой земли не хотим, но и своей земли, ни одного вершка своей земли не отдадим никому».

МЕМОРАНДУМ

о позитивной политике в Манчжурии, представленный 25 июля 1927 г. премьером ТАНАКА ИМПЕРАТОРУ ЯПОНИИ

Со времени европейской войны японские политические и экономические интересы находятся в неурегулированном состоянии. Объясняется это тем, что мы не сумели использовать наши специальные привилегии в Манчжурии и Монголии и полностью реализовать приобретенные нами права. Когда меня назначили премьером, мне было специально поручено охранять наши интересы в этой области и не упускать случаев для дальнейшей экспансии. К подобным задачам нельзя отнестись легко. С тех пор как я в качестве простого гражданина выступаю за позитивную политику по отношению к Манчжурии и Монголии, я всегда стремился к проведению этой политики в жизнь. Для выработки планов колонизации Дальнего Востока и развития нашей новой континентальной империи была созвана специальная конференция, которая работала 11 дней—от 27 июня до 7 июля. На этой конференции присутствовали все гражданские и военные чины, связанные с Манчжурией и Монголией. В результате дискуссии, в которой они участвовали, были вынесены резолюции, которые мы всеподданнейше передаем на рассмотрение вашего величества.

Общие соображения

В Манчжурию и Монголию входят провинции Фынтянь, Гирин, Хейлунцзян и Внешняя и Внутренняя Монголия. Вся эта область занимает 74 тыс. кв. миль, число жителей равняется 28 млн. Эта территория превышает больше чем

---

1 См. «Коммунистический интернационал» № 33—34 за декабрь 1931 г.

в 3 раза размеры нашей собственной империи, не считая Кореи и Формозы, хотя на ней живет втрое меньше жителей, чем у нас. Страна привлекает к себе не только незначительной плотностью своего населения: нигде в мире не найти таких лесных богатств, такого изобилия минеральных богатств и сельскохозяйственных продуктов. Стремясь эксплоатировать эти богатства ради увеличения нашей национальной славы, мы специально создали Южноманчжурскую железнодорожную компанию. Согласно планам, которые должны быть в одинаковой мере выгодными как для Китая, так и для Японии, мы инвестировали в наши железнодорожные, судоходные, лесные, сталелитейные сельскохозяйственные и животноводческие предприятия не меньше 440 млн. иен. Это без сомнения наша наиболее крупная инвестиция и наиболее крепкая организация. Хотя это предприятие находится номинально в коллективном владении правительства и народа, в действительности оно находится всецело в руках правительства. Поскольку Южноманчжурская железнодорожная компания уполномочена осуществлять дипломатические, полицейские и обычные административные функции в целях проведения нашей имперской политики, она является особой организацией, имеющей совершенно такие же права, как и корейский генерал-губернатор. Уже один этот факт говорит о тех огромных интересах, которые мы имеем в Манчжурии и Монголии. Политика, которая проводится по отношению к этой стране, проводится со времен императора Мейджи, на основе его указаний, и вырабатывает и завершает развитие новой континентальной империи, что необходимо для дальнейшего роста нашей национальной славы и процветания бесчисленных грядущих поколений.

К несчастью со времени европейской войны происходят постоянно перемены во внешней и внутренней политике. Власти Трех восточных провинций также пробудились и, следуя нашему примеру, стремятся к реконструкции и индустриальному развитию. Приходится констатировать там поразительный успех, который самым серьезным образом задержал развитие нашего влияния. Это нас поставило в невыгодное положение, и наши переговоры с постоянно сменявшимися правительствами Манчжурии и Монголии кончились неудачей. Кроме того договор девяти держав, подписанный на Вашингтонской конференции, ограничил наши специальные права и привилегии до такой степени, что мы потеряли там всякую свободу.

Опасность грозит самому существованию нашей страны. Если эти препятствия не будут устранены, наше национальное существование не будет обеспечено и наша национальная сила не будет развиваться. Больше того, источники богатства сосредоточены в Северной Манчжурии. Если мы не будем иметь права туда проникнуть, ясно, что мы не сможем получить богатства этой страны. Даже ресурсы Южной Манчжурии, которые мы завоевали в русско-японской войне, сильно ограничиваются договором девяти держав. В результате, в то время как наш народ не может по своему произволу селиться в Манчжурии, китайцы переселяются туда огромными массами. Орды китайцев приезжают каждый год в Три восточные провинции, их численность измеряется миллионами. Они настолько угрожают нашим, приобретенным в Манчжурии и Монголии правам, что наше ежегодное избыточное население, составляющее 800 тыс. человек, уже не может там искать себе убежища. Ввиду этого мы должны признать свою неудачу в попытках установить равновесие между численностью нашего населения и запасами пищи. Если мы не придумаем плана, который бы остановил немедленно приток китайцев, число их по истечении пяти лет будет превышать 6 млн., и мы тогда будем стоять перед гораздо более крупными затруднениями в Манчжурии и Монголии.

Нужно напомнить, что когда был подписан договор девяти держав, ограничивший нашу свободу передвижения в Манчжурии и Монголии, общественное мнение сильнейшим образом заволновалось. Покойный император Таисё созвал конференцию, на которую явились Ямагата и другие высшие чины армии и флота для обсуждения мер борьбы с этим новым обязательством. Я был послан в Европу и Америку для того, чтобы неофициальным образом ознакомиться с отношением крупнейших государственных людей к этому вопросу. Все они считали, что договор великих держав был заключен по инициативе САСШ. Остальные державы, подписавшие этот договор, не возражали против роста нашего влияния в Манчжурии и Монголии при условии, если мы сможем защищать интересы международной торговли и международных инвестиций. Это мне лично заявили политические вожди Англии, Франции и Италии. К несчастью, в тот момент, когда мы были готовы провести нашу политику и объявить с согласия тех, с которыми я беседовал в моей

поездке, о недействительности договора девяти держав, кейюкайский кабинет внезапно пал, и наша политика не смогла осуществиться. Об этом приходится чрезвычайно сожалеть. Обменявшись мнениями с державами относительно развития Манчжурии и Монголии, я поехал обратно через Шанхай. В Шанхае один китаец сделал покушение на мою жизнь, во время покушения одна американка была ранена, но я спасся благодаря божественной защите, оказанной мне моими скончавшимися императорами. Божественное провидение хочет повидимому, чтобы я помог вашему величеству открыть новую эру на Дальнем Востоке и развить новую континентальную империю.

Три восточных провинции являются в политическом отношении несовершенным пятном на Дальнем Востоке. Ради самозащиты и ради защиты других Япония не сможет устранить затруднения в Восточной Азии, если не будет проводить политики «крови и железа», но проводя эту политику, мы окажемся лицом к лицу с САСШ, которые направлены на нас китайской политикой борьбы с ядом при помощи яда. Если мы в будущем захотим захватить в свои руки контроль над Китаем, мы должны будем сокрушить Соединенные штаты, т. е. поступить с ними так, как мы поступили в русско-японской войне. Но для того чтобы завоевать Китай, мы должны сначала завоевать Манчжурию и Монголию; для того чтобы завоевать мир, мы должны сначала завоевать Китай. Если мы сумеем завоевать Китай, все остальные азиатские страны и страны Южного моря будут нас бояться и капитулируют перед нами. Мир тогда поймет, что Восточная Азия наша, и не осмелится нарушить наши права. Таков план, завещанный нам императором Мейдзи, и успех его имеет существенное значение для нашего национального существования.

Договор девяти держав является исключительно отражением духа торгового соперничества. Англия и Америка хотели сокрушить при помощи своих богатств наше влияние в Китае. Предложение о сокращении вооружений является лишь средством уменьшить нашу военную силу и лишить нас возможности завоевать огромную территорию Китая. С другой стороны, богатства Китая будут исключительно в их руках. При помощи этого договора Англия и Америка хотели бы сорвать наши планы. Правительство минсейто превратило договор девяти держав в важное дело и подчеркивало скорее нашу торговлю, чем

наши права в Китае. Это неправильная политика, политика национального самоубийства. Англия может позволить себе разговаривать о торговых отношениях только потому, что она имеет Индию и Австралию, которые снабжают ее предметами питания и разными материалами. Это может позволить себе и Америка, ибо Южная Америка и Канада удовлетворяют ее нужды. Их энергия может быть исключительно посвящена развитию торговли в Китае в целях своего обогащения. Но запасы предметов питания и сырья в Японии уменьшаются по отношению к ее населению. Если мы будем надеяться исключительно на развитие торговли, мы можем быть побиты Англией и Америкой, которые отличаются ничем непревзойденной капиталистической мощью. В конце концов мы ничего не получим. Еще более опасным фактом является то, что китайский народ может в один прекрасный день пробудиться. Даже теперь, в годы внутренних распрей, они могут мирно трудиться и пытаться нам подражать и вытеснять наши товары и таким образом мешать развитию нашей торговли. Если мы вспомним, что китайцы являются нашими единственными покупателями, мы должны бояться того дня, когда Китай объединится и его промышленность начнет процветать. Американцы и европейцы будут с нами конкурировать, и наша торговля в Китае будет подорвана. Предложение миссейто оставить в силе договор девяти держав и проводить по отношению к Манчжурии торговую политику является не чем иным, как политикой самоубийства.

Изучив теперешние условия и возможности в нашей стране, мы должны признать, что наша лучшая политика сводится к принятию позитивных мер в целях обеспечения наших прав и привилегий в Манчжурии и Монголии. Они нам дадут возможность развить нашу торговлю. Это не только задержит промышленное развитие самого Китая, но не допустит проникновения европейских держав. Это единственно мыслимая, лучшая политика.

Для того чтобы завоевать подлинные права в Манчжурии и Монголии, мы должны использовать эту область как базу и проникнуть в остальной Китай под предлогом развития нашей торговли. Вооруженные уже обеспеченными правами, мы захватим в свои руки ресурсы всей страны. Имея в своем распоряжении все ресурсы Китая, мы перейдем к завоеванию Индии, Архипелага, Малой Азии, Центральной Азии и даже Европы. Но захват в свои руки

контроля над Манчжурией и Монголией является первым шагом, если раз Ямато желает отличиться в континентальной Азии. Окончательный успех может выпасть на долю той страны, которая имеет достаточно съестных припасов. Процветание промышленности возможно лишь в стране, обеспеченной предметами питания и сырьем; полное развитие национальной силы возможно лишь в государстве, раскинувшемся на огромной территории. Если мы будем проводить позитивную политику, расширяя наши права в Манчжурии и в Китае, все эти условия, необходимые для могущественной нации, уже перестанут быть проблемами. Кроме того будет обеспечено и наше избыточное население, которое составляет каждый год 700 тыс. человек. Если мы хотим начать новую политику и обеспечить постоянное благоденствие нашей империи, мы должны проводить позитивную политику по отношению к Манчжурии и Монголии.

Манчжурия и Монголия — не китайская территория

С исторической точки зрения Манчжурия и Монголия не являются китайской территорией и не являются владением Китая. Доктор Яно основательно изучил китайскую историю и пришел к заключению, что Манчжурия и Монголия никогда не были китайской территорией. Этот факт возвещен всему миру авторитетным представителем императорского университета. Исследования д-ра Яно настолько тщательны, что ни один ученый в Китае их не оспаривает. Тем не менее наиболее несчастным обстоятельством является то, что в нашем объявлении войны России наше правительство открыто признало суверенитет Китая над этими странами и то же самое сделало на Вашингтонской конференции, когда мы подписывали договор девяти держав. Вследствие этих двух наших ошибок суверенитет Китая в Манчжурии и Монголии считается установленным в дипломатических отношениях, и наши интересы от этого серьезно страдают. Хотя Китай говорит о республике пяти рас, тем не менее Тибет, Синцзян и Манчжурия всегда были в прошлом особыми областями, и их князья имели свои таможенные права. В действительности таким образом суверенные права находились в руках князей. При первом случае мы должны объяснить миру истинное положение вещей. Мы должны были бы также проникнуть во Внешнюю и Внутреннюю Монголию в целях реформи-

рования этой страны. Пока князья осуществляют там свои прежние административные функции, суверенные права находятся в их руках. Если мы хотим проникнуть в эти территории, мы должны рассматривать их как правителей и договариваться с ними о правах и привилегиях. Мы будем иметь прекрасные условия, и наше национальное влияние будет быстро расти.

Позитивная политика в Манчжурии

Что касается прав в Манчжурии, то мы должны были сделать решительные шаги на основе 21 требования и добиться следующего для обеспечения прав, которые мы завоевали:

1) После того как закончится договор о торговой аренде на 1931 г., мы должны получить возможность продолжить этот срок по нашему желанию. Кроме того должно быть признано наше право аренды земли для коммерческих, промышленных и сельскохозяйственных целей.

2) Японские граждане должны иметь право разъезжать и жить в восточной части Монголии и заниматься там торговой и промышленной деятельностью. Китай должен их освободить от подчинения китайскому закону. Они не должны подвергаться незаконному обложению налогами и незаконным допросам.

3) Мы должны иметь право эксплоатировать 19 угольных и железных шахт в Фынтяне и Гирине, а также право эксплоатировать лесные богатства.

4) Мы должны получить преимущественное право на постройку железных дорог и размещение займов для этих целей в Южной Манчжурии и Восточной Монголии.

5) Должно быть увеличено число японских политических, финансовых и военных советников. Мы должны иметь преимущественное право защиты корейцев в Китае.

6) Мы должны получить право организовать полицейские станции для защиты корейцев в Китае.

7) Срок управления и развития Гирин-чанчуньской железной дороги должен быть продлен до 99 лет.

8) Мы должны получить исключительное право на продажу специальных продуктов и преимущественное право поддерживать пароходное сообщение с Европой и Америкой.

9) Мы должны получить исключительное право разрабатывать ископаемые богатства в Хейлунцзяне.

10) Мы должны получить право построить Гирин-хойрынскую и Чанчунь-далайскую железные дороги.

11) В случае если понадобятся деньги для выкупа Восточнокитайской железной дороги, японское правительство должно получить преимущественное право предоставить заем Китаю.

12) Мы должны получить специальные права в портах Аньдунс и Инкоу и право транзитных перевозок через эти гавани.

13) Мы должны быть совладельцами Центрального банка Трех восточных провинций.

14) Мы должны получить право эксплоатации пастбищ.

Политика по отношению к Внешней и Внешней Монголии

Так как Манчжурия и Монголия находятся еще в руках своих князей, то мы должны их в будущем признавать правителями этих стран и оказывать им поддержку. Руководясь этим соображением, дочь квантунского губернатора—генерала Фукусима—рисковала своей жизнью, живя среди варварского монгольского населения в Тушету, где она исполняла роль советника при местном князе и тем самым служила императорскому правительству. С тех пор как племянница манчжурского князя Су стала женой владетельного князя, завязались более тесные отношения между правительством и монгольским князем. Все князья Внешней и Внутренней Монголии относятся к нам с величайшим уважением, в особенности с тех пор, как мы привлекаем их особыми приношениями и протекциями. 19 отставных японских офицеров находятся в настоящее время в Тушету. Мы там уже приобрели монопольные права на покупку шерсти, недвижимости и на эксплоатацию горных богатств. Мы пошлем туда секретным образом еще большее количество отставных офицеров. Они должны быть одеты, как китайцы, для того чтобы не привлекать к себе внимания мукденского правительства. Разбросанные в различных местах, они могут заниматься земледелием, скотоводством и торговлей шерстью. С другими князьями мы можем поступить точно таким же образом, как и с князем в Тушету. Мы должны всюду иметь своих отставных офицеров для того, чтобы захватить в свои руки контроль над князьями. Когда во Внешней и Внутренней Монголии будет достаточное количество нашего народа, мы скупим там землю,

заплатив за нее одну десятую ее подлинной ценности, и начнем разводить рис для того, чтобы тем самым увеличить наши запасы продовольствия. Там, где земля не подходит для разведения риса, можно заняться скотоводством и разводить лошадей, что имеет большое значение в военном отношении. В остальных местностях мы можем заняться консервной промышленностью и экспортировать наши товары в Европу и Америку. Развитие меховой и кожевенной промышленности также принесет нам выгоды. В конце концов Внешняя и Внутренняя Монголия окажутся вполне в наших руках. Так как вопрос о суверенных правах здесь недостаточно выяснен, а китайское и советское правительства заняты другими делами, то мы можем спокойно расширять наше влияние. Когда большая часть земли окажется в наших руках, уже не будет спора о том, принадлежит ли Монголия японцам или монголам. Опираясь на нашу военную силу, мы сможем реализовать нашу позитивную политику. Для осуществления этого плана необходимо ассигновать миллион иен «из секретных фондов» военного министерства и отправить 400 отставных офицеров во Внешнюю и Внутреннюю Монголию. Эти офицеры, одетые, как китайские граждане и выступающие в роли учителей, должны смешаться с населением, завоевать доверие монгольских князей, получить у них право заниматься скотоводством и горным делом и заложить таким образом основы наших национальных интересов на ближайшие 100 лет.

Поддержка и защита корейской иммиграции

С тех пор как мы аннексировали Корею, мы имели там очень мало забот. Однако декларация президента Вильсона о самоопределении рас, провозглашенная им после европейской войны, сыграла роль божественного откровения для угнетенных народов. Корейцы не явились исключением, и дух беспокойства пропитал всю страну. Вследствие свободы, которой они пользуются в Манчжурии, благодаря несовершенной полицейской системе, а также благодаря богатству страны, в Трех восточных провинциях набралось не меньше одного миллиона корейцев. Это является для нас весьма выгодным и сильно поднялo наше влияние с военной и экономической точки зрения. С другой стороны, это дает новые надежды в области управления корейцами. Они будут нашим авангардом в коло-

низации нетронутых земель и будут тем звеном, которое нас свяжет с китайским народом. С одной стороны, мы могли бы использовать натурализовавшихся корейцев в целях закупки земель для разведения риса, с другой стороны, мы могли бы оказать им финансовую помощь через посредство Кооперативного общества Южноманчжурской железной дороги и др., и таким образом мы бы их использовали в первую очередь для нашего экономического проникновения. Это смягчит наше положение в области продовольственной и вместе с тем откроет новые возможности колонизации. Корейцы, принявшие китайское подданство, являются китайцами лишь формально, и они вероятно вновь к нам вернутся. Их нельзя сравнивать с японцами, натурализовавшимися в Калифорнии и в Южной Америке. Они лишь временно превратились в китайцев. Когда их число дойдет до двух с половиной миллионов и больше, их можно будет в случае необходимости подстрекнуть к военным действиям, и мы им окажем поддержку, утверждая, будто мы подавляем корейское движение. Так как не все корейцы приняли китайское подданство, то в других странах не будут знать, кто вызвал беспорядки—китайские или японские корейцы. Мы всегда сможем ввести мировое общественное мнение в заблуждение.

Имея возможность использовать корейцев в этих целях, мы должны принять меры к тому, чтобы китайцы не использовали их против нас. Но Манчжурия является в такой же мере под нашей, как и под китайской юрисдикцией. Если китайцы попытаются использовать корейцев для борьбы с нами, то у нас в руках будет повод для войны с Китаем. В этом случае наиболее грозным фактором является Советская Россия. Если китайцы используют «красных» для того, чтобы повлиять на корейцев, то мышление нашего народа изменится, и нам будет угрожать великая опасность. Теперешний кабинет принимает ввиду этого все меры предосторожности против такой возможности. Если мы хотим использовать корейцев для развития нашей новой континентальной империи, то мы должны особенно тщательно выработать для них наши меры защиты. Мы должны увеличить наши полицейские силы в Северной Манчжурии, основываясь на договоре Митсуя для того, чтобы иметь возможность оказать корейцам поддержку и помочь им быстро двигаться вперед. «Тотуку Кайся» («Общество развития Востока») и Южноманчжурская железнодорожная компания должны им также оказать

финансовую помощь. Нужно ставить корейцев в особенно выгодные условия для того, чтобы они могли развивать богатства Манчжурии и Монголии и монополизировать в своих руках торговые права. Приток корейцев в эти территории имеет такое огромное экономическое и военное значение, что императорское правительство не может не поддержать его. Это открывает новые перспективы для нашей империи. После того как Вашингтонская конференция свела на-нет выгоды договора, заключенного между Лансингом и Иши, мы можем восстановить наше положение лишь в том случае, если в Манчжурии будет несколько миллионов корейцев. В области международных отношений мы здесь не можем натолкнуться ни на какие затруднения.

Железные дороги и развитие нашего нового континента

Транспорт—это основа национальной защиты, это гарантия победы и оплот экономического развития. Общее протяжение китайских железных дорог составляет всего 7 200—7 300 миль, причем 3 тыс. миль приходится на Манчжурию и Монголию. Принимая во внимание размеры Манчжурии и Монголии и обилие их естественных богатств, мы можем сказать, что там необходимы еще дороги с общим протяжением не меньше 5—6 тыс. миль. Весьма жалко, что наши железные дороги сосредоточены главным образом в Южной Манчжурии и не доходят до источников богатств, находящихся в северных частях страны. В Южной Манчжурии имеется очень много китайцев, которые относятся весьма благоприятно к нашим военным и экономическим планам. Если мы хотим развить наши естественные богатства и укрепить нашу национальную оборону, мы должны строить железные дороги в Северной Манчжурии. Мы тогда сможем посылать больше японцев в Северную Манчжурию. Оттуда мы можем усилить во много раз наше политическое и экономическое развитие в Южной Манчжурии и укрепить нашу национальную оборону в интересах мира и порядка на Дальнем Востоке. ЮМЖД была построена главным образом для экономических целей. Нехватает окружных линий, необходимых для мобилизации и транспорта войск. Отныне мы должны преследовать военные цели и охватить окружными дорогами сердце Манчжурии и Монголии, для того чтобы можно было, с одной стороны, сорвать военное, политическое и экономическое развитие

Китая, а с другой стороны, задержать проникновение русского влияния. Вот ключ к нашей континентальной политике.

Имеются две основные железнодорожные линии в Манчжурии и Монголии, а именно: Восточнокитайская и Южноманчжурская. Что касается дороги, построенной китайцами, то она без сомнения получит со временем огромное значение благодаря финансовой поддержке гиринского провинциального правительства. Опираясь на объединенные ресурсы провинций Фынтянь и Хейлунцзян, китайские железные дороги значительно обгонят в своем развитии нашу ЮМЖД, и начнется ожесточенная конкуренция. К счастью для нас, финансовое положение провинции Фынтянь сильнейшим образом расстроено, и без нашей помощи китайские власти не смогут это положение исправить. Мы должны это использовать. Мы должны сделать позитивные шаги и добиться нашей цели в области железнодорожного строительства. Если мы сумеем манипулировать, банкноты провинции Фынтянь совершенно обесценятся, и провинция обанкротится. Фынтяньские власти не смогут тогда конечно думать о развитии Манчжурии и Монголии. Но мы должны считаться с КВЖД. Она образует букву «Т» с ЮМЖД. Эта система не отвечает военным требованиям. Если рассматривать ЮМЖД как основную, то китайцы должны строить свои дороги по направлению с севера на юг, и это отвечает их интересам. Наши интересы не должны таким образом обязательно сталкиваться с китайскими. Сейчас, когда Россия теряет свое влияние и не в состоянии продвигаться вперед в Манчжурию и Монголию, китайцы должны поддерживать нас в нашем железнодорожном строительстве. К нашему удивлению однако фынтяньское правительство построило недавно две дороги из Тагушаня в Тунляо и из Гирина в Хайнин исключительно для военных целей. Эти две железные дороги наносят сильнейший урон нашим военным планам в Манчжурии и Монголии и интересам Манчжурской железной дороги. Мы поэтому энергично протестовали против этого строительства.

Если эти дороги были построены, это объясняется тем, что наш представитель, а равно представители ЮМЖД недооценивали возможности фынтяньского правительства. Когда мы интервенировали, было уже поздно, и дороги были закончены. Американцы постарались инвестировать капиталы и развить через посредство британских капита-

тистов порт Хулутдао. Воспользовавшись этим, фынтяньское правительство вложило американский и британский капиталы в эти железные дороги для того, чтобы нанести нам удар. Сейчас нам остается выжидать удобный момент для того, чтобы поговорить с Китаем об этих двух дорогах.

Недавно распространились слухи о том, что фынтяньское правительство собирается провести дорогу из Тагушаня в Харбин через Тунляо и Фую. Это будет прямая линия между Пекином и Харбином, которая не затронет ни ЮМЖД ни КВЖД. Еще более поразительно то, что собираются проводить еще другую дорогу из Мукдена в Харбин через Хайлунь, Гирин, Ичан. Если этот план осуществится, то эти две линии окружат ЮМЖД и ограничат ее сферу деятельности до минимума. Это сорвет наше политическое и экономическое развитие Манчжурии и Монголии, и цель договора девяти держав будет достигнута, и наша власть будет ограничена. Завершение этих двух железных дорог сделает ЮМЖД совершенно бесполезной. Южноманчжурская железнодорожная компания окажется лицом к лицу с настоящим грузом. Однако в настоящих финансовых условиях Китай не может строить эти две дороги без помощи иностранных займов. Стоимость перевозок будет на этих двух дорогах выше, чем на ЮМЖД. Эти соображения должны нас несколько успокоить. Но если эти две дороги будут построены и китайское правительство установит дешевый тариф для того, чтобы конкурировать с ЮМЖД, то не только мы, но и КВЖД понесут убытки. Япония и Россия конечно не позволят Китаю провести такие обструкционные меры тем более, что КВЖД зависит главным образом от грузов, отправляемых из Цицикара и Харбина.

ЮМЖД не отвечает нашим целям. Учитывая наши теперешние нужды и нашу деятельность в будущем, мы должны иметь под своим контролем железные дороги и в Северной и в Южной Манчжурии. Число китайцев настолько растет в Южной Манчжурии, что это нанесет ущерб нашим политическим и экономическим интересам. Мы принуждены в этих условиях предпринять агрессивные шаги в Северной Манчжурии в целях обеспечения ее процветания в будущем. Но если КВЖД, принадлежащая Советской России, будет развиваться в этой области, то наша новая континентальная политика получит удар, и это вызовет в ближайшем будущем неминуемый конфликт с Советской Россией. В этом случае нам вновь придется сыграть ту

роль, которую мы играли в русско-японской войне. КВЖ, как станет нашей точно так же, как стала нашей ЮМЖД, и мы захватим Гирин так, как мы тогда захватили Дайрен. В программу нашего национального роста входит повидимому необходимость вновь скрестить наши мечи с Россией на полях Монголии в целях овладения богатствами Северной Манчжурии. Пока этот скрытый риф не будет взорван, наше судно не сможет пойти быстро вперед. Мы должны потребовать от Китая права строить важные военные железные дороги. Когда эти дороги будут закончены, мы будем всемерно наполнять Северную Манчжурию нашими силами. Советская Россия должна будет вмешаться, и это будет нашим предлогом для открытого конфликта.

Мы должны настаивать на постройке следующих железных дорог:

1. Тунляо-жэхэская железная дорога. Эта дорога должна иметь протяжение в 447 миль, и ее постройка обойдется в 50 млн. иен. Когда она будет закончена, она принесет нам огромную пользу в нашей борьбе за развитие Внутренней Монголии. Это между прочим самая важная для нас железнодорожная линия. Из тщательных расследований военного министерства видно, что во Внутренней Монголии имеются огромные земельные участки, пригодные для возделывания риса. При должном развитии этого края там может жить не меньше 20 млн. наших японцев. Там можно развести до 2 млн. голов скота, которые мы можем использовать для нашего питания и для экспорта в Европу и Америку. Наконец шерсть. Монгольская овца даст в три раза больше шерсти, чем японская. Южноманчжурская железнодорожная компания сделала много опытов, которые подтвердили этот факт. Монгольская шерсть гораздо лучше австралийской. Благодаря своей дешевой высококачественной шерсти, имеющейся в огромных количествах, Монголия является потенциальным источником огромнейшего богатства. Если мы эту промышленность будем поддерживать путем развития железных дорог, то продукция вырастет по меньшей мере в 10 раз. Мы этот факт скрываем от остального мира для того, чтобы Англия и Америка не начали с нами конкурировать. Мы поэтому должны в первую очередь контролировать транспорт и затем приступить к развитию шерстяной промышленности. Если остальные страны узнают об этом преждевременно, мы можем опоздать. Имея в своем распоряжении железную дорогу, мы сможем развить шерстяную промышленность не только для

наших надобностей, но и для экспорта в Европу и Америку. Мы сможем осуществить наше желание овладения Монголией. Эта железная дорога является жизненным вопросом для нашей политики в Монголии. Без нее Япония не сможет играть никакой роли в развитии Монголии.

2. Солунь-таонаньская дорога. Эта линия должна иметь протяжение в 136 миль, и она обойдется в 10 млн. иен. Если мы заглянем в будущее Японии, то мы должны признать неизбежность войны с Россией на полях Северной Манчжурии. С военной точки зрения эта дорога не только позволит нам угрожать тылу России, но и лишить ее возможности подвозить подкрепления в Северную Манчжурию. С экономической точки зрения эта дорога позволит нам эксплоатировать богатства долины Таоэрхо и укрепить положение ЮМЖД. Князья близлежащих областей, которые относятся к нам дружелюбно, смогут использовать эту дорогу для того, чтобы усилить наше влияние и открыть нам свои территории. От этой дороги зависит наша возможность сотрудничества с монгольскими князьями, приобретения земель, шахт и пастбищ и развития торговли с туземным населением, что является необходимым для дальнейшего проникновения. Вместе с Тунляожэхэской дорогой это будут две дороги, ведущие в Монголию. Когда промышленность будет полностью развита, мы сможем распространить наше влияние и на Внешнюю Монголию. Эта линия однако опасна тем, что она может облегчить китайцам переселение в эту новую область и тем самым повредить нашей политике. Вспомним о ЮМЖД. Разве она не служит интересам Китая? Важно однако то, что страна и ископаемые богатства, находящиеся в соседстве с дорогой, принадлежат монгольским князьям. Если мы овладеем этими землями и копями, нам не придется опасаться китайской иммиграции. Мы можем даже заставить князей издать законы, запрещающие китайскую иммиграцию. Если жизнь станет там тяжелой для китайцев, они конечно оставят эти места. Есть и другие методы, при помощи которых можно воспрепятствовать китайцам селиться в этих местах. Если мы будем достаточно энергичны, не останется и следа китайцев на монгольской территории.

3. Участок Чанчунь-таонаньской дороги. Так как эта дорога идет от Чанчуня до Фую и Далая, то линия между Чанчунем и Таонанем будет иметь протяжение в 181 милю и обойдется приблизительно в 11 млн. иен. Эта линия имеет

огромное экономическое значение, ибо богатства Маньчжурии и Монголии сконцентрированы в Северной Маньчжурии. Мы получим доступ к Северной Маньчжурии и поможем ЮМЖД, нанеся удар КВЖД. Дорога проходит в долине реки Сунгари, где почва отличается своим плодородием и обилием сельскохозяйственных продуктов. Вблизи Далая находятся водопады Юэляи, которые можно использовать для получения электрической энергии. Нет сомнения, что эта часть дороги превратится в процветающий центр промышленности и сельского хозяйства. Построив эту линию, мы сможем превратить Далай в базу для наступления на Сибирь по трем дорогам, а именно: через Таонань, Аньчань и Цицикар. Богатства Северной Маньчжурии окажутся в наших руках. Эта линия поможет нам также итти на Хейлунцзян. Вместе с дорогой между Чанчунем и Таонанем это образует окружную линию, которая будет иметь стратегическое значение для наших целей проникновения в Монголию. Население здесь очень жидкое, а страна богатая. В течение 50 лет не придется прибегать к удобрительным средствам. Имея в руках эту дорогу, мы сможем овладеть богатствами Северной Маньчжурии и Монголии. Здесь смогут жить по меньшей мере еще 30 млн. человек. Когда Дуньхуаская дорога будет закончена и соединена с линией, идущей из Хойрена в Корею, все продукты смогут быть доставлены прямым путем в Осаку и Токио. В случае войны можно будет посылать наши войска в Северную Маньчжурию и Монголию через Японское море без всяких остановок, не давая возможности китайским войскам проникнуть в Северную Маньчжурию. Ни американские, ни русские суда не смогут пройти в Корейский пролив. Как только будут закончены дороги между Гиринем и Хойреном и между Чанчунем и Даласм, мы станем независимы в области продовольствия и сырья. В случае войны нам никакая страна не сможет помешать. Поэтому, когда начнутся переговоры о Маньчжурии и Монголии, Китай должен будет покориться и уступить нашим требованиям. Если мы хотим положить конец политическому существованию Маньчжурии и Монголии в соответствии с третьей фазой плана императора Мейдзи, мы должны закончить эти две железные дороги. Чанчунь-далайская железная дорога сильнее поднимет ценность ЮМЖД и сама превратится в выгодную дорогу. Это весьма важное начинание в нашем стремлении проникнуть в эту территорию.

4. Гирин-хойренская линия. В то время как Гирин-дунь-

хуаская линия уже готова, линия Дуньхуа —Хойрен должна еще быть построена. Узкая колея, которую мы имеем между Хойреном и Лаодгоу, не годится для экономического развития нового континента. Нужно потратить 8 млн. ен на расширение колеи в этой части дороги и 10 млн. ен на постройку дороги между Лаодгоу и Хунхуа. Все это обойдется приблизительно в 20 млн. ен. Когда это будет сделано, мы добьемся успеха с нашей континентальной политикой. До сих пор люди, ездившие в Европу, должны были ездить или через Дайрен или через Владивосток. Сейчас они могут ехать непосредственно из Цицикара по Сибирской дороге. Когда мы будем иметь в своих руках эту огромную транспортную систему, мы уже не должны будем скрывать наших намерений в Манчжурии и Монголии, вытекающих из третьей фазы планов Мейдзи. Раса Ямато сможет тогда перейти к завоеванию мира. Согласно завету Мейдзи наш первый шаг должен был заключаться в завоевании Формозы, а второй—в аннексии Кореи. Теперь должен быть сделан третий шаг, заключающийся в завоевании Манчжурии, Монголии и Китая. Когда это будет сделано, у наших ног будет вся остальная Азия, включая и острова Южного моря. Если эти задачи до сих пор не выполнены, то это является преступлением ваших слуг.

Народ, живущий в Гирине, Фынтяне и части Хейлунцзяна, называется в истории сушанами. Сушаны рассеяны по морскому побережью и долинам рек Амура и Тумыньула. В различные исторические эпохи они назывались кулаями, сушанами, гуэ́ями, палу, вотсу, фуюй, киданями, бохаями и нютженями. Это была смешанная раса. Предки манчжурской династии родились здесь. Они сначала овладели Гирином, а затем установили свою власть в Китае на 300 лет. Если мы хотим осуществить нашу континентальную политику, мы должны учесть этот исторический факт и прежде всего укрепиться в этой области. Отсюда вытекает потребность постройки Гирин-хойренской дороги.

В зависимости от обстоятельства мы решим, должна ли эта дорога закончиться в Цицикаре или Лоцине или даже Сюпици. С точки зрения национальной обороны Лоцин является идеальной гаванью и идеальным конечным пунктом дороги. Возможно, что это будет лучшая гавань в мире. С одной стороны, она разорит Владивосток, а с другой стороны, это будет центр богатства Манчжурии и Монголии. Дайрен еще не является нашей территорией, и пока Манчжурия не часть нашей империи, трудно раз-

взять этот город. Ввиду этого мы окажемся в трудном положении во время войны. Враг может блокировать Цусимский и Сенцимский проливы, и мы будем отрезаны от Манчжурии и Монголии. Потеряв эти ресурсы, мы будем побеждены, тем более что Англия и США совместно работали над сокращением наших сил во всех областях. Мы должны будем когда-нибудь бороться с Америкой в целях самосохранения, а также для того, чтобы дать предостережение Китаю. Американская азиатская эскадра стояла у Филиппинских островов, вблизи Цусимы и Сенцимы. Если они пошлют в эти места свои подводные лодки, мы будем совершенно отрезаны от манчжурских и монгольских источников продовольствия и сырья. Но если Гирин-хойренская железная дорога будет закончена, мы будем иметь большую окружную линию через всю Манчжурию и Корею и небольшую линию в Северной Манчжурии. Мы получим полную свободу передвижения во всех направлениях и сможем посылать солдат и все необходимые припасы по всем направлениям. Если мы доставим при помощи этой линии все необходимые материалы в наши порты в Цуруга и Нигата, подводные лодки противника не смогут проникнуть в Японский и Корейский проливы. Нам тогда никто не сможет помешать, и Японское море станет центром нашей национальной обороны. Обеспечив транспорт продовольствия и сырья, мы уже не должны будем бояться ни американского флота, ни китайской или русской армии. Мы тогда сможем подавить Корейское движение. Повторяю, если мы хотим проводить новую континентальную политику, мы должны построить эту линию. Манчжурия и Монголия являются теми восточными странами, которые еще совершенно не развиты. Раньше или позже нам придется здесь встать с Советской Россией. Бои разыграются в Гирине.

Для того чтобы сделать третий шаг, указанный в планах Мейдзи в отношении Китая, мы должны будем поступить следующим образом:

1. Мы должны будем мобилизовать армейские дивизии в Фукуока и Хиросима и отправить их в Южную Манчжурию через Корею. Мы таким образом помешаем продвижению китайских солдат на Север.

2. Мы пошлем армейские дивизии, находящиеся в Нагоя и Гуансэй (?), морем в Цинцин, а оттуда в Северную Манчжурию по Гирин-хойренской дороге.

3. Квантунскую армию придется послать через Нигата в

Цинцин или Лоцин, а оттуда по Гирин-хойренской дороге в Северную Манчжурию.

4. Армейские дивизии, находящиеся в Хокайдо и Сендай, должны будут отправиться морем из Аомори и Хокодатэ во Владивосток, а оттуда по сибирской дороге в Харбин. Они остановятся в Фынтяне, захватят Монголию и помешают русским двигаться на юг.

5. Все эти дивизии сформируются в две крупные армии. На Юге они займут Шанхайгуань и защитят его от северного продвижения китайских войск. На Севере они будут защищать Цицикар от продвижения русских на Юг. В наших руках окажутся таким образом все ресурсы Манчжурии и Монголии. Если даже война будет продолжаться 10 лет, нам нечего будет бояться недостатка в припасах и снаряжении.

Посмотрим, насколько удалена Гирин-хойренская дорога от наших портов. Если считать Цинцин за исходный пункт, то оттуда до Владивостока будет 130 миль, до Цуруга—475 миль, до Модзи—500 миль, до Нагасаки—650 миль до Фузана—500 миль.

Возьмем теперь порт Цуруга как исходный пункт. В этом случае мы должны считаться с Осаки как промышленным центром.

1. От Чанчуня до Осаки 406 миль сушей через Лоцин и 475 миль морем. Проезд продолжится 51 час.

2. Если ехать через Дайрен и Кобе, то Чанчунь отстоит от Осаки на расстоянии 535 миль на суше и 870 миль, если ехать морем. Дорога продолжится 92 часа.

Если Цуруга станет связующим пунктом вместо Дайрена, то мы экономим 41 час. Считая 30 миль в час на суше и 12 миль в час на море, мы можем сократить продолжительность проезда вдвое, если используем быстроходные пароходы и скорые поезда.

Манчжурия и Монголия являются Бельгией Дальнего Востока. Во время великой войны Бельгия превратилась в поле сражения. В наших войнах с Россией и САСШ мы должны будем заставить Манчжурию и Монголию перенести все ужасы войны. Так как ясно, что мы должны нарушить нейтралитет этих территорий, то мы не можем не строить Гирин-хойренской и Чанчунь-далайской дороги, так как это необходимо для нашей военной подготовки. В случае войны мы можем с легкостью увеличить наши военные силы, а в мирное время мы можем перевозить тысячи людей в эту область и возделывать там рис. Эта

железнодорожная линия таким образом открывает перед нами возможности экономического развития и завоевания при помощи вооруженных сил.

Постройка Гирин-хойренской дороги должна быть проведена и закончена в сухое время года. Дорога должна пройти через гранитные горы. Для проведения тоннелей придется использовать самые современные машины. Песку, кирпича, глины достаточно во всей этой области, и в этом мы не будем чувствовать недостатка при постройке дороги. Нужно будет только перевезти рельсы, вагоны и локомотивы. Благодаря этому можно будет снизить стоимость постройки по меньшей мере на 30% и закончить постройку почти вдвое скорее обычного.

Тщательные исследования нашего генерального штаба в Южноманчжурской железнодорожной компании показали, что в области, прилегающей к дороге, имеется в общем 200 млн. *т* леса. Если мы будем срубать ежегодно 1 млн. *т* леса для ввоза в нашу страну, то мы сможем это делать в течение 200 лет. Мы не будем тогда нуждаться в американском лесе, который обходится нам в 80—100 млн. иен в год. Мы не можем об этом открыто говорить, так как если Китай и Россия узнают, что мы получаем столько леса из Манчжурии, то они захотят с нами конкурировать и возьмутся сами за постройку этой линии. Кроме того Соединенные штаты могут купить у фынтяньского правительства право на эксплоатацию всего леса. Америка сможет тогда убить нашу бумажную промышленность.

Гирин назывался «океаном деревьев» еще во времена императора Цянь Луня. С тех пор были посажены еще новые леса. Трудно представить себе богатство этих лесных ресурсов. Для того чтобы перевозить этот лес из Гирина в Осаку через Чанчунь и Дайрен, нужно сделать расстояние в 1 385 миль. На каждый кубический фут нам приходится тратить 34 цента. Ввиду этой дороговизны транспорта мы не можем конкурировать с САСШ. Однако если будет построена Гирин-хойренская дорога, то это расстояние сократится до 700 миль. Мы сможем тогда отправлять лес морем в Осаку, тратя лишь 13 центов за кубический фут. Мы тогда конечно вытесним американский лес. Считая, что одна тонна леса даст прибыли 5 иен, мы видим, что при наличии двухсот миллионов тонн леса мы сможем благодаря железной дороге с легкостью заработать 1 млрд. иен. Мы запретим импорт американского леса в нашу страну. Кроме того благодаря удешевлению леса мы

сможем заработать еще 20 млн. иен в год на мебельной, бумажной промышленности и пр.

Там имеются еще угольные копи Синьцин, которые хранят в своих недрах 600 млн. *m* угля. Качество этого угля выше фушунского, его легко добывать и из него можно получить керосин, который мы можем использовать у себя дома или продавать Китаю. Гирин-хойренская железная дорога принесет нам и ряд других преимуществ, и все это мы получим без всякого труда. Уголь явится дополнением к углю Фушунских копей. Получив в свои руки эти обе угольные области, мы будем иметь ключ ко всей промышленности Китая. На синьцинском угле мы сможем зарабатывать 5 иен на тонну при отправке его в Японию. Эта прибыль поднимется до 16 иен, если мы добудем из этого угля и все побочные химические продукты. Все это мы получим исключительно благодаря Гирин-хойренской дороге. Кроме того имеются золотые россыпи вдоль реки Мутан. Как только Гирин-хойренская дорога начнет работать, Южноманчжурская железнодорожная компания сможет осуществить свои приобретенные права на золотые прииски в Цзяпигоу и лесные богатства в гиринской промышленности. Вблизи Дуньхуа можно иметь огромные массы сельскохозяйственных продуктов—овса, пшеницы и пр. Там же имеются 20 винных заводов, 30 заводов, вырабатывающих растительные масла, и пр. Все это можно получить, лишь построив новую дорогу. Вдоль дороги можно вести торговлю с годичным оборотом в 4 млн. иен. Перевозка одних лишь сельскохозяйственных продуктов не только покроет все эксплоатационные расходы, но и даст чистую прибыль в 200 тыс. иен в год. Если еще считать доходы от перевозки леса, угля и побочных продуктов, то мы получим прибыль в 8 млн. иен в год. Помимо этого укрепится положение на Манчжурской железной дороге, будут приобретены права на леса, копи и пр. и будет перевезено огромное количество японцев в Северную Манчжурию. В первую очередь важно сокращение расстояния между Японией и источниками богатства в Северной Манчжурии. За 3 часа можно попасть из Цинцина в Хайлин, 3 часа нужно для того, чтобы проехать из Хойрепа в Саньфынь, и еще 3 часа для того, чтобы покрыть расстояние между рекой Тумыньула и Лунцинц-унь. Только эта дорога даст нам возможность захватить в свои руки огромные богатства Северной Манчжурии.

3. Хуньчунь-хайлинская дорога. Протяжение этой до-

роги 173 мили, ее стоимость 24 млн. иен. Вдоль всей линии густые леса. Эта линия необходима для усиления Гиринхойренской дороги и эксплоатации лесов и шахт Северной Манчжурии. Эта линия необходима для того, чтобы превратить Хойрен в центр процветания за счет Владивостока. К югу от Найшина и к северу от Дуньхуа находится озеро Цинпо, которое можно будет использовать для получения электрической энергии. Имея в своем распоряжении эту энергию, мы сможем захватить в свои руки контроль над всеми сельскохозяйственными и промышленными предприятиями Манчжурии и Монголии. Исследование Южноманчжурской железнодорожной компании показало, что озеро может дать по меньшей мере 800 тыс. лош. сил. Имея такую огромную массу электрической энергии, мы сможем с легкостью завоевать промышленность Манчжурии и Монголии. Вблизи такого огромного силового центра будут расти богатства с феноменальной быстротой. Мы должны быстро построить эту дорогу для того, чтобы облегчить транспорт. Озеро Синхай, которое находится во владении Китая и России, может быть также использовано для получения электроэнергии. Для того чтобы эти две страны не сорвали наших планов, мы должны внести на международной электроконференции, которая состоится в этом году в Токио, резолюцию, согласно которой в одной и той же области не должно быть двух силовых станций. Бумажная фабрика Оджу уже получила вблизи Нигата и Хайлина широкие права на лесные богатства. Эта фабрика нуждается в том, чтобы на озере Цинпо была немедленно построена силовая станция и чтобы была как можно скорее построена Хуньчунь-хайлинская дорога, так как тогда можно будет с большей быстротой подвозить сырье, растущее в диком виде в Монголии.

Если железнодорожное общество Фень-Гирин-Учан и мукденские власти собираются строить Учанскую и Гирин-мукденскую дорогу с Хулутдао и Туньцзином в качестве портов, то это объясняется тем, что они хотят получить в свои руки богатства Северной Манчжурии. Построив Хуньчунь-хайлинскую дорогу, мы не только усилим Гирин-хойренскую, но и сорвем китайские планы и направим поток манчжурских богатств в порт Цинцин. Транспортные расходы будут на две трети ниже, чем на Китайской дороге, и на одну треть ниже, чем на Сибирской. Они не могут конкурировать с нами, и победа будет наша.

Общий торговый оборот в Манчжурии составляет 7—8

млрд. иен в год, и вся эта торговля находится в наших руках. Наша торговля шерстью, хлопком, сочи, железом составляет $^1/_{20}$ мировой торговли. Наша торговля постоянно растет. Однако богатейшая улица Дайрена находится еще в руках китайцев. Но это еще не все. Производство растительного масла является основной отраслью промышленности в Манчжурии. Наша доля в этой промышленности составляет всего лишь 6%. Среди 38 фабрик растительного масла в Инкоу нет ни одной японской. Из 20 фабрик в Андуне только одна японская и из 82—83 в Дайрене всего лишь 7 японских. Это весьма печально. Для того чтобы завоевать потерянную позицию, мы должны прежде всего развить транспорт. Захватив в свои руки монополию над готовыми продуктами и сырьем, мы сможем занять господствующее положение в этой промышленности. Кроме того мы должны помогать японцам, занимающимся этой промышленностью, предоставляя им широкие кредиты, и таким образом вытеснить китайцев. В Осаке имеется много китайцев, торгующих нашими фабрикатами в Монголии, Манчжурии. Они сильно конкурируют с японцами, живущими в Китае. Нашим труднее, так как их жизненный уровень выше и им нужен более высокий процент прибыли. С другой стороны, и китайцы имеют свои слабые места. Они получают товары худшего качества, а с другой стороны, им приходится платить по меньшей мере на 10% больше, чем японцам. Они принуждены платить на 2,7 иены больше японцу за каждую тонну товаров, но, несмотря на это, они успешно конкурируют с нашими купцами в Манчжурии. Это ясно говорит о неспособности нашего народа. Когда думаешь об этом, хватаешься за голову. Китаец предоставлен своим собственным силам и не получает помощи от правительства. Японец, живущий в Манчжурии, пользуется защитой своего правительства и получает долгосрочный кредит, уплачивая незначительный процент. Мы должны поэтому организовать кооперативное экспортное общество для торговли с Китаем. Оно должно пользоваться особыми преимуществами на пароходах и на Южноманчжурской железной дороге, и квантунское правительство должно ему предоставить кредит, взимая невысокий процент. Тогда мы сможем успешно конкурировать с китайскими купцами, развить наше производство в Манчжурии и экспортировать наши товары во все страны света.

Первый шаг для завоевания финансового и торгового контроля над Манчжурией и Монголией заключается в

получении монополии на продажу продуктов этих стран. Мы должны иметь монопольные права на продажу монгольских и манчжурских продуктов, так как только тогда мы сможем провести нашу континентальную политику, помешать проникновению американского капитала и подорвать влияние китайских купцов.

Хотя манчжурские и монгольские продукты должны проходить через 3 порта—Дайрен, Инкоу и Андунь, тем не менее основным является в данном случае Дайрен. Ежегодно проходят через этот порт 7 200 судов с общим тоннажем в 11 565 тыс. *т*. Это—70% всей манчжурской и монгольской торговли. Из этого порта расходятся по всем направлениям 15 пароходных линий. Большинство этих линий обслуживает побережье. Мы имеем в своих руках всю транспортную систему Манчжурии и Монголии. Возможно, что мы получим и монополию продажи специально манчжурских продуктов. В этом случае мы сможем развить наш океанский транспорт и отодвинуть на задний план порты Инкоу и Андунь. В наших руках будет торговля огромными количествами бобов, которые потребляет Центральный и Южный Китай. Китайцы употребляют в пищу растительное масло, в случае войны мы сможем отрезать доступ этого масла, и они будут сильнейшим образом страдать. Получив в свои руки контроль над источником предметов питания и транспортом, мы сможем развить наше производство риса, увеличив количество удобрительных веществ, добываемых в качестве побочных продуктов из фушунского угля. Таким образом от нас будет зависеть все земледелие в Китае. В случае войны мы можем наложить эмбарго на удобрительные вещества и запретить их вывоз в Центральный и Южный Китай. Это сильно сократит производство предметов питания в Китае. Мы не должны упускать из виду эту сторону при строительстве нашей континентальной империи. Мы не должны забывать, что Европа и Америка также нуждаются в огромных массах бобов в целях удобрения. Когда мы будем монопольными собственниками этих продуктов и будем контролировать транспорт как на суше, так и на море, то страны, нуждающиеся в специальных продуктах Манчжурии и Монголии, будут добиваться нашей благосклонности. Мы должны получить в свои руки контроль над всей системой транспорта для того, чтобы получить монополию торговли в Манчжурии и Монголии. Только тогда мы сможем задавить китайского купца.

Однако китайцы научаются нашим приемам и побивают нас нашими же методами. Мы еще не научились успешно конкурировать с ними в производстве растительного масла и в водном транспорте (на парусных судах). Построив новую систему транспорта, мы должны проводить политику двоякого рода. С одной стороны, мы должны подорвать их судоходство, вложить крупные капиталы в наше судоходство. С другой стороны, мы должны стремиться к тому, чтобы японцы усвоили китайский опыт в этом деле. Вместе с тем мы не должны допускать, чтобы китайцы научились нашим промышленным методам. В прежние годы мы имели фабрики в Манчжурии и Монголии вблизи источников сырья. Китайцы получили таким образом возможность узнать наши секреты и открыли свои фабрики, которые конкурировали с нами. Мы поэтому должны посылать сырье в Японию, перерабатывать его здесь и вывозить в Китай и другие страны уже готовые изделия. Мы таким образом дадим работу нашим безработным, задержим приток китайцев в Манчжурию и Монголию и лишим китайцев возможности подражать нашим новым промышленным методам. Железо, добываемое в Бенсиху и Аньшане, и фушунский уголь также должны посылаться в Японию для окончательной переработки.

Все это говорит о необходимости развития океанского транспорта. Необходимо расширить Дайренское общество «Кисен Кайся», и наше правительство должно ему предоставить заем через посредство Южноманчжурской железнодорожной компании, взимая невысокий процент. В будущем году мы получим 50-тысячный тоннаж для нашего океанского транспорта. Этого вполне достаточно для того, чтобы занять доминирующее положение в торговле на Дальнем Востоке. С одной стороны, у нас имеется Южноманчжурская железная дорога, обеспечивающая транспорт по суше, а с другой стороны, в наших руках контроль над огромными массами манчжурских и монгольских продуктов, ожидающих своего транспорта. Железные законы экономики обеспечивают нам успех в том случае, если мы расширим наш океанский транспорт с Дайреном в качестве центрального порта.

Необходим золотой стандарт

Несмотря на то, что Манчжурия и Монголия находятся в поле нашей деятельности, основой денежного обращения там все же является серебро. Это часто вызывает противо-

речия с нашим золотым стандартом и неблагоприятно отражается на наших интересах. Если японцы, живущие в этих краях, не разбогатели, то это объясняется исключительно тем, что там существует серебряная денежная система. Китайцы упорно держатся серебряного стандарта, и мы поэтому не смогли установить наши планы колонизации на твердой экономической основе. Мы терпим от этого ущерб, который заключается в следующем:

1. Мы приносим с собой в Манчжурию деньги, основанные на золотом стандарте. Там нам приходится их разменивать на китайские серебряные доллары. Курс доллара колеблется часто на 20%, принося крупные убытки нашему народу, живущему в Манчжурии. Спекуляция становится обычным занятием, и инвестиция капиталов становится своего рода игрой. Если кто-либо вложил в дело 200 тыс. иен, он может в один прекрасный день обнаружить, что его капитал упал до 160 или 150 тыс. долл. вследствие падения курса серебряных денег. В результате мы имеем ряд банкротств.

2. Китайский торговец пользуется исключительно серебряными деньгами, и поэтому он не страдает от колебаний курса. Хотя китайцы не имеют точного представления о курсовой ценности золота и серебра, они всегда выигрывают во всех сделках. Это у них природная способность, и мы от этого страдаем. Мы терпим убытки, несмотря на то, что мы пользуемся поддержкой банков. Вследствие несовершенства денежной системы население Центрального и Южного Китая покупает бобы исключительно у китайцев. Здесь мы ничего не можем сделать, и поэтому мы не можем завоевать всего Китая.

3. Китайское правительство может учитывать число банкнот по мере увеличения количества наших денег, находящихся в обращении. В результате наши банки не могут выполнить свою миссию, заключающуюся в усилении влияния Японии в Китае.

4. Если бы был принят золотой стандарт, мы могли бы выпускать свободно наши банкноты, опирающиеся на золотую основу. Опираясь на эти банкноты, мы могли бы приобрести права на недвижимость и природные богатства и подорвать кредит китайских серебряных банкнот. Китайцы не смогут конкурировать с нами, и денежное обращение Манчжурии и Монголии окажется всецело под нашим контролем.

5. Правительственный банк Трех восточных провинций—

Банк путей сообщения, Пограничный банк и Всеобщий кредитный финансовый банк имеют в обращении серебряные банкноты на 38 млн. долл., а их актив, заключающийся в строениях и товарах, оценивается всего лишь в 1 350 тыс. долл. Ясно, что китайские банкноты должны были потерять свою ценность, и если они еще находятся в обращении, то это объясняется поддержкой правительства. Пока мы не дискредитируем китайские серебряные банкноты, мы не сможем их вытеснить нашими золотыми банкнотами в Манчжурии и Монголии и получить в свои руки финансовую и денежную монополию в этих двух странах. С помощью этих обесцененных серебряных банкнот правительство Трех восточных провинций покупает всякого рода товары, нарушая таким образом наши благоприобретенные интересы. Продавая эти товары, они требуют у нас золота, которое они задерживают у себя в целях подрыва наших финансовых интересов и нашей торговли. Ввиду всего этого крайне необходимо введение золотого стандарта.

Мы должны вытеснить манчжурские серебряные банкноты и лишить правительство какой бы то ни было покупательной способности. Мы тогда сможем пользоваться нашими золотыми банкнотами и таким образом захватить в свои руки экономическую и финансовую деятельность в Манчжурии и Монголии. Мы можем заставить власти Трех восточных провинций призвать японских финансовых советников, которые помогли бы нам занять доминирующее положение в области финансов. Когда китайские банкноты потеряют всякую ценность, их место займут наши золотые банкноты.

Нужно стремиться к тому, чтобы другие державы инвестировали свои капиталы

Наша традиционная политика заключалась в том, чтобы не давать третьей державе вкладывать свои капиталы в Манчжурию и Монголию. Однако с тех пор как договор девяти держав установил принцип равных возможностей для всех, принцип международного консорциума, согласно которому Манчжурия и Монголия находятся вне сферы его влияния, уже является анахронизмом. За нами постоянно следят державы, и каждый шаг, который мы предпринимаем, вызывает подозрение. В этих условиях лучше, если иностранные капиталы будут вложены в электропредприятия и щелочную промышленность. Используя

американский и европейский капиталы, мы можем в соответствии с нашими планами развивать Манчжурию и Монголию. Мы таким образом усыпим международные подозрения, расчистим путь для более широких планов и заставим державы признать факт нашего особого положения в этой стране. Мы должны приветствовать все попытки держав сделать инвестиции, но мы не должны позволять Китаю вести дела с крупнейшими странами так, как бы это ему хотелось. Так как мы хотим, чтобы державы признали наше особое положение в Манчжурии и Монголии как в политическом, так и в экономическом отношении, мы обязаны вмешаться и нести всю ответственность совместно с Китаем. Мы должны стремиться к тому, чтобы эта наша политика распространилась и на дипломатические отношения Китая с другими странами.

Необходимость изменения организации Южноманчжурской железной дороги

Южноманчжурская железнодорожная компания функционирует в Манчжурии, как корейский генерал-губернатор перед аннексией. Если мы хотим построить нашу новую континентальную империю, мы должны изменить организацию общества и устранить те трудности, с которыми ему приходится бороться. Функции общества очень многообразны. Каждая перемена кабинета имеет своим результатом изменения в администрации ЮМЖД, и, наоборот, деятельность дороги оказывает большое влияние на кабинет. Дело в том, что ЮМЖД является полуправительственной. Державы поэтому рассматривают эту дорогу скорее как политический орган, чем как коммерческое предприятие. Как только предпринимается какой-нибудь шаг для развития Манчжурии и Монголии, державы обращаются к договору девяти держав для того, чтобы сорвать планы ЮМЖД. Это сильно повредило интересам нашей империи. ЮМЖД находится под четверным контролем, а именно: под контролем квантунского губернатора, высшего представителя власти в Дайрене, генерального консула в Мукдене и наконец председателя самой дороги. Эти четыре должностных лица должны обменяться мнениями в Дайрене, прежде чем железнодорожное общество может предпринять какие-либо крупные шаги. Хотя их собрания происходят за закрытыми дверями, тем не менее китайские власти Трех восточных провинций о многом узнают. Они стараются, чтобы центральная китайская

власть отказалась дать необходимые разрешения на те или иные мероприятия, и кроме того все решения железнодорожного общества должны еще быть одобрены министерством иностранных дел, министерством путей сообщения, военным министерством и министерством финансов. Если один из этих четырех министров не одобрит вынесенных постановлений, то железнодорожное общество ничего не может сделать. Ввиду этого наш теперешний премьер хотя и сознает свою несостоятельность, тем не менее взял на себя и обязанности министра иностранных дел. Благодаря этому все наши мероприятия в Манчжурии уже можно сохранять в тайне; и наши планы проводятся в жизнь с большей быстротой и решительностью. Ввиду всего этого необходимо радикально реорганизовать ЮМЖД. Все принадлежащие ей доходные предприятия должны превратиться в независимые общества, находящиеся под эгидой ЮМЖД. Мы тогда сможем предпринять решительные шаги для завоевания Манчжурии и Монголии. С другой стороны, нужно предложить китайцам, европейцам и американцам вложить свои деньги в ЮМЖД при условии, чтобы большинство акций осталось в наших руках. Контроль над дорогой останется тогда у нас, но мы зато сможем с большей энергией выполнять нашу имперскую миссию. Приглашая другие державы принять участие в развитии ЮМЖД, мы сможем обмануть весь мир. Добившись этого, мы сможем двинуться вперед в Манчжурии и Монголии, освободиться от ограничений договора девяти держав и усилить нашу деятельность при помощи иностранных капиталов.

1. Железо и сталь.

Железо и сталь тесно связаны с национальным развитием. Однако вследствие недостатка руды мы не могли разрешить эту проблему. До сих пор нам приходится вывозить сталь из долины Янцзы и с Малайского полуострова. Однако секретное расследование нашего генерального штаба показало, что во многих местах Манчжурии и Монголии имеются богатейшие железные залежи. По самым скромным расчетам там будет 10 млрд. *т* железа. Вначале, когда техника не была так развита, аньшанские железоделательные и сталелитейные заводы имели ежегодно убыток в 3 млн. иен. Впоследствии, когда были придуманы новые методы, этот убыток начал уменьшаться. В 1926 г. он равнялся всего лишь 150 тыс., а год спустя заводы имели

уже прибыль в 800 тыс. иен. Если доменная печь будет исправлена, мы будем зарабатывать не меньше 4 млн. иен в год. Качество железа, добываемого в Пэнсиху, превосходно. Имея это железо вместе с аньшанскими рудниками, мы станем независимыми в области снабжения железом и сталью.

Запасы железа в Манчжурии и Монголии равняются приблизительно 1 200 млн. *т*, запасы угля—2 500 млн. *т*. Этого запаса угля достаточно для того, чтобы отлить имеющиеся запасы железной руды. Имея в своем распоряжении такие огромные запасы железа и угля, мы будем совершенно независимы в течение по меньшей мере 70 лет. Считая 100 долл. прибыли на 1 *т* стали, мы сможем заработать 35 млрд. долл. на 350 млн. *т* стали. Мы сэкономим 120 млн. иен, которые мы ежегодно платим за импортируемую сталь. Когда мы будем иметь достаточно железа и стали для нашей промышленности, мы превратимся в руководящую мировую державу. Окрепнув таким образом, мы сможем завоевать и Восток и Запад. Металлозаводы должны быть для этого отделены от ЮМЖД.

2. Нефть.

Другим товаром огромной важности, в котором мы чувствуем недостаток, является керосин. Он необходим для существования нации. К счастью в Фушунских угольных копях имеется 5 200 млн. *т* сырой нефти, из которой можно получить 6% очищенной нефти. При помощи американских машин можно получить 9% очищенной нефти для автомобилей и пароходов. В настоящее время Япония импортирует ежегодно 700 тыс. *т* нефти ценностью в 60 млн. иен. Так как в Фушунских копях имеется 5 млрд. *т* неочищенной нефти, то мы можем из этого получить 250 млн. *т* хорошей нефти, считая 5%, и 450 млн. *т*, если мы поднимем этот процент до 9. В среднем мы можем считать 350 млн. *т*. Считая 15 иен за тонну, мы видим, что нефть, содержащаяся в Фушунских копях, может нам дать 2 250 млн. иен. Это будет для нас великой промышленной революцией. Нефть является и великим фактором с точки зрения национальной обороны и национального богатства. Наша армия и флот будут неприступными твердынями, если в наших руках окажется железо и нефть Манчжурии. Нет сомнения, что Манчжурия и Монголия являются сердцем нашей империи.

Сельскохозяйственные удобрительные вещества, аммониевый сульфат и другие продукты

Для производства предметов питания необходимы сельскохозяйственные удобрительные вещества. Из угля можно получить аммониевый сульфат, необходимый для химического удобрения. Особенно богат в этом отношении фушунский уголь. В настоящее время мы потребляем 500 тыс. *т* аммония-сульфата. Половину этого количества мы изготовляем у себя дома, используя кайланский и фушунский уголь. Другую половину приходится ввозить из-за границы, и это нам обходится в 35 млн. иен в год. Так как наше сельское хозяйство растет и так как мы намереваемся развить нашу новую империю в Манчжурии и Монголии, то нам в ближайшие 10 лет понадобится по миллиону тонн аммония-сульфата в год. Из побочных продуктов, получаемых при сгорании фушунского угля во время отливки стали, мы можем получить огромное количество аммония-сульфата. Если мы выработаем 300 тыс. *т* в год, мы увеличим наш годичный доход больше чем на 40 млн. иен. В течение 50 лет это даст сумму в 2 млрд. иен. Эти деньги можно использовать для поднятия нашего сельского хозяйства. Если будут лишние деньги, мы сможем купить удобрительные туки и наводнить ими все сельскохозяйственные предприятия во всем Китае и на островах Южного моря. Мы должны это дело отделить от ЮМЖД, и мы тогда получим в свои руки контроль над удобрительными материалами для всего Дальнего Востока.

Мы импортируем 100 тыс. *т* соды, уплачивая за это более 10 млн. иен в год. Как сода, так и содовая зола необходимы для военных и промышленных целей. Сода получается из соли и угля, которые находятся в изобилии в Манчжурии и Монголии. Если мы займемся этим делом, мы сможем обеспечить не только себя, но мы получим возможность продавать и в Китай и занять там господствующее положение в этой отрасли промышленности. Мы должны на этом заработать не меньше 15 млн. иен в год. Это также должно быть выделено из ведения ЮМЖД.

Магнезит и алюминий

Согласно данным ЮМЖД и заявлению д-ра Хонта из университета в Тохоку магнезит и алюминий находятся в изобилии в Манчжурии. Магнезит находится в окрестностях Дашицяо, а алюминий—вблизи Яньтая. Это—крупнейшие залежи в мире. Тонна магнезита стоит 2 тыс.

иен, а тонна алюминия—1 700. Общая стоимость запасов того и другого минерала в Манчжурии составляет 750 млн. иен. Эти минералы особенно полезны для фабрикации аэропланов, больничных инструментов, кораблей и пр. Только в САСШ имеются крупные залежи этих минералов. Эти минералы становятся со дня на день все более и более необходимыми, а между тем запас их ничтожен. Цены на них растут. Залежи этих минералов на нашей территории в Манчжурии и Монголии являются для нас божьим даром. Эти минералы необходимы для нашей промышленности и национальной обороны. Это также должна быть независимая промышленность, обособленная от ЮМЖД. Переработка должна быть произведена в Японии для того, чтобы фынгяньское правительство не могло нам подражать, а также для того, чтобы британские и американские капиталисты не могли за нами наблюдать. Захватив в свои руки эти залежи в Трех восточных провинциях, мы сможем заставить водную силу реки Ялу перерабатывать их. Так как авиация развивается, то в будущем к нам будет обращаться весь мир за материалами, необходимыми для аэропланов.

Если все эти предприятия будут независимы друг от друга, они смогут быстро пойти вперед и дадут нам по меньшей мере 60 млрд. иен прибыли в год. Промышленное развитие в Южной Манчжурии имеет огромное значение для нашей национальной обороны и экономического развития. Оно поможет заложить основу промышленной империи. Что касается культурных учреждений, как больницы, школы и пр., то они являются провозвестниками нашего продвижения в Манчжурии и Монголии. Они помогут поднять наш национальный престиж и власть. Их надо отделить от ЮМЖД для того, чтобы они могли удвоить наши усилия в нашем продвижении на север Манчжурии.

Когда эти крупные предприятия станут независимыми и освободятся от вмешательства наших чиновников, они конечно станут центрами национального процветания. На крыльях экономического развития мы сможем быстро двинуться вперед, не возбуждая подозрения держав и не вызывая антияпонской деятельности населения Трех восточных провинций. При помощи таких закулисных приемов мы можем создать нашу новую континентальную империю.

Иностранные займы, предоставляемые ЮМЖД, должны быть использованы лишь теми железными дорогами, по-

стройка которых уже закончена. Остальные дороги, построенные нами, но номинально находящиеся под контролем Китая, могут быть слиты с законченными дорогами или же сделаны независимыми в соответствии с желанием инвестирующей державы. Лозунг «равных возможностей» дает нам возможность получить иностранные займы и рассеять всякие подозрения относительно наших намерений в Северной Манчжурии. Во всяком случае нам нужен будет иностранный капитал для развития нашей континентальной империи. Когда будет возможность для иностранных держав инвестировать свои деньги в ЮМЖД, они с удовольствием дадут нам больше денег, и Китай ничего против этого не сможет сделать. Это — лучший путь для развития наших планов в Манчжурии. Мы не должны терять времени. Точно так же мы должны поступить и в отношении богатств, сконцентрированных на севере Манчжурии и Монголии. Нужно превратить в отдельные предприятия две новые дороги от Гирина до Хойнина (Хойрен) и от Чанчуня до Далая, равно как и лесные и горные предприятия.

Эксплоатация Северной Манчжурии сильно обогатит Манчжурскую дорогу. Мы должны позволить, чтобы иностранные державы, вкладывающие свои деньги в ЮМЖД, получали свою долю прибыли. Когда они будут получать прибыль, они не будут препятствовать нашей деятельности в Манчжурии. В Южную Манчжурию уже переселяются огромные массы китайцев. Их позиция будет усиливаться с каждым днем. Так как право аренды земли еще не вполне обеспечено внутри страны, то положение наших иммигрантов постепенно ухудшается. Даже пользуясь поддержкой нашего правительства, они не могут конкурировать с китайцами, жизненный уровень которых ниже. Единственный наш шанс заключается в том, чтобы побить китайцев вложением крупных капиталов. Для этого однако нужны иностранные займы. Богатства Северной Манчжурии объединяются с нашими силами в Южной Манчжурии и проблема будет сразу разрешена навсегда. Если это не удастся, они смогут держаться в Северной Манчжурии и доставлять нам продовольствие и сырье. Так как интересы Северной Манчжурии и нашей страны тесно связаны друг с другом, мы должны непосредственно войти в Северную Манчжурию и проводить там нашу политику.

Необходимо создание департамента по колониальным делам

Наша эксплоатация в Манчжурии принимает различные формы. Люди, стоящие у власти, часто настолько расходятся в мнениях, что даже наиболее выгодные предприятия кончаются неудачей. Вследствие медлительности работы наши планы часто разоблачаются, и мукденское правительство использует их для пропаганды во вред нашей стране. Если в Манчжурии или Монголии проектируется какое-либо новое предприятие, то этот вопрос обсуждается в Дайрене на десятках конференций. Нужно не только одобрение вышеуказанных четырех высших чинов, но и одобрение правительства. Поэтому проходят целые месяцы, пока получается какой-либо результат. Тем временем китайцы используют какого-либо японского авантюриста, выпытывают наши секреты, и прежде чем мы приступили к выполнению наших планов, о них уже знают китайцы и весь мир. Общественное мнение всего мира обращается против нас, и мы таким образом не раз наталкивались на величайшие затруднения при проведении нашей политики в Манчжурии и Монголии. Партия, находящаяся в оппозиции, также использует это для того, чтобы нападать на правительство. Мы должны изменить нашу работу. Центр контроля должен быть перенесен в Токио. Это обеспечит секретность переговоров и проектов, помешает Китаю преждевременно узнавать о наших планах, избавит нас от подозрительного отношения держав, узнающих сейчас о проектах, прежде чем они проводятся нами в жизнь, объединит наш контроль в Манчжурии и установит тесную связь между нашими властями в Манчжурии и Монголии и центральным правительством, что очень важно для наших сношений с Китаем. Исходя из всех этих соображений, мы должны выполнить первоначальный план поглощения Кореи, выработанный Ито и Кацура, и создать департамент по делам колоний, который заботился бы о нашей экспансии в Манчжурии и Монголии. Номинально он ведал бы управлением Формозы, Кореи и Сахалина, но фактически он бы работал над экспансией в Манчжурии и Монголии. Это поможет нам обмануть весь мир, лучше скрыть от последнего наши секреты.

Я лично считаю, что если поглощение Кореи не смогло быть осуществлено во время управления Ито, то это объясняется отсутствием специального органа контроля. Ввиду этого наблюдалось постоянное расхождение мнений,

и совершенно невозможно было проводить тайную политику. Это открыло путь для международной обструкции и корейской оппозиции. Масса пропагандистов явилась в Европу, Америку и Корею и заявила, что мы признаем независимость Кореи и не посягаем на ее территорию. В результате нам удалось вновь вернуть международное доверие. Если мы создадим колониальный департамент якобы для Формозы, мы сможем добиться своей цели. Совершенно очевидно, что нужно специальное учреждение для развития колонизации и иммиграции. Создание новой империи в Монголии и Манчжурии имеет огромное значение для существования Японии. Необходимо иметь специальный колониальный департамент для того, чтобы можно было в Токио контролировать нашу политику на этой огромной территории. Наши чиновники там должны лишь принимать приказы, но не вмешиваться по своему произволу в проведение нашей политики. Это обеспечит должное соблюдение секретности, и враждебная нация не сможет проникнуть в тайны нашей колониальной деятельности. Международное общественное мнение не сможет следить за нашим движением в Монголии и Манчжурии, и мы не будем бояться никаких вмешательств.

Что касается таких предприятий ЮМЖД, как Общество развития, Земельное общество, Трестовская компания, то контроль над этими предприятиями должен также находиться в руках колониального департамента. Они все должны быть под объединенным контролем для того, чтобы они могли нам помочь в нашей политике экспансии в Монголии и Манчжурии, проводимой императорским правительством, и таким образом способствовать строительству новой империи.

Долина реки Талин на Пекин-мунденской дороге

Долина реки Талин представляет собой огромную территорию с редким населением. Местность кишит бандитами. Многие корейцы вложили здесь свои капиталы, в особенности в рисовые плантации. Этот район обещает превратиться в центр процветания. Кроме того отсюда хорошо продвигаться в Жэхэ. Мы должны всемерно защищать наших корейцев, живущих здесь, и использовать первый удобный случай, чтобы получить у Китая право колонизации этой области. Наши иммигранты должны получить возможность здесь жить и играть роль нашего авангарда в наступлении на Жэхэ и Монголию. В случае войны эта долина

будет стратегическим пунктом для крупных армий. Мы тогда не только сможем удержать китайцев от движения на север, но и будем господствовать над огромными богатствами в Южной Манчжурии. Если корейцы придут в эту область, мы должны им оказать финансовую поддержку через посредство нашего Трестовского общества и других финансовых организаций. Эти организации должны получить право собственности, а корейцы должны ограничиться правом обработки земли. По форме однако это право собственности должно принадлежать корейцам. Таким образом мы сможем получить эти права у китайского правительства. Трестовские общества и финансовые органы должны полностью поддерживать наших корейских подданных в их стремлении получить землю. Если им нужны будут деньги для покупки земли, финансовые органы должны будут им в этом помочь. Мы таким образом незаметно получим в свои руки контроль над лучшими рисовыми плантациями, которые должны получить наши иммигранты, т. е. японцы. Они должны будут вытеснить кореицев, которые в свою очередь пойдут искать новых земель, которые в будущем также достанутся нашему народу. Такова наша политика в деле колонизации рисовых и бобовых плантаций. Что касается животноводства, то Общество развития должно получить особые полномочия и предоставить в распоряжение нашей страны побольше стад. Это же общество должно заниматься коннозаводством, отбирая лучших монгольских лошадей для целей нашей национальной обороны.

Борьба с китайской иммиграцией

Внутренние раздоры в Китае заставили в последнее время огромную массу китайцев переселиться в Монголию и Манчжурию. Это создало угрозу для нашей иммиграции. Мы должны здесь принять соответствующие меры. Тот факт, что китайское правительство приветствует эту иммиграцию и ничего против нее не предпринимает, является серьезной опасностью для нашей иммиграции. Известный американский китаевед заявил, что мукденские власти проводят настолько разумную политику, что все переселяются на их территорию. Итак приток иммигрантов рассматривается как признак энергичной политики мукденских властей. Это затрагивает наши интересы. Если мы эту иммиграцию не остановим, то через 10 лет Китай сокрушит нас при помощи нашей же политики. В политическом отношении мы должны использовать наши полицейские силы для

того, чтобы задержать приток китайцев, и наши финансисты должны гнать китайцев путем снижения зарплаты. Далее мы должны развить применение электрической энергии и заменить ею человеческую рабочую силу.

Больницы и школы

Больницы и школы в Манчжурии не должны находиться в зависимости от ЮМЖД. Дело в том, что люди часто рассматривают их как органы империализма и отказываются туда обращаться. Когда мы их превратим в независимые учреждения, люди оценят нашу доброту и будут нам благодарны. Открывая школы, мы должны в первую очередь думать о нормальных школах для мужчин и женщин. В этих школах мы можем воспитывать в людях дружелюбное отношение к Японии. Это – наш первый принцип культурного строительства.

АСАДАО АРАКИ

задачи ЯПОНИИ в эпоху Сиова

Введение

В результате своей великой экспедиции основатель императорской династии Дзимму построил первый императорский дворец в Кавасибара в районе Ямато (теперь префектура Нара) и торжественно установил основание государства и принцип верховной власти.

С тех пор императорская линия в течение 124 поколений непрерывно продолжалась, и основание государства с каждым годом укреплялось. Великое дело японского народа (народа Ямато) с каждым годом процветает под отеческим руководством ряда императоров.

С глубоким чувством и гордостью мы вспоминаем блестящую 3 000-летнюю историю государства, особенно при императоре Мейдзи, который взял на себя великую задачу руководить народом нововосстанавливающегося государства, народом, слава которого гремит по всему земному шару. Национальный дух, долгое время находившийся в скрытом состоянии, наконец показал свою действенность и живую энергию.

Императорское государство — Япония, так гигантски возвышающаяся над облаками города Фудзи, является великой фигурой для мира. Стоя перед этой фигурой, мы не можем не почувствовать еще большей гордости и бодрости.

Однако за последнее время в Японии появилась часть народа, которая забывает сущность собственного национального духа и духа нашего государственного строя, в нее легко проникает легкомысленная иностранная идеология, среди которой все более заметной становится тенденция к погоне за скоропреходящим весельем. Больше того, с каждым годом постепенно уничтожаются характерные особенности японского народа: простота, смелость и т. д.

Такое положение безусловно является результатом недопонимания и глупости. Процесс ухудшения народного духа протекает быстро, и направить его на путь добродетели чрезвычайно трудно. Тем более преступным является молчание компетентных лиц в то время, когда они слышат проклятия по адресу великолепного государственного строя хотя бы и от небольшого числа людей.

Мы ни в какой степени не сомневаемся в искренности японского народа, имеющего 3 000-летнюю историю, и в правильности основ государственности, которые должны быть вечны, как небо и земля. Но нам нужно постоянно придерживаться правила: «Будь готов к самому худшему и делай для избежания этого худшего все возможное».

Выражая здесь свое мнение о задачах Японии в эпоху Сёва, я не думаю совершить этим какой-либо коренной переворот. Я думаю только о пользе, которую мое мнение может принести хотя бы в небольшой степени.

Ошибочная философия об отсутствии различий

Буддисты проповедуют мысль: «В природе нет различий». По их мнению, там, где нет различий, существует так называемый «искренний свет». Но этот «искренний свет» означает «свет пустоты», т. е. «свет нигилизма». Однако разве сущностью современности является нигилизм? Иначе говоря, разве может существовать нигилизм в ограниченном свете? С этой точки зрения большому сомнению подлежит правильность философии об отсутствии различий.

В сущности нет ничего из существующего в космосе, что не имело бы своей цели: и у солнца, и у луны, и у бесчисленных звезд, и у земного шара—у всех имеется определенная цель. Это же можно сказать и о нашем мире: как у человека имеются характерные для него человеческие свойства и особенности, так и каждое животное, каждое растение имеет свои свойства.

Только там, где существует различие, там создается достоинство.

Считая здесь лишним сравнивать человека с животными, возьмем для примера хотя бы собаку. Лягавая и пудель, и та и другая—собака. Но ведь существует большое различие между ними: в то время как пудель ценен только для забавы, лягавая собака является охотничьей и сторожевой. Но если лягавую собаку и пуделя в течение нескольких поколений мы поставим в одинаковые условия

воспитания, обстановки, пищи и т. д., то разница в их особенностях исчезнет.

То же самое мы имеем и в мире человека. Если здесь не существует большого различия между людьми в отношении внешности, то все же существуют различия, определяемые расовой принадлежностью и национальностью.

У нас, у японцев, имеются свои свойства и своя цель, а у китайцев свои особенности. Такие же различия имеются и среди других государств. Только тогда, когда народы различных стран знают свои особенности и искренно добиваются достижения своих целей, только тогда наступит рай на земле.

Поэтому мы, японцы, должны иметь достаточное представление о своих свойствах и целях и соответственно этому направлять наши действия. Идея об отсутствии различий не может быть нами признана. Мы верим, что, только стоя на точке зрения абсолютного различия, мы придем к человечеству, среди которого не будет различий. Помимо этого пути нет другого, по которому мы могли бы пойти.

Осознание себя как японцев

Международное положение сейчас вызывает много беспокойств ввиду открытого антагонизма между странами, угнетения слабых более сильными и мирового экономического кризиса, приводящего хозяйства различных стран к хаотическому положению.

С другой стороны, внутри страны все еще имеются легкомысленные выступления эгоистичных заграничных идей, чем усиливается общественное беспокойство.

В данное время, чреватое разного рода событиями, мы находимся лицом к лицу с небывало серьезным положением. Как мы должны относиться к этому положению?

О том, что мы должны иметь бодрость, говорить здесь не нужно. Однако одной бодрости недостаточно. Надо прежде всего иметь прозорливое «осознание». Прежде чем предпринимать ряд мер внешнего и внутреннего порядка, надо предварительно тщательно их исследовать. А тем более неотложным для нас делом является осознание самих себя.

Не осознавая самих себя, мы не можем предпринимать правильных мер. Основным является то, что все должно исходить от нас самих. Если мы будем забывать об этом основном непременном условии, то бессознательно будем

впадать в иллюзии или в ересь. Вот именно поэтому мы должны открыто говорить: «Всякие изучения должны исходить из самосознания». Прежде чем приступить к изучению того или иного вопроса в столь небывало тяжелом положении, надо твердо осознать: «Я—японец». Изучать те или иные вопросы без самосознания—это значит мерить без меры.

Возьмем один пример—нынешнее маньчжурское положение. Почему возникли маньчжурские события и в чем их сущность—это должен понимать весь народ.

Когда ставится вопрос о причинах маньчжурского инцидента, то каждый японец ищет их в незаконном нарушении Китаем договоров, в недопустимом игнорировании им международных обычаев и в несправедливом посягательстве на приобретенные Японией права и интересы.

Бесспорно, что все это является поводом происхождения инцидента, но, откровенно говоря, этот инцидент вырос не на таких мелких вопросах. В основе его лежит коренной вопрос. Что же это такое? Это—оскорбление Китаем Японии.

Однако могут сказать, что не только один Китай, но почти весь мир пренебрежительно относится к настоящему положению Японии.

Какая позиция была занята Китаем вскоре после возникновения маньчжурского инцидента? Характерны настроения ряда государств, входящих в Лигу наций, против Японии в связи с инцидентом!

В Китае произвольно игнорируются договоры, которые надлежит строго соблюдать по международному публичному праву. Там постоянно нарушаются законно приобретенные Японией права и интересы. К тому же там проводятся такие антияпонские действия, что даже в учебниках для начальных школ откровенно пишется против Японии. Совершенно понятно, что Япония рано или поздно должна была выйти из терпения.

Действия Японии ни в чем не противоречат принципам справедливости.

Забывая свою основную задачу—действовать на началах справедливости, Лига наций в течение долгого времени пыталась отклонить и осудить справедливые требования и действия Японии. В конечном счете стало ясным, что пренебрежение по адресу Японии стало крупным течением мирового масштаба.

На вопрос, откуда получилось такое положение, отве

прост. Оно получилось оттого, что японцы сами забыли свою национальную гордость, забыли свои убеждения и потеряли самосознание. Оно получилось оттого, что японцы утонули в легкомысленной заграничной идеологии, унизив свой престиж перед всем миром. Надо сказать, что является совершенно естественным то, что они оказались оскорбленными рядом держав и Китаем.

Поэтому не только для того, чтобы выработать контрмеры в отношении Манчжурии и Монголии, но и для того, чтобы показать всему миру свою блестящую сущность, нам нужно, чтобы у всего народа были разбужены убеждения и идеалы императорской армии, чтобы народ имел решимость итти под еще большим прицелом, избегая отдельных прагматических идей.

А иначе, даже в том случае, когда манчжуро-монгольский вопрос будет разрешен удовлетворительно для Японии, перед нами будет стоять вопрос: неужели это положение еще долго продолжится?

Значительная часть народа удовлетворена только превращением Манчжурии и Монголии в японскую колонию экономического значения. Но я уверен в том, что от такого легкомыслия нам не только ничего не следует ожидать, но даже в недалеком будущем будем иметь события бо́льших масштабов и значения, чем настоящие события.

С такой точки зрения нам кажется, что континентальная теория, которая до сих пор имела место в Японии, оказывается бессодержательной.

Думаем, что при рассмотрении и установлении японской политики в отношении континента личные интересы должны быть отодвинуты на второстепенный план. В японской континентальной политике должен быть взят более высокий прицел. Экономическое развитие Японии в Манчжурии и Монголии является в конечном счете только второстепенным делом. Поскольку развитие на континенте нужно для спасения Японии, для спасения Востока и для спасения мира, нам нужно теперь иметь чрезвычайную решимость.

Но для этого надо иметь прежде всего самосознание: «Я—японец».

Мысли о японском духе

Тайной победы на войне является знание себя и противника. Это основной принцип, который применяется ко всему. Не зная себя, ничего не можешь знать.

Я думаю, что для того, чтобы Япония могла изжить ее настоящего затруднительного положения, нет другого средства, кроме того, чтобы весь японский народ решительно и полно осознал себя японцем. Только тогда развитие Японии получит достаточный размах, когда это самоосознание будет достигнуто.

Но что должно быть конкретными объектами этого самоосознания японцев? Что является основными отличительными чертами Японии? Это не что иное, как великий идеал, представляемый тремя регалиями японской династии: яшма, зеркало и меч, которые были даны аматерасу-омиками при создании японского государства. Как всем японцам известно, эти три регалии являются прообразом:

зеркало—справедливости,
яшма—милосердия,
меч—смелости.

Именно справедливость, милосердие и смелость, представленные тремя регалиями японской династии, являются основным идеалом Японского государства, путь которого указывался императорами. Это так называемый настоящий «императорский путь». Японская история представляет из себя не что иное, как осуществление этого пути. Сохранить этот путь, прославить его—является долгом японского народа как верного подданного его величества.

Основная сущность японского государственного строя заключается в единении высшего с низшим, монарха с народом. Тем самым становится ясной цель японцев, которая сводится к тому, чтобы прославлять величие императора,—для этого же следует общественное благосостояние ставить выше частного, личного.

И тогда, когда японский народ усвоит этот настоящий национальный дух и осознает свою истинную цель, естественно, что будет усиленно развиваться и он сам.

Настоящее затруднительное положение не может быть ликвидировано до тех пор, пока японский народ не будет воодушевлен желанием реализовать с максимальной решимостью свой великий идеал мирового значения. Без этого воодушевления невозможно ни коренное разрешение маньчжуро-монгольского вопроса, ни континентальной политики.

Все это подтверждается такими историческими фактами, которые имели место, начиная с эры Мейдзи, как японо-китайская, японо-русская и японо-германская войны, тор-

жественно проводившиеся под этим великим идеалом. Позиция Японии тогда была признана всем миром. На этой основе создалось величие Японского государства, выросла и увеличилась его сила. Если бы эти войны проводились Японией на основе эгоистичных интересов, если бы они носили разбойничий, грабительский характер, тогда по всей вероятности Япония была бы объектом упреков со стороны всех государств мира и в конце концов попала бы в затруднительное положение, граничащее с безвыходным. Германия во время последней европейской войны является живым доказательством этому.

С самого начала истории превосходство Японии заключалось в том, что зло и несправедливость никогда не руководили ее действиями, никогда не заменяли высокой нравственности ее поступков.

Теперь однако есть основание для беспокойства, так как среди народа имеется группа людей, численно хотя и незначительная, но которая, будучи захвачена иностранной радикальной идеологией и следуя теории марксизма, иногда забывает честь Японии, ее цели и свой долг. Есть также люди, которые ведут себя к гибели, предаваясь лени и покою при отсутствии идеалов и сознательности.

Здесь не надо говорить о том, что теория материализма, не признающая духовных функций человека, превращающая его в машину, лишающая его идеалов и свободы, превращающая его в раба общества,—является вредной для здорового общества.

Мы, верящие в японские традиции и японский дух, сильно желаем того, чтобы весь японский народ немедленно пробудился от дурного сна и, объединясь под великим идеалом, стал бы апостолом-проповедником высокой императорской нравственности.

Япония и мир

Теперь рассмотрим внешнюю позицию Японии.

С тех пор как Япония, начиная с эпохи Мейдзи, показала всему миру свое действительное, искреннее лицо, она все время действовала на основе справедливости и имела решимость прибегать к реальной силе, жертвуя собой в пользу мира. Она никогда не колебалась в деле уничтожения зла. В результате этого она стала одной из трех крупнейших держав мира.

Оказать величию императора поддержку —это значит реализовать великий идеал Великой Японии. Для этого япон-

ский народ напрягал все свои силы, так как у него горело великое самоосознание как японского народа.

Однако за последнее время это сильное национальное воодушевление постепенно падает, даже, можно сказать, находится в резко упадочном положении.

Для примера возьмем распространение в обществе легкомысленной идеологии. Капиталисты заботятся только о своих интересах, не обращая внимания на общественную жизнь; политики часто забывают общее положение страны, увлекаясь интересами своих партий; служащие и учащиеся забывают свой долг, предаваясь увеселениям и утехам.

Словом, можно сказать, что всюду имеется легкомысленное течение, эгоизм, исключающий бодрость, честь и идеал. Кто может не беспокоиться о будущности государства, думая о дальнейших результатах такого положения? Да ведь этот вопрос не только будущего. Ведь признаки бедствия вырисовываются уже теперь.

В действительности ведь имеется крупный печальный факт изоляции Японии в ее международном положении,— и японский народ должен знать, что, до тех пор пóка он не оставит свое равнодушие, Япония будет постоянно подвержена этому положению изоляции.

Изучить причины такого положения является неотложно необходимым. Они просты. Они заключаются в том, что японцы забыли свое национальное самоосознание, забыли правильное представление об императорской Японии.

Что же может остаться от Японии, когда забывается великая душа государства, когда оставляется национальная гордость? То, что Япония является сейчас объектом пренебрежения со стороны всего мира и получила оскорбление от Китая, в конечном счете случилось по вине самой Японии. Надо хорошо понять, что отсюда произошли и манчжурский инцидент и атака на Японию со стороны государств, объединенных Лигой наций.

Повторяю, нынешний манчжурский инцидент возник не на основе таких мелких вопросов, как игнорирование договоров или посягательство на права и интересы Японии. Основной причиной инцидента является оскорбление Японии Китаем. Лига наций не могла отличить справедливости от несправедливости, что привело в результате к тому, что и она оскорбляет Японию. Таким образом должно быть ясно всякому, что непосредственной причиной изоляции Японии является оскорбление, полученное ею от

всего мира, и что это случилось по вине самой Японии.

Японский народ должен понять это отчетливо. Он должен также понять и то, что, только усвоив эту истину, он может избежать имеющиеся затруднения.

При наличии такого положения манчжурский инцидент является для Японии случаем, данным богом. Надо признать, что бог забил во все колокола, чтобы тем самым разбудить японский народ.

Мы никоим образом не придерживаемся пессимистического взгляда в отношении современного затруднительного положения. Мы твердо верим в то, что настоящее международное положение быстро улучшится для Японии, если японский народ возродится из великой души Японского государства и покажет себя как японский народ. При этом условии скоро придет время, когда весь мир радостно встретит «императорскую нравственность».

Настоящее положение Восточной Азии

Наша «императорская нравственность», являющаяся воплощением сочетания истинной души Японского государства с великим идеалом японского народа, должна проповедываться и распространяться по всему миру. Все препятствия, стоящие на пути этого дела, должны решительно уничтожаться, не останавливаясь перед применением реальной силы.

Здесь нам придется предварительно рассмотреть настоящее положение в Восточной Азии, так как наши мероприятия устанавливаются прежде всего в соответствии с условиями непосредственно граничащих с нами государств.

Спрашивается: какое положение в Восточной Азии в настоящее время?

В Китае уже в течение 20 лет беспрерывно господствует беспорядок, там до сих пор нет даже центрального правительства и нет самой сути государства.

В Индии под гнетом Англии страдает более 300 млн. человек, и она теперь лицом к лицу стоит перед серьезным кризисом.

Как в Средней Азии, так и в Сибири не найдется даже одного куска свободы. И Монголия тоже как будто превратилась во вторую Среднюю Азию. Таким образом на континенте Восточной Азии, кроме Японии, самостоятельным государством является только Сиам.

При наличии такого положения является непозволительным умалчивать и упускать из виду Японию, которая является самым сильным государством в Восточной Азии и у которой не только имеется соответственно этому действительная сила, но также и историческая миссия спасти ряд государств Восточной Азии. Япония должна решительно встать во имя справедливости, хотя бы и была реальная угроза разорения отечества. Во всяком случае нам нужно решительно бороться за правду.

Говорят, что Англия—страна джентльменов. Если это так, то почему национально-освободительное движение в Индии все более обостряется, из года в год? В Америке выставляется эмблема гуманности и справедливости, но чувствуется ли это в ее внешней политике по отношению к Панаме, Кубе, Мексике и ряду стран Средней и Южной Америки? При рассмотрении и других государств, действующих на международной арене, мы видим, что нигде нет императорской нравственности.

Различные страны Восточной Азии являются объектами гнета со стороны белой расы.

Разбуженная императорская Япония больше не может позволить произвол белой расы. Миссией Японии является борьба со всеми действиями, несовместимыми с императорской нравственностью, от какой бы страны эти действия ни исходили.

В этом смысле Япония не может упускать из виду ни одного случая беспорядка, возникающего в том или другом пункте Восточной Азии. Так как нарушение мира абсолютно несовместимо с великими идеалами императорской Японии, нужно всегда иметь необходимые приготовления и решимость сразу же устранять такие беспорядки, хотя бы и пришлось для этого прибегать к реальной силе. Мы уверены, что пока существует такая решимость и действительные силы, мы можем ожидать мира.

Нам очень жаль, что Китай до сих пор не понимает искренности Японии и напрасно прибегает к помощи Европы и Америки, что он все еще продолжает играть в техническую дипломатию, становясь с каждым годом во все более невыгодное для себя положение.

Поверхностным взглядом или сознательным искажением действительности является представление о том, что Япония является милитаристической страной и проводит агрессивную политику. У Японии нет других намерений,

как всеми силами реализовать свой основной идеал—сохранение мира.

В манчжурском инциденте Япония прибегла к вооруженной силе. Но это означает, что Япония взяла в свои руки меч для того, чтобы спасти многих, принеся в жертву одного.

Важность манчжуро-монгольского вопроса

Здесь не следовало бы говорить о важности манчжуро-монгольского вопроса, так как после возникновения инцидента она была всесторонне разъяснена и стала хорошо известной народу. Но здесь нужно заострить внимание на то, какой простор для распространения императорской нравственности представляют Манчжурия и Монголия.

Манчжурия и Монголия служили ареной японо-китайской и японо-русской войны, где погибло около 100 тыс. человек и было израсходовано около 2 млрд. иен государственных средств. Там живет около 1 млн. человек наших соотечественников (из которых 200 тыс. японцев и 800 тыс. корейцев), туда вложено более 1 500 млн. иен капиталов. В вопросах регулирования населения, продовольствия, сырья для тяжелой промышленности и наконец государственной обороны существование Японской империи тесно связано с Манчжурией и Монголией. Бесспорно разрешение этих вопросов очень важно, но в конечном счете они являются второстепенными вопросами.

Мы считаем манчжуро-монгольский вопрос важным потому, что если мы не установим прочно своего престижа в Манчжурии и Монголии, мы никак не сможем распространить великие идеалы, развивавшиеся на протяжении 3 000-летней истории Японии. Япония не должна удовлетворяться только собственным расцветом, свои идеалы она должна распространять по всему Дальнему Востоку и далее по всему миру.

Настоящее же положение на Дальнем Востоке и положение во всем мире диктуют Японии необходимость выступления. Думаю, что в этом смысле имеет большое значение манчжурский инцидент. Япония уже сделала по указанию бога первый шаг вперед. Там, куда императорская армия направлена, где действует реальная сила ее, сохраняются мир и спокойствие. Императорская армия даром не употребляет оружия. Мир и справедливость заставляют ее приняться за меч, ибо это является необходимым средством реализации ее идеалов.

Если спросить, чьей территорией является Манчжурия, территория ли это Китая, территория ли это России, или же она является самостоятельным государством,—очевидно никто в мире не сможет дать на этот вопрос точного ответа. Даже сам Китай не может удовлетворительно на него ответить.

Прежде чем ставить вопрос о мире в Восточной Азии, надо дать себе отчетливое представление о роли Монголии. Япония не желает допускать существования такой двусмысленной территории, каковой является Монголия, непосредственно граничащая со сферой влияния Японии. Монголия должна быть во всяком случае территорией, принадлежащей Востоку, и ей надо дать мир и спокойствие. Никак нельзя оставить ее в положении, при котором другие государства распространяют в отношении ее свою агрессивную политику. Оставить Монголию в двусмысленном положении—значит сохранить очаг беспорядков на Дальнем Востоке.

Можно было бы сказать, что вопрос о распространении в Монголии императорской идеи является более трудным, чем аналогичный вопрос в отношении Манчжурии. Нужно здесь выразить отчетливо и откровенно ту мысль, что какой бы враг ни противостоял распространению императорской идеи, он должен быть уничтожен.

Далее, обращая наше внимание на великую работу по выполнению наших идеалов и целей, по сохранению мира на Дальнем Востоке, мы должны внимательно следить за действиями нашей соседки—России, памятуя, что все еще существует название «Владивосток» (что по-русски означает «владеть Дальним Востоком»).

Вопрос о корейцах

Сохранить мир на Востоке—это традиционный государственный принцип императорской Японии. Она это неоднократно доказывала, рискуя собственной судьбой. Япония вела японо-китайскую, японо-русскую и японо-германскую войны только для того, чтобы прежде всего сохранить мир на Дальнем Востоке.

Повторяем: сохранение мира на Дальнем Востоке означает прежде всего распространение императорской нравственности. Отсюда исходят как внешние, так и внутренние мероприятия Японии. На этом основании базировалась и аннексия Японией Кореи. Нам очень жаль, что с тече-

ем времени эта истина забывается. В императорском Указе по поводу аннексии Кореи сказано так:

«Под моей милостью народные массы будут увеличивать свое благосостояние. Промышленность и торговля значительно разовьются в условиях спокойного времени. Я твердо убежден, что тем самым дело мира на Дальнем Востоке будет укреплено».

О великой душе бывшего императора Мейдзи можно судить уже из приведенных выше слов. Разве последующие государственные деятели хорошо восприняли эти слова? Благодаря целому ряду установлений благосостояние Кореи с каждым днем и месяцем улучшается. Но там упускался из виду один большой факт—это вопрос о корейцах, живущих в Манчжурии. Они издавна являются подданными императора и нашими соотечественниками. Несмотря на то, что число их выражается в 800 тыс. человек, существование их совершенно упускалось до сих пор из виду. Под гнетом зверских китайских властей их жизни и имуществу постоянно угрожала опасность.

О чем заставляет нас подумать этот факт? Имея перед собою миллионные массы, которые бродяжничают в поисках земли, нельзя не принять на себя ответственность за них и оставить их в таком положении.

Полное объединение Японии с Кореей является основанием мира на Дальнем Востоке. Нельзя не заботиться о корейцах. Нужно кормить их, давать им силу жизни и тем самым обеспечить их будущность. Иначе великий дух аннексии Кореи в конце концов погибнет.

Глубокой ошибкой было бы думать, что с приобретением концессий на железные дороги и горную промышленность цели манчжуро-монгольской политики Японии целиком достигнуты. До сих пор Япония, сосредоточивая свое внимание на этих правах и интересах, возбуждала подозрение других государств и находилась в изолированном положении. Воспользовавшись нынешним инцидентом, мы должны на деле показать, что заявления и действия Японии исходят исключительно из начал гуманности и стремления к миру.

Далее, в восточной части Сибири живет несколько сот тысяч корейцев, и положение их еще более ужасно. Мы должны глубоко почувствовать необходимость позаботиться о них, как мы это делаем в отношении корейцев, живущих в Манчжурии, и принять необходимые меры в ближайшем будущем для помощи им. Наши традиции и нацио-

нальные чувства не позволяют нам молча, сложа руки, наблюдать их ужасное положение.

Японцы—апостолы мира

С самого начала истории Япония являлась «государством военного искусства». Однако одновременно с этим существовала традиция не прибегать к оружию произвольно. В этом заключался национальный престиж Японии, и поэтому Япония никогда произвольно не прибегала к оружию. Так она твердо осуществляет дух императорской армии, путь которой покоится на справедливости и милосердии.

Совершенно поверхностным является представление о Японии как о милитаристическом или империалистическом государстве. Такое представление может иметь только тот, кто не знает, что Япония берется за оружие только в борьбе за мир.

О том, как Япония любит мир и стремится к спокойствию и благосостоянию человечества, можно судить по императорским эдиктам каждого императора, где ясно упоминается об этом. Япония уважает военное искусство только для того, чтобы осуществить свои великие идеалы.

Нельзя японскому народу некритически воспринимать американскую и европейскую культуру и ослаблять традиционный японский дух. Развивая свой великий дух, определившийся в течение 3 000-летней истории, японский народ должен стремиться к распространению императорской нравственности. В этом заключается его вечная жизнь и слава как апостола мира.

Долой еретическую доктрину материализма! Уничтожить развратные течения!

На материю нельзя положиться.

Сильный дух и бодрость в конечном счете решают все.

Вопрос о численности населения важен. Важен также и продовольственный вопрос. Конечно важен вопрос и о международном положении. Однако нам не нужно слишком беспокоиться по поводу этих вопросов. Японский народ должен стоять выше всех и смотреть дальше всех. Когда он осознает свою миссию и свои цели, все эти вопросы разрешатся сами собой.

Стран.	Строка	Напечатано	Следует
111	8 [illegible]	буржуазная пресса	Вашио в журнале «Транс-Пасфик».
123	1—2 [illegible]	отрезок пути которой должен соединять	отрезок пути, который соединил.
167	19 сверху	заметно усиливают и укрепляют революционные настроения	выявляют всю степень роста революционных настроений
175	3 [illegible]	прессы «Scripps Howard» в частности	прессы, в частности
»	11 [illegible]	и в значительной части ею ет	и все еще играет
»	[illegible]	газети	[illegible]
180	14 [illegible]	провозгласил	подчеркивал
180	16—17 [illegible]	ряд фактов вынуждают од ную Америку к сдержанности. Прежде всего в ина,	В ряду моментов вынуждающих Америку к сдержанности [illegible] крупнейшее значение имеет и тот факт, что сейчас,
181	11—12 [illegible]	Появление Советских ножек в отношении СССР и по[illegible] ческими буржуазными кругами	Обращаясь к тесно связанной с положением на Дальнем Востоке проблеме американо-советских отношений, нужно констатировать, что позиция американской буржуазии в отношении СССР [illegible] в частности в Манчжурии использовала события в Манчжурии для борьбы против Советского союза
187	12 [illegible]	за [illegible] в Манчжурии	В обмен за соответственный сговор
187	[illegible]	[illegible] события в Манчжурии	
187	13 [illegible]	За [illegible] ответственный сговор	
188	12—17 [illegible]	[illegible] ор французских группиро[illegible]	всей французской группировки
191	3 сверху	и эта часть резолюции официально	и эта часть резолюции
193	15 [illegible]	спорящих	спорящих
193	[illegible]	и со всей проблемой благодаря	и со всей проблемой направления
197	[illegible]	вынуждены были во время	вынуждены были
199	[illegible]	мужественно»	«мужественно»
205	[illegible]	Только что опубликованная	Появившаяся недавно
206	[illegible]	сентября)	сентября 1933 г.)
201	[illegible]	В гораздо более благополучном журнале	в журнале
231	21 [illegible]	текущего года	1933 г.

250

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

Стран.	*Строка*	*Напечатано*	*Следует*
Оглавл.	7 сверху	японская агрессия в современном Китае	японская агрессия в Собственно Китае
»	10 сверху	углубление современного кризиса в Японии	углубление кризиса в Японии
6	27 »	в ряде факторов периода	в ряде факторов
7	11 »	Восточная Азия еще не разделена.	Китай еще не разделен
16	3 снизу	главным орудием экспансии	главным финансовым орудием экспансии
17	1 снизу	экономического соревнования и отмене всяких привилегий	экономического соревнования империалистов и отмене всяких исключительных привилегий.
20	18 сверху	военноружейным снабжением Китая	снабжением Китая оружием
20	16 снизу	последний год	последние годы
27	таб. 2-я колонка	1909 г.	1929 г.
41	3—5 сверху	и путем политической подготовки расширения уже захваченных плацдармов и путем подготовки к расширению манчжурского плацдарма	и путем политической подготовки расширения уже захваченных плацдармов
44	21—22 сверху	транспорт	транспортные
50	10—11 снизу	характерны упомянутый уже генерал Ма и генерал Тан Ю-лин — губернатор провинции Жэхэ	характерен пример упомянутого уже генерала Ма и генерала Тан Юлина — губернатора провинции Жэхэ.
54	10 снизу (сноска)	феодального купеческого	феодально-купеческого
»	2 снизу (сноска)	буржуазных элементов	имущих элементов
57	22 сверху	1932	1932
»	11 снизу	Эти заявления были связаны с зимним затишьем в деятельности манчжурских партизан. К концу 1932 г.	В связи с зимним затишьем в деятельности манчжурских партизан к концу 1932 г.
73	4 сверх	Эти цифры не были однако особенно утешительными	Другие подсчеты не были однако столь утешительными
78	17 снизу	Австрии	Австралии
84	16 снизу	Это отнюдь не способствовало	Последняя отнюдь не способствовала
93	11 снизу	сразу разоблачают	окончательно разоблачили
101	22 сверху	препятствует действиям советизации Китая.	препятствует действительной советизации Китая.
105	заголовок	Углубление современного кризиса в Японии	Углубление кризиса в Японии
111	13 снизу	кредитов или же покрытия этих дефицитов	кредитов
116	16 снизу	Глава японского банка «Хидзиката»	глава японского Банка Хидзиката.

КАРТА
Современного политического положения на Дальнем Востоке
МАСШТАБ
0 200 400 600 800 км
УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ
Партизаны
Кит. Красная Армия
Нанкинские войска
Северные милитаристы
Южные —"—
Сычуаньские —"—
Владения империалистич. госуд.
Англ.
Япон.
Франц.
САСШ
Итал.
Бельг.
Маньчжурия
Демилитаризованная линия
Железные дороги
Составил Б. Перлин

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
КАРТА
МАНЧЖУРИИ
Масштаб 1:4000000
40 0 40 80 120 160
С. С. С. Р.
Р. Амур
Мохэ
Опу
Нерчинск
Сретенск
Чжуэргань
Цигань
Нерчинский завод
Шивэй
Драгоценка
Хума
Свободный
Сахалян
Благовещенск
Айхунь
Цинэ
Сюньхэ
Уюнь
Хабаровск
Маньчжурия
Хайлар
Ганьчжур
Мэргэнь
Нуньцзянь
Лунчжэнь
Фошань
Суйюань
Буси
Нэхэ
Дэду
Кэшань
Туньэй
Кэдун
Ганьнань
Фуюй
Байюань
Ианъ
Цицикар
Хайлунь
Суйлэн
Лобэй
Суйфин
Тунцзян
Фуцзинь
Жаохэ
Цзинсин
Миншуй
Линьдянь
Цинчэн
Тели
Ванкуй
Цинган
Аньда
Суйхуа
Дунсин
Фыншань
Тан-юань
Саньсин
Иланъ
Баоцин
Хулинь
Иман
Солунь
Тайлай
Тайкан
Ланьси
Чжаодун
Хулань
Баянь
Мулань
Тунхэ
Харбин
Фуцзядянь
Фанчжэнь
Мишань
Боли
Тучюань
Таоань
Чжаочжоу
Биньсянь
Тунбинь
Ачэн
Далай
Бодунэ
Шуанъяшань
Чжухэ
Аньгуан
Таонань
Чэн-ань
Вайцзя
Кайтун
Чжань-юй
Юйшу
Учан
Мулин
Спасск
Нун-ань
Шуланьэр
Нин-ань
Дунин
Чанлин
Дэхуй
Гиринь
Никольск-Уссурийск
Линьси
Тунляо
Кайлу
Хуайдэ
Чанчунь
Эму
Баиньталай
Шуаншань
Шуан-ян
Ляоюань
Лишу
Итун
Дуньхуа
Ванцин
Владивосток
Суйдун
Сиянь
Паньши
Хуадянь
Канпин
Чанту
Сифэн
Кайлу
Янцзи
Чифын
Цзяньпин
Факу
Кайюань
Хуинань
Хэлун
Вэйчан
Фэнинь
Синьмин
Цзинъюань
Мынцзян
Аньту
Юуки
Хойрен
Расин
Сейсин
Чаоян
Хэяшань
Мукдэн
Фушунь
Люхэ
Фусун
Линьцзян
Чэндэ
Бэйчжэнь
Синьбинь
Тунхуа
Чанбай
Тайпинцзян
Панъшань
Бэньси
Ляоян
Цзинъчан
Цзиньси
Синьэн
Хуланьэнь
Цзиань
Хулудао
Инкоу
Гайчжоу
Куаньдянь
Суйчжун
Ляньюй
Фынчэн
Гайпин
Сюянь
Ичжоу
Юпин
Чанли
Аньдун
Синьичжоу
Луань
Фу
Чжуанхэ
Лэтин
Таньцзинь
Цзинчжоу
Цзиньчжоу
Гензан
ЗАЛИВ ЛЯОДУН
ЗАЛИВ ЧЖИЛИЙСКИЙ
ЗАЛИВ КОРЕЙСКИЙ
Порт-Артур
Дайрэн
ЯПОНСКОЕ МОРЕ
Условные знаки
Золото рудное
россыпное
Уголь каменн.
Серебро, цинк, свинец руда
Молибден
Каолин, полев. шпат
Огнеупор. глина
Плавиковый шпат
Медные руды
Магнезит
Железо
Серн. колчедан
Соль
Сода
Минеральн. источники
Сера
Платина
Азбест
Барит
Драгоценн. камни
Битуминозн. вещества
Графит

± 6УЛ.

МГОУ
№ 1-54
Цена

2020231441